

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 5 (104)

май, 2025

СЛОВО РЕДАКТОРА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Поздравляю вас с юбилеем Победы в Великой Отечественной войне! День Победы по праву относится к самым ярким и торжественным страницам истории нашей страны. Это была Победа в войне, ставшей самым суровым испытанием для жителей России и всего мира. С тех пор слово «Победа» мы пишем с большой буквы, подчёркивая тем самым всё величие подвига российского народа.

Сегодня мы отдаём дань глубокого уважения и благодарности каждому, кто воевал на передовой и в тылу. С горечью и слезами на глазах вспоминаем всех, кому не суждено было вернуться с полей сражений. Память о героях фронта и тыла всегда будет жить в наших сердцах!

Самый светлый, дорогой и любимый народный праздник, общий для всех: ветеранов, их детей, внуков и правнуков. Это частичка истории каждой семьи. Победный май 1945-го навсегда вошёл в героическую летопись нашего Отечества как символ мужества и самоотверженности всего советского народа. Это день священной памяти о тех, кто отдал жизнь в борьбе с фашизмом. И одновременно для всех нас это день светлой радости оттого, что смогли преодолеть все тяготы и невзгоды, выжить и победить в той страшной войне.

Это праздник на все времена. И наша страна, великая Россия, всегда будет жить и процветать, пока не забыто 9 мая 1945 года! Пусть над нами всегда будет мирное небо, а в каждом доме – счастье, благополучие и любовь! С праздником! С Днём Победы!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

Поздравляю вас с 80-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне! В этот праздник всех нас переполняет чувство гордости за поколение победителей, освободившее мир от фашизма. Мы знаем, какой ценой далась эта Победа, и свято чтим ратные и трудовые подвиги тех, кто выстоял в героической борьбе за свободу и независимость Родины. К сожалению, с каждым годом всё меньше ветеранов разделяют с нами радость победной весны. Наш долг сегодня – увековечить их имена и сохранить правду о мужестве и самоотверженности советских людей.

В этот день мы отдаём дань уважения тем, благодаря кому была одержана победа в борьбе за свободу и независимость Родины. История страны передаётся по наследству. Воспоминания передаются от дедов к внукам, из рассказов – в сердца. Память живёт в каждом из нас. В медалях на груди героев, в пожелтевших фотографиях, в морщинках у глаз, в крепко сжимаемой руке друга, в тихой гордости и в знании нашей общей истории. Пока мы не забываем, пока мы знаем и благодарим ветеранов войны за их мужество – наша страна и весь мир тоже будут об этом помнить.

Пусть небо над нашей Родиной всегда будет мирным и безоблачным!
Желаю всем счастья, здоровья, благополучия и добра!

***Владимир ФИЛИПОВ,
президент Российского университета дружбы народов***

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 5 (104), май 2025 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.05.2025 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Аркадий Платицин. Фашистов добили.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6 Владимир Филиппов.
Юбилей Университета дружбы
народов

ГЕРОИ

- 9 Олег Иванов.
Вечно живые...

ПОБЕДЕ – 80

- 15 Сергей Коротин.
Салют Победы
- 17 Бессмертный полк
- 20 Владислав Бусов
- 22 Любовь Щеникова

ГОРОД-ГЕРОЙ

- 25 Михаил Князев.
Ленинград ответственный

БИОГРАФИЯ

- 31 Валентин Волков.
Рассказ о моём деде

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 33 Владимир Икорский
- 34 Зинаида Кокорина.
Мелодия любви, или Любовь-
Любаша
- 37 Людмила Радул.
Синдром детей войны
- 38 Людмила Сизова

КРЫМСКИЕ ТЕТРАДИ

- 43 Тихон Синицин.
Таврика Тихона Синицына. Севастополь
- 47 Николай Ильченко
- 53 Марина Орлова.
Из «Крымского альбома»
- 55 Сергей Тесла

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

- 57 Александр Балтин.
Слово Победы

СУДЬБЫ

- 68 Николай Макаров.
Любовь – это на всю жизнь

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 72 Анатолий Гагарин
- 74 Анна Ленгле

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

- 76 Вячеслав Прытков.
Путь в глубины
- 78 Торпильеры И. Виноградского
- 80 Под флагом белого генерала
- 82 Почётная сабля линкора

БОЛЬШАЯ СТРАНА

- 84 Виктор Усов.
Сибирь-матушка

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 92 Анатолий Труба.
Школьники Краснодона в Москве

*Вкладка – художники Пётр Фролов,
Аркадий Васильевич Платицин,
Сергей Алексеевич Фёдоров.*

Из фондов Музея-усадьбы А. М. Герасимова, г. Мичуринск

ЮБИЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

В ГОД 65-ЛЕТИЯ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ И 80-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПРЕЗИДЕНТ РУДН, АКАДЕМИК, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ФИЛИППОВ ПОДЕЛИЛСЯ СВОИМ МНЕНИЕМ О ЗНАЧИМОСТИ И УНИКАЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.

❓ Владимир Михайлович, вузу исполнилось 65 лет, не совсем круглая дата, но РУДН каждые пять лет чествуют на самом высоком уровне, поздравляет президент. Такой чести удостоиваются не все учебные заведения. Благодаря чему именно РУДН завоевал такое расположение?

– Действительно, 65 лет университету – это не круглая дата. Но у нас были поздравления и

от министра науки, от министра иностранных дел. Двенадцать человек наградили орденами и медалями, из них восемь – иностранцы. Поздравил и Президент России. И это не случайно. Ведь Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы был создан в феврале 1960 года по личному решению первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Никиты Сергеевича Хрущёва. А ровно через пять лет в Кремле

дипломы первым выпускникам вручал лично председатель правительства Алексей Николаевич Косыгин. И с тех пор юбилеи университета постоянно проходят в Кремле, куда съезжаются выпускники из разных стран мира. Зал там на 5700 мест, и каждый раз присутствуют люди примерно из 150 стран мира. Для некоторых удивление, ведь многие организации хотят добиться на мероприятиях присутствия представителей хотя бы 50 стран, а тут в один момент собираются выпускники из 150 стран. И наш университет – единственный в мире, в котором обучаются студенты из 160 стран мира.

Важно другое – к идее создания такого университета в 1960 году сподвигло то, что большинство стран Африки получили независимость. А колонизаторы говорили: раз такие умные, то готовьте сами своих специалистов. США первые предложили провести в Индонезии саммит по оказанию помощи в подготовке кадров для стран Африки. Но понимая важность принципа «Кадры решают всё», в Индонезию поехал лично Никита Сергеевич Хрущёв и объявил: «Пока вы дискутируете, мы 5 февраля 1960 года подписали Указ о создании университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, который будет готовить учителей, врачей, агрономов, инженеров». И до сих пор наш вуз остаётся единственным в России, который готовит под одной крышей специалистов разных направлений.

Хочу подчеркнуть то, что специалистов надо было готовить с нуля. Вначале заработал подготовительный факультет, но за год создали лаборатории, кафедры медицинского университета, физмата, аграрного факультета. Это был подвиг коллектива во главе с Сергеем Васильевичем Румянцевым. И получилось в истории университета, что первый ректор пришёл с должности заместителя министра. И второй ректор – В. Ф. Станис – тоже пришёл на должность ректора с должности заместителя министра. А я, наоборот, здесь вырос как студент и потом стал министром. Хочу подчеркнуть, что в первые годы десятки премьер-министров: Индии, Пакистана, Бангладеш, других стран – приезжали к нам в университет, понимая, что это уникальное учебное заведение. Тогда иностранцы были экзотикой в

Советском Союзе и приезжали учиться именно сюда – в Университет дружбы народов. И студенты из всех стран жили в одном помещении, в тапочках ходили на занятия. А в Америке ещё было деление по национальному признаку: были бани для белых и чёрных. Создание такого университета было политическим делом. Нас даже разместили в Академии Генерального штаба, шикарном здании с колоннами. А военные начали строить себе новое здание.

После распада Советского Союза одним из высоких руководителей была сказана фраза: «Зачем нам нужен Университет дружбы народов?» И тогда он был переименован в Российский университет дружбы народов. И так спасли его.

❓ Для создания вуза такого уровня потребовалось, как я понимаю, немало усилий?

– Действительно, ведь на этом месте были деревни Бедеяво, Тропарёво. Естественно, никакого метро «Юго-Западная» ещё не было. У нас в музее сохранились фотографии, когда на этом месте, где стоит университет, паслись коровы.

И это стало возможным благодаря победе в Великой Отечественной войне, в 1949 году победило освободительное движение в Китае, потом в Африке государства, победившие в народно-освободительных движениях, стали задумываться о том, чтобы дать образование своим специалистам. И Советский Союз помогал им.

Неоднократно к нам приезжал первый президент Намибии Сэм Нуйома, который 30 лет, с 1959 по 1989 год, вёл освободительную борьбу и понимал значение того, что в стране должны быть люди с образованием, поэтому посылал их учиться в Университет дружбы народов. И он, приехав в Москву, отметил, что университет на протяжении всех 30 лет помогал ему готовить кадры, поэтому не мог не приехать на юбилей вуза.

Приезжал в РУДН и лидер Мозамбика Самора Машел, чьим именем названа улица недалеко от университета.

В этом году исполняется 100 лет Патристу Лумумбе, чьим именем был назван наш университет, и это событие тоже будет отмечаться.

❓ Как прошёл юбилей?

– Многие отмечали, что захватывала атмосфера дружбы. Выпускники попросили встретиться за три часа до начала вечера в Кремлёвском дворце. И это несмотря на то, что за два дня до этого в РУДН была конференция и они виделись, за день они были на факультетах и общались, но всё равно им не хватило времени для общения.

❓ Сколько сейчас обучается у вас иностранных студентов?

– Когда началась СВО, говорили, мол, кто к вам поедет, ведь вводятся санкции против России. Но, несмотря на это, число студентов за последние три года резко возросло: до начала СВО обучалось 30 тысяч, а ныне – 40 тысяч. И возникла проблема, что некуда их селить. Последнее общежитие у нас введено в эксплуатацию в 2020 году, уже взяли в аренду общежитие МГИМО и в ближайшее время планируем строить два здания общежития.

В 1993 году, когда Советский Союз развалился, я стал ректором. Тогда в Университете дружбы народов было 5700 студентов из 109 стран мира. Сейчас 40 тысяч студентов из 161 страны мира. При этом университет занимает ведущие позиции в рейтингах. Многие говорят: зачем нужно участие в рейтингах? Но если иностранцы хотят поступать в университет, то обязательно смотрят, на каком месте он находится. Поэтому мы и участвуем в этих рейтингах, хотя министерство этого с нас не требует. Среди российских вузов мы занимаем третье место после МГУ и Бауманского университета. И это не случайно. Дело в том, что своим приоритетом мы всегда ставили качество образования. В те годы, когда образовался университет, была борьба против Советского Союза, против Университета дружбы народов, в некоторых странах расстреливали наших выпускников. Тогда выпускники были проводниками коммунистической идеи. Даже в Ираке Хусейн сажал в тюрьму наших выпускников. И мы говорили иностранным студентам, мол, когда вы вернётесь домой, вам нужно будет конкурировать с выпускниками английских и французских университетов. И если бы подготовка наших студентов была плохой, то потом к нам никто не приехал бы учиться. Ныне самый востребованный у нас – ме-

дицинский институт, в котором учатся 10 тысяч человек из 40 тысяч иностранных студентов. И преимущество наших студентов в том, что они на стадии обучения контактируют с больными, чего не встретишь в зарубежных вузах.

У нас всегда практиковалось, что за две недели до окончания университета мы ставим двойки. И это – борьба за качество.

У нас в университете всегда ставка делалась на науку. И это поддерживал ректор В. Ф. Станис, который много сделал для развития науки. И развивал, опираясь на молодых. После создания университета просили МГУ отдать 200 учёных в РУДН. И тогда было решено построить девятиэтажный дом с квартирами для этих преподавателей. В 1995 году, когда впервые ввели звание «Почётный доктор университета», мы присвоили это звание ректору МГУ Виктору Садовничему, потому что МГУ поддержал наш вуз, поделившись лучшими специалистами.

❓ В этом году отмечается 80 лет Победы в Великой Отечественной войне. Как университет готовится к этой дате?

– Интересно, что порой российские ребята знают меньше нашу историю, чем иностранные. Там изучают потому, что благодаря советской помощи их страны получили независимость. Но ныне стоит задуматься: ведь те студенты, которые обучались в СССР, получали образование бесплатно, а ныне 70 процентов иностранных студентов учатся на платном отделении. А во Франции переняли наш предыдущий опыт, и для иностранных студентов – полностью бесплатное образование. В советские времена, когда иностранные студенты поступали к нам, их везли в специальную секцию ГУМа и одевали за счёт бюджета. Так было примерно с 1960 по 1975 год. И многих африканских абитуриентов, воевавших в лесу и плохо знавших программу, два или три года готовили на подготовительном отделении, а потом учили в университете. Потом ребята объединились в Ассоциацию выпускников и сейчас готовятся к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войны и проводят мероприятия. Открывают парки, например в Ливане.

Беседу вёл член Союза журналистов России Андрей ОБЪЕДКОВ

Вечно живые...

О ФУТБОЛИСТАХ-ФРОНТОВИКАХ

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ, К СОЖАЛЕНИЮ, В ЖИВЫХ ОСТАЛОСЬ МАЛО ВЕТЕРАНОВ-ФРОНТОВИКОВ. НО ПОМНИТЬ ОБ ИХ ПОДВИГЕ НАШ НАРОД БУДЕТ ВЕЧНО.

ОДНИМ ИЗ ТЕХ, КТО ВОЕВАЛ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, А ЗАТЕМ СТАЛ ИЗВЕСТНЫМ СПОРТСМЕНОМ, БЫЛ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ САВДУНИН (1924–2008), ФУТБОЛИСТ МОСКОВСКОГО «ДИНАМО».

Олег ИВАНОВ,

в прошлом вратарь московского «Динамо», заслуженный тренер России

Когда началась война, молодому игроку московской команды «Старт» Володе Савдунину было 17 лет. Спортивная жизнь в столице не затихала, даже когда враг в буквальном смысле стоял у ворот города. Но вскоре вместе с семьёй юный футболист оказался в эвакуации – в Куйбышеве, где стал работать слесарем, одновременно выступая за местный «Локомотив». Когда фронт откатился от Москвы, семья Савдуниных вернулась. Но мирная жизнь для юноши длилась недолго...

Впоследствии, когда Владимир Григорьевич ездил с нами как один из руководителей Фонда ветеранов московского «Динамо» на товарищеские матчи по различным городам России, он рассказывал нам о том, как стал солдатом: *«Однажды ехал в трамвае на работу, и меня одолели мысли о том, что вот я, здоровый парень, сижу здесь, в тылу, в то время как идёт такая страшная война. В тот же день подал заявление на фронт».*

Молодого новобранца направили в Ярославское пехотное училище, а через полгода он оказался на передовой в районе Харькова. В первом же бою его подразделению пришлось отражать танковую атаку фашистов...

Герой-разведчик Владимир Савдунин с фронтовыми соратниками (на фото в центре). Его боевые заслуги были оценены двумя орденами Отечественной войны и двумя – Красной Звезды

После тяжёлых потерь отряд был расформирован, и Савдунина отправили в Воронеж, а затем под Курск, где перевели в разведывательную роту 50-й танковой бригады. «В разведку, – вспоминал он, – отбирали сначала по внешнему виду, потом проверяли на силу, выносливость, умение метко стрелять. А обучали на разведчика по ходу боевых операций».

Вскоре Владимир стал героем заметки в армейской газете:

«Отважная четвёрка наших бойцов неожиданно столкнулась с пятнадцатью фашистами. Сержант Владимир Савдунин, сильный и быстрый, раньше всех успел схватить гранату и швырнуть её в немцев, уложив четырёх из них. Тут же наши разведчики открыли стрельбу из автоматов. Савдунин первым прорвался на вражескую батарею. В итоге все четверо остались живы».

Но это был далеко не единственный случай на войне, когда солдат-спортсмену пришлось по максимуму проявить себя. Умение взять «языка» особо ценилось среди разведчиков, и Владимир Григорьевич был в числе лучших.

«Надо было на трёх танках прорваться через линию фронта и уйти в тыл. 15

было разведчиков, и мы сидели, как десантники, на броне. Мы пошли, и нас, значит, обстреляли. Два танка подбили, один вернулся, а они из пушки стреляют, автоматов, пулемётов... Я спустился и побежал к своим, и тут начали сзади стрелять в меня. Оказалось, на этом бугре сидели корректировщики огня, немцы, их два человека, за кустами-то не видно. Я и туда, и сюда, пули всё ближе – мне повезло просто случайно, что меня не убили...

Ну а мы же не прорвались, приходим в часть. Сидит начальство штаба: «Где ты, твою мать, шляешься?!» Мне было так обидно, и тут разрывается мина. И начальник штаба... вот мы стояли, как сейчас сидим за столом, все живы, а он падает.

Но дали мне задание взять языка, а я-то уже знал, где они, которые стреляли. Я вернулся к пехотинцам. А до этого бугра, где они сидели, голая поляна и за ним тоже. Я им говорю, пехоте: «Вот видите кусты, можете по ним открыть огонь?»

И они открыли огонь по этим кустам. И я, значит, прошёл туда, километр примерно. Немцы в окоп сели, чтоб их не убило, я, значит, справа поднялся и из автомата одного убил, другой упал на землю. Я его прикладом по голове – и спустился вниз, под бугор. И за мной приходит танк. Мы на танк сели, за башню спрятались – сзади же стреляют. И привёз его в часть. «А теперь, – говорят, – в штаб фронта отведи его». Машин нет, бой же идёт...

Владимир Михайлович Савдунин, в будущем – выдающийся советский футболист

И мы пошли с ним вдвоём, километра три-четыре от передовой. Идём, а солнце яркое и поляна – и нас немецкий истребитель засёк. Давай, зараза, стрелять. Ну хорошо, что не попал. Приехали, я сдал пленного. “Ну, – говорят, – большое спасибо тебе”.

А наши 15 человек, которые поехали на прорыв, – из них осталось пять. И мы поехали в Курск на машине хоронить ребят. Завезли их в церковь, отпели (я хоть член партии с 42-го, но русская душа-то – она и есть русская, все же крещёные) и, значит, похоронили. Едем обратно в грузовике – навстречу машина везёт немецких пленных. И этот пленный среди них машет мне рукой!!! Такие вот были моменты...

При форсировании Буга у села Джулинка близ Умани (северней Одессы) танки нашей 50-й бригады ворвались на мост. Немцы не успели взорвать переправу, но первый танк подорвался на mine и ушёл под воду. Кто-то из экипажа сам смог выплыть и выбраться на прочную льдину, а командира экипажа Егорова я вытащил из-под льдин, сразу прыгнув в воду, – успел только шапку и бушлат скинуть.

И уже спустя несколько лет после войны, когда “Динамо” играло в Ленинграде, к нам в раздевалку прорвался офицер... тот самый, Николай Егоров. “Смотрю, – говорит он, – на афише в составе ‘Динамо’ Владимир Савдунин. Наверное, тот самый”. И после мы с Николаем все годы дружили, постоянно в гости друг к другу ездили».

Через много лет Владимир Григорьевич, вспоминая боевое прошлое, говорил: «Мне помогли хорошая реакция, ловкость, приобретённые благодаря занятиям спортом ещё до войны».

Война для Владимира Григорьевича закончилась в 1944 году в Румынии, когда он был тяжело ранен в руку и отправлен на лечение в Москву. Затем его комиссовали. «В 44-м приехал раненый в Москву, к себе в Лефортово, и сосед попросил его подменить в полковой команде МВД. У меня рука была перебинтована, но я пошёл и сыграл, и забил семь голов. Так и остался в Москве».

Футбольные ампула Владимира Савдунина – нападающий, полузащитник.

Чемпион СССР 1945, 1949, 1954 и 1955 гг. Обладатель Кубка СССР 1953 г. Трижды был включён в список 33 лучших.

Добился он успехов и в хоккее с мячом: 2-кратный чемпион СССР, 2-кратный вице-чемпион, 8-кратный обладатель Кубка СССР. Семь раз в списке 22 лучших игроков сезона

Один из ведущих игроков столичного «Динамо» Константин Бесков, приметив способного парня и оценив, с каким упорством и желанием тот восстанавливается после ранения и тренируется, порекомендовал его в московское «Динамо».

И вот – Победа! Измученные тяжёлой войной советские люди соскучились по радостям жизни – и, конечно же, по футболу, любимой народной игре. Стадионы заполнялись до отказа. Сам Владимир Савдунин говорил о том времени:

«После войны был очень интересный футбол – ты представь, человек пришёл с фронта, наголодался, а тут такие команды играют! В Москве мы, бывало, не могли на улицу выйти после игры, у каждого были персональные болельщики. Стадионов больших было только два – “Динамо” и “Сталинец” в Сокольниках. Перед матчем уже с трёх часов к стадиону было не проехать, всё забито, даже на крышах автобусов ехали...»

Молодой талантливый игрок постепенно становится одним из самых полезных и универсальных футболистов послевоенного «Динамо».

Прекрасно развитый физически, Савдунин отличался широким диапазоном действий на поле. Мог с равным успехом играть на любой позиции, смело вступал в борьбу за мяч, был цепок и неуступчив в единоборствах. Мощные удары с обеих ног, высокая скорость, надёжная игра головой, умелое взаимодействие с партнёрами и нестандартная обводка на широком шаге делали его грозным и опасным, когда он выступал в амплуа нападающего. На позиции полузащитника отличался большим объёмом перемещений, поддерживал атакующие действия. Играл всегда надёжно, вдохновенно, с полной отдачей сил.

Савдунина, наряду с А. Малявкиным и В. Блинковым, смело можно назвать одним из первых зачинателей в московском «Динамо» того тотального, универсального футбола, который стал проповедоваться голландцами уже значительно позднее – в 70-х годах.

...Осенью 1945 года Ассоциация футбола Англии официально пригласила чемпиона СССР по футболу на серию товарищеских матчей с лучшими британскими клубами. Московское «Динамо», которое в напряжённой борьбе с командой ЦДКА выиграло первый послевоенный чемпионат СССР, приглашение приняло.

Впервые в футбольной истории СССР игроки получили возможность помериться силами с представителями одной из сильнейших футбольных держав мира. До этого из динамовцев международный опыт имели только двое – капитан команды Михаил Семичастный и старший тренер Михаил Якушин.

Подготовку к поездке в Великобританию футболисты «Динамо» (усиленные несколькими игроками других клубов, в том числе армейцем В. Бобровым) проводили на своей подмосковной базе в Мытищах. Занятия шли ежедневно, с большими нагрузками, и Савдунин выдерживал их наравне с именитыми мастерами. Зима наступила рано, динамовцы сами расчищали поле от снега – и тренировались, тренировались...

4 ноября 1945 года, после приёма в Кремле, где сам Ворошилов произнёс перед командой напутственную речь, два самолёта «Дуглас» с динамовцами вылетели в Лондон.

Первое в истории прибытие советских футболистов в Туманный Альбион вызвало ажиотаж среди местных любителей футбола. Дочь Савдунина, Марина Владимировна, рассказывает:

«Особо памятной была поездка в Великобританию осенью 1945 года. Когда мы подросли, папа часто вспоминал о ней. Перед поездкой всем выдали модные тогда длинные пальто, широкополые шляпы, и когда в Лондоне наши футболисты вышли из самолёта, встречавшие были удивлены. Ведь они ожидали увидеть мужиков в телогрейках и сапогах, как изображали русских футболистов местные газеты. Не случайно вместо отеля гостей планировали поселить в солдатских казармах... Но и москвичи, в свою очередь, многому удивились. Например, огромному интересу к их приезду. Или тому, что первые ряды на стадионах были отведены для инвалидов колясок. А в Глазго их удивили советские песни в исполнении зрителей».

17 ноября Владимир Савдунин был заявлен, наряду с такими звёздами, как Хомич, Блинков, Карцев, Станкевич, Бесков, Бобров, Семичастный, Леонид и Сергей Соловьёвы и другие, в незабвенном матче с командой «Кардифф-Сити», окончившемся разгромной победой «Динамо» со счётом 10:1. Как вспоминал английский писатель и журналист Дэвид Даунинг, «динамовские форварды издевались над защитой “Кардиффа” не только количеством голов, но и стилем игры. Быстрая перепасовка оставляла практически не у дел игроков обороны “Сити”, заставляя их бегать по полю вхолостую. Русские нападающие с лёгкостью пробежали под носом Маклафлина. Можно даже было представить, как они задумчиво передают друг другу сигарету, решая, кому забивать».

Сам Владимир Григорьевич так рассказывал об этом турне:

«Перед поездкой Сталин и Берия нервничали, тренера вызывали: мать вашу за ногу, вы

понимаете, что не имеете права проиграть?!
Надо было доказать, что мы не только воюем хорошо...

Нам говорили, что они играют так, что мяч от ворот до ворот проскакивает. А мы приехали, посмотрели – ничего необычного. И первая игра вышла 3:3, хотя моменты были такие боевые. А потом мы освоились, и следующая, через два дня, – 10:1!

После был банкет. Лорд, хозяин, говорит: «Нам всё очень понравилось, особенно ваш вратарь, такие мячи брал!» А Хомич встал и кланяется. Переводчик говорит: «Алексей Петрович, лорд Александр восхищён вашей игрой и хотел бы вас купить для команды «Челси». А тот отвечает: «Нет, я не продаюсь!»

Его, когда первую игру сыграли, народ на руках унёс просто, был фурор страшный. Кстати, пришли и русские люди на игру – те, кто уехал во время революции...

Потом мы играли в Шотландии, 2:2, там судья пенальти дал. А они же друг с другом спорят, кто лучше – Шотландия или Англия. И когда мы вернулись играть с «Арсеналом», англичанам надо было реабилитироваться. Так они под маркой «Арсенала» выставили сборную Англии. Они представить не могли, что мы сможем обыграть и такую команду.

Мы их обставили 4:3, и общий счёт получил-ся 19:9 на четыре игры! А ведь когда мы уезжали, нас просили вернуться хотя бы с ничьей...»

В чемпионатах СССР Владимир Савдунин сыграл 186 матчей, в которых забил 62 мяча. Одним из лучших его друзей стал легендарный динамовский голкипер Алексей Хомич: они не только долгие годы играли вместе, но и были соседями по дому. Не прервалась дружба и после перевода Хомича из московского «Динамо» в минский «Спартак».

Любил он вратарей, хотя и забивал им часто!

На протяжении всей жизни дружеские отношения связывали Владимира Савдунина и с великим Львом Яшиным. Первый матч, в котором они вместе вышли на поле, состоялся 2 июля 1950 года: «Динамо» – «Спартак». С начала игры ворота бело-голубых защищал Алексей Хомич. Первым, на 65-й минуте, от-

После окончания спортивной карьеры Владимир Савдунин – дипломат. 35 благодарностей, почётный знак «Лучший работник МИДа», орден Дружбы народов

крыл счёт Савдунин. А через десять минут после этого Хомич получил травму, и на замену вышел 20-летний Лев Яшин... (Увы, тот матч не стал удачным для будущей звезды футбола, «Спартаку» удалось сравнять счёт, и матч закончился вничью.)

С тех пор Савдунин и Яшин сдружились на всю жизнь.

После завершения футбольной карьеры Владимир Григорьевич почти тридцать лет, с 1959 по 1987 год, работал дипломатическим курьером МИД СССР.

Поездки, командировки по всему миру... Душевное спокойствие он обретал, когда возвращался в семью. Из воспоминаний дочери:

«Папа и мама – Людмила Георгиевна – были удивительной семейной парой. Всё началось в школьные годы в подмосковном посёлке Пушкино... Вот там-то и началась дружба, переросшая в любовь, моих будущих родителей. Однако поженились они только после Отечественной войны. В 1947 году родился сын Андрей, а через пять лет – и я.

По окончании игровой карьеры папа больше 25 лет прослужил дипломатом. Облетел, по его словам, земной шарик много раз.

Но это были не увлекательные турполёты. Случалось, за поездку, а их было по 3–4 в месяцы, перевозил диппочту весом по 200–300 килограммов, а из Нью-Йорка, где находится штаб-квартира ООН, – и до 800 килограммов.

Однажды в Дакаре самолёт начали заправлять топливом, когда в салоне уже находились пассажиры. И вдруг из-за неисправности шланга керосин потёк на крыло самолёта. Лётчики первыми выскочили из кабины, за ними – все остальные. Но папе-то с напарником надо было спасать не себя, а восемь сумок с диппочтой. К счастью, пожар не вспыхнул. Когда приехали пожарные, вся почта была на безопасном от самолёта расстоянии.

...А в Юго-Восточной Азии папа однажды спас стюардессу. Летели они на старом небольшом самолёте, при взлёте дверь в салон неожиданно открылась, и воздушный поток чуть не вытолкнул стюардессу. Но папа успел её подхватить и закрыть дверь».

Среди всех своих многочисленных военных и «мирных» наград Владимир Григорьевич особо дорожил медалью «Честь, совесть, постоянство», полученной за многолетнюю преданность родному клубу – московскому «Динамо»...

В последние годы жизни он возглавлял фонд, помогавший футболистам-ветеранам, и сделал на этом посту множество добрых дел. Сам Владимир Савдунин о новой своей ипостаси рассказывал так: «Много наших ребят умерли, остались жёны, вдовушки... Хожу, выбиваю пособия, заступаюсь, ругаюсь, времени вообще нет свободного. Ведь футболист закончит играть, и всё: нет образования, не работает... Так что 2–3 раза в год мы собираем народ и выясняем, кто в чём нуждается. Операцию там кому сделать – деньги выделяем. Теперь ещё детским домам помогаем, ребятам...»

Душа его всегда болела за футбол, за родной клуб.

«Когда начинал играть за “Динамо”, – рассуждал на закате жизни Владимир Савдунин, – я был солдат и доволен уже тем, что в команду взяли. А теперь играют клубы, и там половина легионеров, но в сборной должны россияне играть, а где их возьмёшь?»

Что значит “бразильцы лучше” – мы вот играли лет 30 назад против них и побеждали! Просто у них в футбол играют с детства, как и мы раньше. В Подмоскovie было сколько команд, а сейчас на футбольных полях коровы пасутся! А ведь именно оттуда кадры брались – я, когда пришёл в “Динамо”, уже всей техникой владел, и с левой, и с правой ноги забивал, а тех, кто сейчас приходит, учить надо.

Мы были в Англии, в Чехословакии – обалдели, какие там при школах залы спортивные, площадки... И у нас так было в 30-е: школа, огород, футбольное поле, столярные мастерские – мы всё умели делать! Где у нас теперь при школах поле?! Призывают в армию ребят – мускулатуры нет, солдат винтовку не удержит. А у нас в армии какие были ребята – сильные, волевые, здоровые!»

Владимир Савдунин (в центре)

Фото: Игорь Уткин / ТАСС

Помню, лет двадцать назад мы, команда ветеранов московского «Динамо», играли в Пскове с местными ветеранами футбола. Случилось это как раз в день рождения Владимира Григорьевича Савдунина – 10 мая. Его чествовали многочисленные любители футбола – особенно пожилые, которые ещё помнили мощные удары по воротам динамовского нападающего 40–50-х...

А Савдунин с грустью наблюдал за нашей игрой – и, наверное, мысленно переносился в свою молодость, вспоминая боевые и футбольные годы, прожитые достойно.

САЛЮТ ПОБЕДЫ

РАССКАЗ

Сергей КОРЫТИН

Родился в 1955 году в селе Екатеринино Никифоровского района Тамбовской области. После окончания в 1972 году Екатерининской средней школы работал в г. Куйбышеве на заводе «Прогресс» токарем, служил в армии, учился в Ленинградском гидрометеорологическом институте, трудился инженером-гидрологом в г. Горьком. Более тридцати лет подвизался на ниве отечественного предпринимательства. Был одним из учредителей Музея-квартиры святого праведного Иоанна Кронштадтского в г. Кронштадте. На своей малой родине воссоздал церковный приход и построил храм в честь святителя Николая Чудотворца. Имеет церковные и государственные награды. Является ответственным секретарём журнала «Родная Ладога». Живёт в Санкт-Петербурге.

Дед читал вслух газету, и Сашок услышал от него, что сегодня вечером в Москве в честь Дня Победы будет произведён салют. Шестилетний внук не знал, что это такое.

– Де-е, чё такое салют? – спросил Сашок у деда.

– Не знаю, – сердито буркнул дед.

У него было плохое настроение: он выпил по случаю праздника четвертинку водки, хотелось ещё, а денег не было.

– Чё такое... скажи, де-е... – не отставал Сашок.

– Не знаю, отвяжись, – вновь пробурчал дед и выпустил из себя клубы едкого махорочного дыма. Да дед и действительно смутно представлял, что это такое: видел в газете как-то снимок – на чёрном фоне сноп белых брызг – да слышал краем уха что-то от сына, когда тот ездил от местного колхоза в составе областной делегации в Москву на ВДНХ.

– Ну чё, де-е, скажи, – дёргал Сашок за штаны деда.

– Отвяжись, бестолочь, кому говорят, отец с матерью придут из гостей, у них и узнаешь.

– Скажи, де-е!..

Дед колюче посмотрел на внука, хотел заматериться, но вспомнил, что у внука где-то спрятаны деньги, которые он же ему давал на фонарик.

– Сашок, а деньги у тебя целы, которые я тебе давал? – спросил дед уже не сердитым голосом.

– Ага! – утвердительно кивнул головой Сашок.

– Тащи их сюда.

– А скажешь, что такое салют?

– Скажу.

– А как же фонарик, де-е?..

– Да я тебе, как получу пенсию, в два раза больше отдам... Понял?.. Два фонарика себе купишь!..

– Честно?

– Честно, честно, давай тащи.

Сашок сбегал за деньгами, отдал их деду и нетерпеливо запрыгал возле него:

– Ну чё такое салют, де?

– Салют... Ну... это, Сашок, вроде как... большие электрические лампы...

– Очень большие?

– Ну... примерно с арбуз... И они цветные.

– И красные, и зелёные?!

– Всякие... Они взлетают высоко в небо...

– Где самолёты?

– Ага, тама... А потом медленно падают оттуда, – пояснил дед и стал собираться в магазин.

От этого объяснения у Сашка не только не убавился интерес к салюту, а, наоборот, возрос. У них дома горели электрические лампочки, но это ведь были маленькие лампочки, а тут будут большие, с целый арбуз... Да, наверно, ночью станет светло, как днём... Да ещё цветные... У Сашка перехватило дыхание.

Когда дед довольный вернулся из магазина, Сашок, сгорая от нетерпения, спросил у него:

– Де-е, а в какой стороне Москва?

– Тама, за задними огородами, – махнул дед рукой, и Сашок, радостный, выбежал на улицу.

А когда стало смеркаться, он взобрался по лестнице на крышу своего дома и стал смотреть в сторону огородов. Сразу за огородами начиналось колхозное поле. Это и радовало Сашка, так как с других трёх сторон к их улице близко подступал лес, за которым ничего не было видно. А здесь – поле. Да какое поле!.. Этому полю и конца не видно. Оно, может быть, идёт до самой Москвы!..

Сашок поудобнее устроился на крыше возле печной трубы и в ожидании встречи с чем-то таинственно-радостным стал внимательно всматриваться вдаль. Первые минут двадцать он стоял

более-менее спокойно... Но сумерки становились всё гуще и гуще, а салюта всё не было и не было... И Сашок заметно заволновался: он стал напрягать зрение, крутить головой и привставать на цыпочки. Он очень хотел увидеть салют и боялся его пропустить. «А может, дед неправильно сказал?... Может, Москва в другой стороне?..» – подумал Сашок и повернулся в сторону леса. Но деревья недружелюбно, тяжело ворочаясь под сильным ветром, возвышались тёмным сплошным частоколом, за которым не было ничего видно. И Сашок снова повернулся в сторону поля. Он ещё больше заволновался, и ещё сильнее стал напрягать зрение, и ещё чаще привставать на цыпочки...

Но как ни старался, он ничего не видел, кроме поля и неба. Ему стало казаться, что и поле с небом приобрели какой-то заброшенный, нежилой вид. Вначале были родными, а теперь почему-то стали чужими. Но именно они каким-то непонятным образом поддерживали в нём надежду. А когда совсем стемнело и не стало видно ни поля, ни неба, то рухнула в нём и эта последняя поддержка...

И Сашок сразу же почувствовал, что он замёрз, что он хочет есть и что ему здесь одному страшно. Он почувствовал обиду на кого-то, и слёзы сами собой навернулись на глаза. Он громко шмыгнул носом, вытер рукавом пиджачка сопли и стал слезать с крыши...

И тут он увидел, как в темноте над полем что-то вспыхнуло. Он остановился и возвратился к печной трубе... Он не верил своим глазам... Высоко в небе загорались большие цветные лампы и медленно падали вниз. Возле самой земли они гасли... Но тут же вспыхивали новые лампы... А потом ещё и ещё. Ламп было много, и все они были разных цветов: красные, зелёные, синие, жёлтые, оранжевые... И размером они были с арбуз и даже больше... Они заполнили собой всё пространство... Сашок ликова!..

А на следующий день он рассказывал всем, что вчера с крыши своего дома видел московский салют. Ему никто не верил, все смеялись над ним. А он сердился и под честное слово клялся, что видел салют.

От их села по прямой до Москвы было 370 километров.

1981 г.

Сергей КОРЫТИН

МАЙ 1941 ГОДА

Соль и спички
Скупали в сельмаге.

Мир покатился
К большой войне.

А за селом
Мальчишки играли

И просто
Радовались весне.

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ

Луна над безбрежной равниной сияет
И в каждой снежинке себя отражает.
И кажется, это не снежные дали,
А павших солдат боевые медали.

ПОГИБШИЕ ВОИНЫ...

*Нет больше той любви, как если кто
положит душу свою за друзей своих.*
Ин. 15:13

Вспорхнула стайка
Птиц незримых.
Вспорхнула
И умчалась ввысь...

Туда, где
Только херувимы
И нескончаемая жизнь.

ПАРАД ПОБЕДЫ

*Вчера, 24 июня, в Москве шёл дождь.
Из газет за 1945 год*

И небо плакало...
Дождинки-слезинки
Щедро кропили
Советских солдат.

По Красной площади
Они проходили,
В брусчатку впечатывая
Каждый свой шаг.

К древним стенам
Кремля бросали
Знамёна поверженных
Ими врагов.

И только в сей день
Себя осознали
Потомками славных
Святорусских полков.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк!..
Что огненная лава!
Что дождь живительный
В иссохшие сердца!

Встаёт с колен
Великая держава
Благословением
Небесного Отца!

Бессмертный полк!..
И, кажется, вернулись
Отцы и деды
С огненной войны!

И вместе с нами
Празднуют Победу!
И вместе с нами
Крепят мощь страны!

Бессмертный полк!..
Идут, идут колонны!..
Как будто совершают
Крестный ход!..

И эти
Фотографии-иконы
Низводят Огонь Пасхальный
На народ!

Бессмертный полк!..
И пламенеет сердце!..
Одно!.. Великое!..
На всю страну!

И весь народ —
От старцев до младенцев —
Сегодня снова
В боевом строю!..

* * *

Труженикам полей посвящается

Звезда полей горит, не угасая...
Николай Рубцов

Шумит, шумит ток зерновой...
Работает бригада.
Хлеб будет наш, не привозной.
Страна тому и рада.

Но вот закончится страда,
Похлопают в ладоши.
И позабудет их страна...
А те, кто бил баклуши,

Те громче всех начнут кричать
И требовать награды...
И ведь получают, им начхать
На мужиков бригады.

На тех, кто летом в пыль и зной
Без лозунгов и спеси
Трудился, словно шёл на бой
В краснознаменном Бресте...

А если вдруг опять война,
То вспомнят о бригаде.
Их первыми пошлёт страна
Сражаться в Сталинграде.

Они пойдут и победят,
Очистят Русь от фрицев.
И вновь на ток их возвратят
Просеивать пшеницу.

Шумит, шумит ток зерновой...

Село Екатериново, 2016 г.

* * *

*Ибо нетленному сему надлежит
облечься в нетление, и смертному
сему — облечься в бессмертие.*
1 Кор. 15:53

Я — Брестская крепость!..
Держу оборону!..
Бесы штурмуют в любую погоду.
Сил не хватает!.. Бомбёжки!.. Обстрелы!..
Ядра!.. Ракеты!.. Монгольские стрелы!..

Всё вперемешку!.. Восточные орды!..
Полчища галлов!.. Английские лорды!..
Ляхи!.. И тролли!.. Японцы!.. И шведы!..
Заряются!.. Лезут в наши пределы!..

Кто приглашал их?.. Что им здесь надо?..
И снова атака!.. Визг!.. Канонада!..
Помыслы лезут в оконные щели
И достигают намеченной цели.

Я обезвожен!.. Контужен!.. Убит!..
 Но враг под Москвой будет скоро разбит!..
 Будет разбит он у стен Сталинграда!..
 На курских полях!.. И в логове ада!..

Явится – Пасха!.. И Русское Знамя
 Вновь претворится в Небесное Пламя!..
 Вместе с Россией воскресну и я!..
 И жизни нетленной не будет конца!..

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ РУСИ

*Будет шторм. И русский корабль будет
 разбит... Но явлено будет великое чудо
 Божие... Воссоздастся корабль и пойдёт
 своим путём, Богом предназначенным.*
 Преп. Анатолий Оптинский Младший,
 1917 г.

А христианство,
 Как и в первые века,
 Течёт из городов
 В селенья.

И полнится
 Духовная река...
 И наш корабль
 Плывёт по назначенью.

Корабль плывёт...
 Воспрянувший народ
 Встаёт с колен
 И пьёт живую воду.

И, исцеляя
 Падшую природу,
 Вслед за Христом
 В последний бой идёт.

* * *

*Но те, которые Христовы, распяли
 плоть со страстями и похотями.*
 Гал. 5:24

В духовном штрафбате те,
 Кто страсти распял на кресте.
 Кто «Нет!..» говорит грехам
 И не сдаётся врагам.

Кто душу свою отверз
 Священным глаголам Небес.
 Ни пяди родной страны
 Не отдаёт слугам тьмы.

Кто не боится ран,
 Не бегаёт с поля боя.
 Кто строит внутренний храм,
 Подобно ковчегу Ноя.

Кто в сердце заградотряд
 Поставил из тех, кто свят.
 В нём Сергей и Серафим,
 Никола и Питирим...

Команда «Ни шагу назад!..»
 Звучит от них, как набат.
 Оружие их наготове.
 А пули – в библейском слове.

* * *

Возненавидеть грех всем сердцем,
 Возненавидеть всей душой
 И, словно в Бресте в сорок первом,
 Вести с ним непрерывный бой.

Изнемогая, не сдаваться,
 Но подкрепления искать –
 У тех, кто раньше нас сражался
 И научился побеждать.

Владислав БУСОВ

ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ, КАК ПРЕЖДЕ

Пока ещё не пробудился
От зимней спячки хвойный лес,
Но в голубой далёкой выси
Весна уже полна чудес.

Там облака, как стаи птичьи,
Летят из южных жарких стран,
И кажется, что в их обличье
Я белых журавлей узнал.

Всё повторяется, как прежде,
И с ними вновь я повторюсь.
Мою весеннюю надежду
Не омрачит немая грусть.

* * *

Весна простужена с утра,
Сырое небо смотрит в лужи.
Прохладой веет со двора,
Капельным звоном он разбужен.

Лопатой дворник ЖКХ
Скоблит остатки от сугроба.
Зиме сказал: «Пока, пока», –
И ждёт субботнего флешмоба.

Весна простужена с утра,
Но быть недолго инфлюэнце.
Выздоровлению – пора,
Наступит солнечное скерцо.

* * *

Минуло равноденствие,
И ночь короче дня.
Весеннее приветствие
Несут лучи, звеня.
И роща в предвкушении
Грядущих перемен,
Идёт весны брожение,
Зимы остался тлен.

И хочется в хорошее
Поверить, жизнь моя!
Не занесёт порошею
Теперь уже меня.
Сединами покроется,
Как лунь, моя глава,
И скоро мне откроются
Заветные слова.
Сложу слова, рифмуя их,
Строкой оставлю след,
Чтоб, бережно их сохранив,
Дарить весенний свет.

* * *

В мартовской роще и сосны светлее,
Ветер там звонче, берёзы белее.
В мартовской роще проталины всюду,
Роща тревожным наполнена гудом.

Снег оседает на солнце подталый,
На небесах облака в синей дали,
И не смолкает весенняя звень,
Звонкая слышится песня-капель.

* * *

Яблоня в белом убранстве,
Словно невеста, стоит,
Гибкие ветви с участием
Мне наклоняет свои.

Вёсны летят, как мгновенья,
Не остаётся следа.
Жизни проходит теченье,
Прочь отступают года.

И не вернуть, как когда-то,
В жилах моих кровотоков,
Не возместить мне утраты,
Коль пересохнет исток.

ВЕСЕННИЙ ПОЛОНЕЗ

* * *

Снова дышит берёзовый край
Вешним воздухом дивной поры.
В роще птичий разносится грай,
Посылая земные дары.

Пробуждения близится час,
В ожидании трепетном лес.
Словно в жизни последний он раз
Слышит звонкий весны полонез.

И мне кажется, будто бы я,
Очарованный музыкой той,
Вновь снимаю ярмо бытия,
Обретаю душевный покой.

* * *

Вишня лепестки свои роняет,
И весенний отцветает день.
Мне приснилось, что в далёком мае
Соловьиную я слышал трель.

Уходил в берёзовые чащи,
Где лесных сладкоголосье птиц,
И читал вослед ветрам летящим
Строки недописанных страниц.

Только в снах дано мне возвратиться
В годы вольной юности моей.
Вновь весной поют лесные птицы,
Воскрешая время прошлых дней...

МАЙСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Расцвела рябина белыми цветами,
Аромат сирени кружит над садами.
Соловей на ветке исполняет трели,
Ласточки-касатки с юга прилетели.

Это май справляет бал тепла и солнца,
Шлёт привет весенний он в моё оконце.
Пронесётся с громом тёплыми дождями,
Разукрасит небо яркими лучами.

Машут гибкие ветви черёмух
Белоснежным цветенья платком,
И в саду слышен таинства шорох
С освежающим мглу ветерком.

За темнеющим контуром леса
Скрылся след восходящей луны.
Но, как будто пожара завеса,
Огневые зарницы видны.

От оврага доносится сырость,
Там в низине струится ручей.
Этой ночью рулады на милость
О любви выводил соловей.

* * *

Дождь прошёл и освежил крапиву,
Колкие сугробы вдоль тропы.
Это ли не сказочное диво,
Это ли не царство красоты?!

Первые цветочки земляники
Выглянули робко из листвы,
И играют солнечные блики
На зелёных кончиках травы.

Майский ландыш в колокольцах белых
Ароматом нежным обдаёт.
Скоро на поляне ягод спелых
Огоньки закружат хоровод.

И вопрос рождается невольно:
Отчего всё происходит так?!
В мире, где ещё есть место войнам,
Не придёт согласие никак.

Мать-природа накануне лета,
Ей до осени плодоносить.
Жду с надеждой я её ответа,
Чтобы жизни сохранилась нить.

Любовь ЩЕНИКОВА

Поэт, участник СТС «Москва поэтическая», редактор интернет-сообщества «Лист».

ПИСЬМО ДЕДУ В СОРОК ПЕРВЫЙ

Я пишу письмо, мой славный предок,
В тот далёкий СОРОК ПЕРВЫЙ год...
Знал ли ты тогда, что путь к Победе
В долгую дорогу перейдёт?..

Что дорога эта будет виться
Через перевал длиной в года?
Суждено не раз будет напиться
Горьких слёз из общего котла...

Голодать придётся Ленинграду.
Стольный город, дух его святой!
И поклон низжайший Сталинграду,
Там за каждый уголок шёл бой.

Битва за Москву и Белый Город,
Курская дуга и Порт-Артур!..
Сердцу пуд любой земли был дорог:
Кровью он пропитан, через штурм.

Дед мой славный! Павший за Победу,
За величие страны! Без лишних фраз
Подвигом потомкам ты поведал –
Умирили вы за Родину, за нас...

ЛЕДЯНАЯ ГЛЫБА

Посвящается Д. М. Карбышеву¹,
несломленному, непобеждённому

Важным чувством воинского долга,
Беспримерным мужеством прославлен,
Карбышев был генерал от Бога.
Верность сохранил своей державе!

В сорок первом, с первых дней военных,
Наши инспектируя границы,
В плен попал, а возраст был почтенный...
Не поддался уговорам фрицев.

Хаммельбург и Аушвиц, Майданек –
В лагерях запомнился отважным.
В Флоссенбюрге грузом испытаний
Не был сломлен. Верил. Был бесстрашным.

Шла война к концу. Известно стало:
Приближалась катастрофа рейха,
Немцы в спешке зверства заметали,
Истребляя по приказу верха.

Плакали истерзанные души,
Поднимаясь наконец-то в небо...
Что могло страшнее быть и хуже –
В Маутхаузене смерть свирепа.

Жуть над узниками там вершили:
На морозе и водой с брандспойта
Ироды всех превращали в льдины...
Был там ад, а человечность – стёрта.

В том аду и Карбышев погибнет,
Не дожив немного до Победы.
Родина Героя даст, воздвигнет
Монумент, как будто бы из глыбы.

Путь к Победе героизмом вспахан,
Залпами орудий, кровью павших...
Но живут восставшие из праха
В памяти потомков, в сердце нашем!

¹ Дмитрий Михайлович Карбышев (14 (26) октября 1880 – 18 февраля 1945) – русский и советский фортификатор, крупнейший советский учёный – военный инженер. Генерал-лейтенант инженерных войск (1940). Доктор военных наук (1941), профессор (1938) Академии Генерального штаба РККА. Член ВКП(б) (1940). Герой Советского Союза (1946, посмертно).

ЕЁ ЗВАЛИ ВИКИ

*Вере Оболенской*¹

С загадочной русской душой,
С задумчивым взглядом упрямым –
Княгиня, прекрасна собой...
Портрет Оболенской пред нами.

Не дрогнув, фашистской чуме
Решительно «нет» заявила.
Негаснущим светом во тьме
Явилась духовная сила!

Француженка, родом с Баку,
Не зря была названа Верой.
Молилась в темнице: «Смогу...
Сильней быть смогу изуверов!»

Ей было всего тридцать три.
Ужасные стены острога.
Обет, скрепя сердце: «Терпи!»
Господь был, наверно, растроган.

Испив чашу выпавших мук,
С несломленной крепостью духа
Фашистов взяла на испуг,
Под пыткой не вымолвив звука.

Княгиня с отважной душой
И с паспортом Франции, Вики
России не стала чужой:
Дела и поступки велики!

¹ Вера Аполлоновна Оболенская (также известная как Вики) – член антифашистского Сопротивления во Франции, родилась 24 июня 1911 года в Баку, Российская империя. Погибла 4 августа 1944 года в Берлине, в тюрьме Плётцензее. На допросах она молчала, за что получила прозвище «Княгиня – ничего не знаю». Немцы посчитали, что расстрел – слишком мягкое наказание для «опасной преступницы». Была казнена на гильотине. До освобождения Парижа от оккупантов Вера Оболенская не дожила всего три недели. Кавалер ордена Отечественной войны I степени (награждена в 1965 г., посмертно).

В 1965 году Франция передала СССР документы о работе Сопротивления. Так в нашей стране узнали о бесстрашной Вики.

* * *

Известно, что слаще свободы,
Прекраснее чувства не будет.
И с волей к победе народы
Мостят путь желанный, он труден!

Бесстрашно и доблестно Вера
Сражалась, рискуя, упорно.
И в битве с врагом (вне примера)
Значенье подполья бесспорно!

Приказы, воззваний шифровки
Печатала смелая Вики!
И сводки подполья, листовки
Носила в букетах гвоздики.

Хотелось дожить до ПОБЕДЫ...
Но жизнь прервала гильотина.
Душой чистоту исповедав,
В сердцах наших вечно любима –

С красивейшим именем ВЕРА,
И с верой в добро и победу –
Источник живого примера
В стремлении к миру и свету.

БУДЕМ ПОМНИТЬ¹

Столько промелькнуло лет и зим,
Эхо той войны бьёт канонадой...
Деда я запомнил молодым,
Мне писать портрет его – награда!

Вглядываясь в чёрточки лица
Чёрно-белой полустёртой фотки,
Храбрость вижу русского бойца!
Мне б увидеть деда без пилотки...

Мне бы написать его с натуры,
Передать усмешку глаз зелёных...
Правнуки у деда – белокуры.
Знаю, был бы ими восхищённый!

Радоваться б жизни, наслаждаясь,
И детей воспитывать, и внуков...
Но война Вторая мировая
Шансов не оставила, подлюка.

Миллионы жизней загубила,
Искалечив столько много судеб...
Под звездой солдатская могила –
Как напоминание всем людям.

* * *

Героизмом славен наш народ,
Подвигом гордимся мы и помним.
И никто вовек не отберёт
Боевых заслуг Краснознамённой!

К 80-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ

Вновь звучит севастопольский вальс.
Берег моря,
Бескозырок матросских белеют ряды...
И нельзя отвести восхищённого взора –
Мы единством с тобой, Севастополь, горды!

Будут помнить потомки, как в сорок четвёртом
Гнали прочь оккупантов с твоих рубежей.
На заре у подножия крепости-порта
В бой вступил наш десант с боевых кораблей.

В планы вражки входило создать себе базу...
Порт был гаванью важной во все времена.
Красной армией город спасён! Пусть не сразу,
Отступила в итоге на запад война.

И в Москве в честь такой грандиозной победы
Артиллерией праздничный залп проведён!
Распустился салют в звёздном небе букетом,
Не забудем героев минувших времён!

Не забудем их мужества, доблести, братства.
Им обязаны тем, что сегодня живём.
Нет сильней чувства долга с врагами
сражаться,
Защищая в час грозный родительский дом!

Севастополь – герой!² Город стойкости, славы!
Легендарный наш флот, троекратно «ура!».
Кто на страже могущества нашей державы –
Тот на страже законности, мира, добра!

¹ По картине «Мой дед Василий» художника-орнаменталиста Алексея Акиндинова, г. Рязань.

² 8 мая 1965 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Севастополю почётное звание города-героя. Севастополь удостоен этого звания за то, что 250 дней сдерживал под своими стенами одну из самых сильных армий вермахта.

ЛЕНИНГРАД ОТВЕТСТВЕННЫЙ

80-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ ФАШИСТСКОЙ БЛОКАДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В 2023 году на отдыхе в Феодосии при покупке тура путешествия по Крыму продавец, пожилой человек, спросил нас с женой, откуда приехали. На наш ответ «из Питера» он встал и поклонился. Почему так уважаем великий город на Неве? Чем отличается от других? Изысканной архитектурой? Миропониманием и поведением жителей?

Думаю, синергией роскошного внешнего вида и образа жизни горожан. Результат синергии есть пространство культуры. Культура – это прежде всего ответственность.

Михаил КНЯЗЕВ,
член Санкт-Петербургского
союза краеведов

Именно ответственность определяла в XX веке жизнедеятельность города на Неве, высшим воплощением которого явился Ленинград.

Яркий пример – это Петергоф, столица фонтанного искусства. Здесь в 2023 году побывало более 5 миллионов гостей.

Гиды увлечённо рассказывают о великих архитекторах, скульпторах, мастерах садово-паркового искусства XVIII–XIX веков. Да, так оно и было. Но гости Петергофа видят Большой дворец, Нижний парк, Верхний сад, Самсона, раздирающего пасть льва, созданные не гениями 100–200 лет тому назад...

1944 год. Отстремели салюты в честь полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

Весь Петергоф был варварски разрушен и разграблен. В частности, «Самсон» так и не был найден.

Надо было восстанавливать город и пригороды. Проще всего и экономичнее очистить город и пригороды от руин и построить новые здания в том же стиле.

Вспомним Ленинград довоенный и образ жизни его горожан.

Ленинградцы любили свой город – место Великого Октября, место рождения социализма, действительно давшего и стране, и каждому человеку возможность всестороннего развития. И одновременно ленинградцы любили свой город как место изысканной архитектуры, великолепных парков и садов. И конечно, неповторимо прекрасные пригороды, прежде всего Петергоф-Петродворец.

Ленинградцы – это рабочие, инженеры, люди науки и искусства. Многие – выходцы из деревни, но влились в мыслящую и энергичную атмосферу трудового города.

В 1926 году Ленинград получил великого пассионария для своей многогранной эволюции – С. М. Кирова, руководителя местных большевиков.

Началась новая индустриализация города. Реанимировались старые предприятия, создавались новые. Промышленное производство

выросло в несколько раз. Была создана новая топливная база за счёт нахождения источников в области.

Проведена масштабная работа на улицах, которые потребовалось заново мостить. Строилось новое жильё.

А для осуществления выдающихся задач требовались новые кадры с высшим, средне-техническим образованием и, конечно, с рабочими специальностями для современного производства. Открывались новые институты, техникумы, ремесленные училища.

Для отдыха трудящихся строились дворцы культуры, создали ЦПКиО на островах, которые впоследствии стали называться Кировскими.

При этом ленинградцы держали в порядке и реконструировали парки, дворцы и особняки капиталистов и царских вельмож, в том числе в пригородах. Теперь они все принадлежали трудящимся и предназначались для отдыха и оздоровления.

И всё это за девять лет!

На ленинградцев была возложена тройная ответственность – возвышение великого города

С. М. Киров

через разностороннее обновление, внедрение советского миропонимания в повседневное бытие каждого ленинградца и сохранение культурного наследия прошлого.

После гибели С. М. Кирова линию по эволюционному развитию города блестяще продолжал А. А. Жданов.

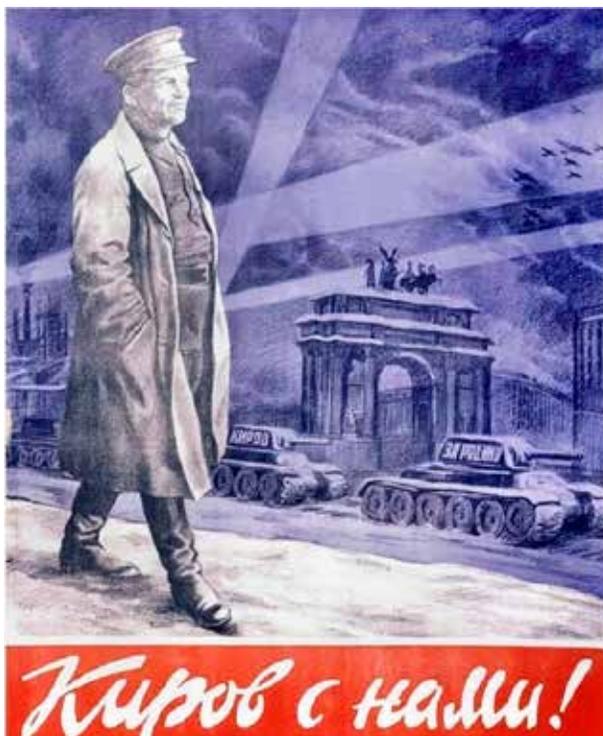
Именно Жданову была предназначена героическая и трагическая роль руководителя обороны Ленинграда и сохранения культурных ценностей города.

Кроме эвакуации части заводов и фабрик и перевода производств на военные рельсы фактически в прифронтовой полосе, надо было думать об эвакуации тысяч людей и сохранении живыми и здоровыми оставшихся в городе жителей. Также стояла жуткая по своей масштабности продовольственная задача.

Нацистская осада Ленинграда немцами и финнами привела к гибели около 1 миллиона жителей, на 90% от голода.

И стояла немыслимая задача сохранения шедевров архитектуры и бесчисленного числа экспонатов искусства.

Во время Великой Отечественной войны на Ленинград было сброшено более 5 тыс. фугасных и 100 тыс. зажигательных бомб и выпущено около 150 тыс. артиллерийских снарядов. Пострадал почти каждый дом: разрушено 3174 здания, повреждено частично – 7143. Всего это около 5 млн кв. м жилья, 500 школ, 170 учреждений здравоохранения. Убытки городского

Плакат времени ленинградской блокады. Автор М. А. Гордон

хозяйства исчислялись в 5,5 млрд рублей, то есть около 25% стоимости основных фондов городского хозяйства.

Бомбы и снаряды попали во многие исторические здания: в Оперный театр (бывший Мариинский), Инженерный замок, Русский музей, Эрмитаж, Зимний дворец. Более 30 вражеских снарядов попало в здание Эрмитажа. Было выбито более 20 тыс. кв. м стекла из окон, полностью оказались разрушены отопительная и водопроводная сети. Больше всего пострадал Большой дворец в Петергофе, превращённый в руины. Также были разрушены загородные дворцы и парки Пушкина, Павловска, Стрельны и другие.

В годы блокады тройная ответственность, о которой сказано выше, стала определяющей в жизни Ленинграда, к ней добавились героическая оборона, защита жителей и сохранение культурного богатства фактически фронтного города.

И эта тройная ответственность по возрождению великого города стояла перед ленинградцами и руководством после полного освобождения от фашистской блокады.

11 апреля 1944 года лидер ленинградских коммунистов Андрей Александрович Жданов на пленуме горкома ВКП(б) объявил о решении Государственного Комитета Оборона в главе с И. В. Сталиным восстановить Ленинград как центр военной промышленности и столичный город.

Из выступления А. А. Жданова:

«Основной вопрос, который разрешён ГКО, заключается в том, что Ленинград должен быть восстановлен как город, т. е. как крупнейший столичный город.

Вот принципиальная основа всего этого дела...

Сейчас наша задача не реконструкция, а восстановление города, причём восстановление Ленинграда в том виде, в каком он был...

Если говорить в отношении положения Петродворца, Стрельны, района Урицка, района Пулково, Пушкина, ещё в большей мере Павловска, то эти районы попали в зону смертности, испытали наибольшие разрушения и варварства противника, особенно Петродворец, несколько меньше Пушкин, во всяком случае, постановление ГКО рассматривает использование этих двух пунктов как места отдыха ленинградского населения, я имею в виду, в первую очередь, Петродворец, Павловск, поскольку там сохранились парки, ибо вопрос о восстановлении Петродворца как города – это вопрос длинный, потому что он пострадал в очень большой степени.

...Здесь я хотел бы, чтобы товарищи имели в виду ту золотую привычку, которая образовалась у ленинградцев, – это не гнушаться никакой работой, в том числе и черновой. Это блестяще доказали наш комсомол, наши женщины, которым принадлежит львиная доля в успехе по поддержанию нашего хозяйства в годы войны.

...И шестая, последняя по счёту, но не по важности [задача], – это упор на высокий патриотизм ленинградцев. Ленинградцы проявили чудеса героизма, заботясь о сохранении от врага своего города. И эта забота о городе вошла сейчас в быт.

Вот почему так дорог Ленинград.

...Ленинград снова должен был стать городом, в котором живёт и воспроизводится элита».

Укрытие «Медного всадника» в августе 1941 г. Фото Культура.ру

Речь А. А. Жданова – речь интеллектуала, который хорошим русским языком страстно обращается к партийным активистам, чтобы те убеждали ленинградцев помочь в восстановлении великого города, где «воспроизводится элита».

Лидер большевиков города подчеркнул привычку ленинградцев «не гнушаться никакой работой» и такие важные черты, как патриотизм и героизм.

Трудно переоценить вклад, который внёс в дело охраны памятников Ленинграда начальник Государственной инспекции по охране памятников Николай Николаевич Белехов, которому, кстати, в этом году исполняется 120 лет со дня рождения. Архитектор по специальности, в 1933 году он заведовал Массовым сектором Ленинградского общества архитекторов, где впервые занялся вопросами охраны памятников и их реставрации, что навсегда определило его дальнейшую судьбу. В 1933 году Белехов начал работу в Управлении коменданта Смольного заведующим строительной частью, он же руководил проведением восстановительных работ как архитектор. Восстановлением исторических зданий он занимался с 1932 года в Архитектурно-планировочном отделе Ленсовета.

Стоит отметить, что именно Белехову мы во многом обязаны тем, что сегодня видим полностью восстановленные парки и дворцы города и пригородов. В послевоенном СССР, где население до декабря 1947 года покупало продукты по карточкам, дворцы казались чрезмерной роскошью. Первоначально было принято решение о том, что дворцы станут санаториями, поэтому восстановить можно только фасады. Белехов развил кипучую деятельность, чтобы добиться решения о восстановлении дворцов. В этом его поддержали все директора пригородных дворцов-музеев.

По инициативе того же Белехова, архитектора Кирилла Халтурина и художника-реставратора Николая Перцова 1 июля 1945 года была организована Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская (ЛАРМ). Спустя много лет 1 июля станет отмечаться как День реставратора.

Ленинградцы выдвинули лозунг: «Мы отстаивали Ленинград, мы восстановим его! Отдадим все силы на восстановление родного города!»

Рабочие, занятые на производстве, должны были отработать 10 часов в месяц на восстановлении города, служащие – 30 часов, неработающие – 60 часов. В 1944 году ленинградцы отработали 27 млн человеко-часов. После окончания войны власти потеряли право привлекать людей к трудовой повинности.

Огромная забота легла на плечи мальчишек-подростков и женщин. Создавались настоящие бригады кровельщиков из мальчишек 14–15 лет.

Уже к концу лета 1944 года большинство закопанных памятников были возвращены на свои места. К началу июня 1945 года «Укротители коней» Аничкова моста были откопаны, очищены от консервационной смазки, промыты бензином и при большом стечении народа и всеобщем ликовании установлены на постаменты.

Сразу после окончания войны в конце 1940-х годов в различных районах города (ул. Сергея Лазо, на углу пр. Науки и Гражданского пр. и др.) на отведённых участках началась малоэтажная застройка из двух-трёхэтажных домов-коттеджей в классических формах как по проектам известных архитекторов, так и по самостоятельным проектам жильцов. Строили без применения техники из кирпича разрушенных зданий, шлакобетона и всего, что было под рукой.

Ещё в начале 1944 года в Городском комитете партии было принято решение восстановить прежние исторические наименования 20 проспектов, улиц, набережных и площадей. Невский и Литейный проспекты, Садовая и Таврическая улицы, Дворцовая и Казанская площади, Адмиралтейская набережная, Марсово поле вновь обрели свои устоявшиеся названия, тесно связанные с историей и географией, специфическими чертами развития города, привычные ленинградцам и любимые ими.

С началом Великой Отечественной войны потребовалось укрыть золочёные шпили горо-

да, так как они могли служить ориентирами для фашистских обстрелов. Была организована бригада опытных альпинистов во главе с М. М. Бобровым, куда вошли А. А. Земба, А. К. Пригожева, О. А. Фирсова, М. И. Шестаков. Об этом М. М. Бобров рассказал в своей книге «Записки военного альпиниста. От ленинградских шпилей до вершин Кавказа. 1941–1945» (2015). Эта бригада укрыла самые высокие шпили, в том числе самый известный – шпиль Адмиралтейства, – в тяжёлые дни 1941–1942 годов при обстрелах врагов.

В 1945 году настал черёд снятия маскировки со шпилей. Именно О. А. Фирсова сняла укрытие с Адмиралтейства.

Восстанавливать Ленинград помогали и немецкие военнопленные – ими были построено почти 33 тыс. квадратных метров жилья, 14 школ, восемь больниц, три дома отдыха, четыре музея, один стадион.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПЕТЕРГОФА

23 сентября 1941 года Новый Петергоф оккупировали немцы. Советские войска попытались в конце сентября – начале октября 1941 года прорвать линию немецкой обороны, но все попытки частей 8-й армии были безуспешными. 5 октября здесь был высажен морской Петергофский десант, но большая часть краснофлотцев – а это около 400 человек – погибли за несколько часов боя. 137 моряков попали в немецкий плен.

Позже на Ораниенбаумский плацдарм (часть южного побережья Финского залива, отрезанная от основных советских сил в годы Великой Отечественной войны и сыгравшая значительную роль в обороне Ленинграда) были переброшены 168-я и 98-я

стрелковые дивизии и другие части. Краснознамённый Балтийский флот поддерживал сухопутные войска на этой территории огнём корабельной и береговой артиллерии, перевозил войска и грузы для них. Позиция удерживалась до начала наступления и соединения советских войска в середине января 1944 года в ходе операции «Январский гром» по снятию блокады Ленинграда.

Как и в случае спасения коллекций Эрмитажа, к эвакуации культурных ценностей Петергофа готовились заблаговременно: складывали специальные ящики и чехлы для хрупких предметов, внутри стелили сено, а затем размещали сами экспонаты, обёрнутые в бумагу. Согласно официальном отчётам, удалось вывезти 12 932 музейных предмета – но это лишь 22% от первоначальной коллекции! Другими словами, 78% экспозиции оказалось утеряно или разрушено.

Однако то, что посетитель видит сегодня, – результат кропотливой работы не только тех, кто жил в императорский век. В дни Великой Отечественной войны бывшая царская резиден-

Торжественная церемония в честь пуска фонтанов первой очереди. 25.08.1946. Фото ГМЗ «Петергоф»

ция была почти полностью разрушена. Сюда упали десятки тысяч снарядов – некоторые из них находят и по сей день. 12 932 музейных предмета были эвакуированы и вернулись на место только в 1960-х годах...

По воспоминаниям музейщиков, первое, с чего начали работу, – это расчистка и благоустройство Верхнего и Нижнего парков. Для этого нужно было разминировать всю территорию. На эту операцию уходило не только время, но человеческие жизни: только весной – летом 1944 года после снятия блокады погибли около 10 сапёров.

В конце августа 1946-го была введена в строй первая очередь фонтанного комплекса, 38 фонтанов на 112 струй, и, соответственно, в сентябре 1947-го ввели вторую очередь – это фонтан «Самсон» и большая часть фонтанов Большого каскада. Затем, к лету 1950-го, полностью восстановили все фонтанные скульптуры Большого каскада. И к концу 1950-х годов все фонтаны Нижнего парка (126 фонтанов со всей скульптурой) были отремонтированы. Оставался только Львиный каскад.

Например, при воссоздании фонтана «Самсон» скульптор В. Л. Симонов столкнулся с серьёзной проблемой: на тот момент у

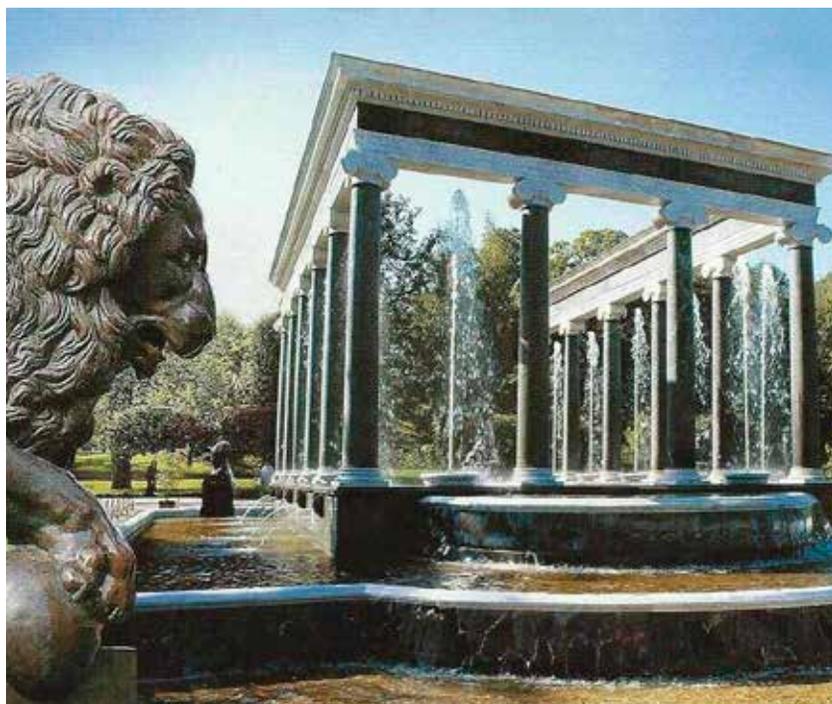
него имелось крайне мало снимков монумента, а требовались фотографии надлежащего качества и размеров во всех ракурсах. Подходящих фотокарточек оказалось всего около пяти. Поэтому он скалькировал их на большой экран, сделал скульптурный эскиз, расположил его за экраном и спроецировал изображение на готовящуюся модель, чтобы её контуры совпадали с контурами на фото-снимках.

Что касается дворцов, первым был восстановлен петергофский Эрмитаж – он заработал в августе 1952 года. Затем, в мае 1961 года, полностью ввели в эксплуатацию дворец Монплеизир. И наконец, Большой дворец открылся 17 мая 1964 года – но не весь, а только первые четыре музейных интерьера: Портретный зал, Диванная, Коронная и Куропаточная гостиная.

В целом на восстановительные работы в Петергофе с 1945 по 1971 год потратили 9 млн 672 тыс. рублей. Из них около 3 млн ушло на восстановление Большого дворца и около 1 млн – на Нижний парк.

Любимый фонтан автора этого эссе «Львиный каскад» был восстановлен только в 2000 году.

В заключение рассказа неизбежен вывод о жизнеутверждающей силе тройной ответственности, проявившей себя в выдающемся обновлении Ленинграда в 20–30-е годы прошлого века, героической битве за город на Неве, победе в годы блокады и возрождении культурной столицы Отчизны.

Рассказ о моём дедe

Быль

Валентин ВОЛКОВ

Автор книг: «Шемякин суд. Современные хроники», «Моя милая Родина Сосновый Бор», «Моя милая малая родина», «Помнить ИМЯ своё!», «Одноклассники мои», «Бессмертный полк из Соснового Бора. Книга Памяти», «Поздняя любовь» (повесть, рассказы), «Живи и ПОМНИ!», «Семинарист. Повесть о родном человеке», «Орденосцы. Рассказы о героях», «Дом с мезонином», «Деревенские рассказы. Избранное», «Стройбат» (повесть), «Армейские рассказы», «Фронтовики. Книга памяти».

Мой дед по отцу Александр Петрович Волков родился в 1878 году в селе Ключи (Златоустовское) Суксунской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии в крестьянской семье.

В 1887–1890 годах в этих краях произошло самовольное переселение крестьян из Суксунской волости в Кленовскую волость, что находилась в

200 верстах восточнее. Переселенцы основали здесь деревню, которую вначале называли Новой или Новосёлами, а позднее – Сосновым Бором.

Одним из первых переселенцев был Пётр Николаевич Волков с сыновьями, Андрияном, Львом и Александром. Младшему, Александру, шёл в то время девятый год.

Александр Волков родился в 1878 году, т. е. в конце XIX века он обязан был служить в армии.

По Закону о всеобщей воинской повинности от 1888 года «общий срок службы в сухопутных войсках для поступающих по жеребью установили в 18 лет, из коих 5 лет действительной службы и 13 лет в запасе...».

По рассказам родственников и односельчан, Александр был парень крепкий и шустрый. В каждом крестьянском хозяйстве тогда были лошади. Александр любил лошадей и умело с

ними обращался. Он мог, например, пробежать рядом с конём, держась за гриву, и на полном скаку вскочить на него. Настоящий «джигит»!

Неудивительно, что срочную он служил в кавалерии.

Отслужив положенный срок, Александр вернулся в родные края. Годы молодые, пришла пора обзавестись семьёй. Приглянулась ему красавица Лиза Русинова из Русиновских выселок, что находились между д. Васькино и д. Агняшка. Отец Елизаветы, Иван Никифорович, слыл знатным пчеловодом.

Заслали сватов, сыграли свадьбу.

Народились детки. Смертность детская тогда была очень высокой, врачей не было. Мне известны имена двух дочерей Александра Петровича и Елизаветы Ивановны – Ефросиньи и Глафиры (1913–1983) – и младшего ребёнка, моего отца Семёна (1925–1979).

Времена были суровые, Россия всё время воевала.

По рассказам родственников, дед прослужил (провоевал) общим сроком 11 лет. Награждён был в Первую мировую тремя «Георгиями»: 1-й, 3-й и 4-й степени.

В Рунете удалось узнать, за что Александр Волков был награждён Георгиевским крестом 1-й степени.

19 сентября 1916 года в бою у д. Затурцы, командуя взводом 3-й роты, под сильнейшим артиллерийским, пулемётным и ружейным огнём противника храбро и искусно повёл взвод в атаку на неприятельские укрепления.

Две линии укреплений он успел занять очень быстро, благодаря чему в его взводе почти не было потерь в личном составе. Атакуя 3-ю линию укреплений, первым во главе взвода бросился в проход, сделанный артиллерией в проволочных заграждениях, и проник в окоп, своим примером увлёк вперёд не только свой, но и другие взводы, чем обеспечил всему батальону выполнение возложенной на него задачи без значительных потерь в личном составе. При атаке 3-й линии неприятельских окопов был опасно контужен разорвавшимся около

него тяжёлым снарядом, невзирая на это, продолжал оставаться в строю до конца боя.

После госпиталя Александр Волков был назначен интендантом в артиллерийскую часть, где бесперебойно снабжал лошадей фуражом.

В СССР наличие Георгиевских крестов не принято было афишировать, и о крестах деда я узнал совершенно случайно. Не знали о них, вероятно, и мои близкие, братья и сёстры. Однажды в середине нулевых годов пришлось мне быть в служебной командировке в г. Первоуральске. Остановился у младшего брата Юрия. Он-то и предложил мне проведать нашего дядю и моего крёстного, последнего из живых сыновей деда – Александра Александровича Волкова. Юра рассказал мне тогда и о крестах деда.

Пришли к дяде, он, естественно, был очень рад нашему приходу. Посидели за чаркой водки, пообщались. Достал дядя Саша и кресты, поддержали мы их в руках, полюбовались. Вскоре пришло известие, что дядя скончался. Кресты деда, естественно, перешли в семью младшего сына крёстного, Николая.

Вернувшись в Рязань, я загорелся идеей узнать о подвигах деда. Вышел через Рунет на Екатеринбургский фонд георгиевских кавалеров. От представителя фонда узнал, что из тех мест такой георгиевский кавалер был только один, и это был наш дед. Он же сообщил, что один из крестов деда был 1-й степени, т. е. золотой. На моё недоумение, что кресты были все одинаковые, был ответ, что золотые кресты после войны продавали, и на вырученные деньги тогда можно было купить корову. Вместо золотого креста делали муляж.

В 2017 году из записок сосновоборского земляка Григория Ивановича Рогожника узнал, что дед на войне спас генерала и вернулся домой с тремя крестами. Более подробно о подвигах деда и его крестах узнал из всё знающего интернета.

Скончался Александр Петрович в марте 1961 года.

Владимир ИКОРСКИЙ,
г. Королёв МО

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Знамя Победы в музее хранится.
Стань перед ним и склонись головой!
Так бережётся, как ока зеница,
Подвиг солдат во Второй мировой.

Вписана доблести ратной страница
В Книгу истории – флаг штурмовой.
Знамя Победы в музее хранится –
Красной материи стяг боевой.

Пробил для вас час расплаты, убийцы,
За миллионы погибших сердец.
Знамя Победы в музее хранится –
Бойне кровавой достойный конец.

Символ взвился над немецкой столицей
Смертью фашизма и славой страны.
Знамя Победы в музее хранится –
Это народная правда войны.

Кто-то считает, что Русь покорится:
Жажда наживы, растление душ...
Знамя Победы в музее хранится –
Это оружие против кликуш.

Сеть россиянам плетёт заграница.
Ставят на карту державы распад.
Знамя Победы в музее хранится –
Колокол Родины, грозный набат.

ПОМНИТЕ НАС

– Ты тишину послушай!
Здесь был последний бой.
Крылаты наши души
Для выси голубой.

Летим небесной стаей
Сюда мы каждый год,
Где, землю защищая,
Погиб гвардейский взвод.

За Родину мы дрались:
Грузин, казах, узбек...
Мы братьями остались
Советскими навек.

И братская могила –
Наш коммунальный дом.
Потомки дорогие,
Вы помните о нём!

– Не беспокойтесь, помним,
Ваш голос не умолк.
По всей стране огромной
Идёт Бессмертный полк.

«МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ»

Дочь, как звезду, в душе Джалиля
Не погасил фашистский плен.
Она ему давала силы
Средь моабитских смертных стен.

Ждала поэта гильотина.
Стихов и песен строй мужал –
Они – фугас, патрон и мина –
Острее лезвия ножа.

И люди плакали, читая:
Стихи ведь могут воевать.
И каждая строка литая
Шла в «Моабитскую тетрадь».

Стоит поэт из сплава меди.
Взгляд устремлён к родной реке.
И жизнь, и смерть ведут к победе
В нечеловеческом рывке.

Колючей проволокой скручен.
Ему её не разорвать.
Но рвёт её над волжской кручей
Та «Моабитская тетрадь».

Пускай всё в мире быстротечно.
Нельзя героев забывать.
Чулпан¹ – звезда легла навечно
На «Моабитскую тетрадь».

¹ Чулпан – «звезда» на татарском.

Мелодия любви или Любовь-Любаша

Зинаида КОКОРИНА

Ко Дню Победы

Посвящается моему дяде,
ветерану ВОВ, полковнику,
инженеру-химику
А. Я. Коробкову-Новикову

*Кто лгал, что я на праздник не пришёл?
Мы здесь уже. Когда все будут пьяны,
Бесшумно к вам подсядем мы за стол
И сдвинем за живых бесшумные стаканы.*
К. Симонов «Хозяйка дома»

Вот занавес дрогнул... Свет медленно гас.
Зал замер на грани дыхания.
Мелодия словно с небес полилась,
До боли знакомая, давняя.

Прикрыл глаза. Душевное волнение
О прожитом тревожит память вновь...
И возвращает сердцу то томление,
Что дарит только первая любовь.

Любовь-Любаша...
По большой палате
Она порхала лёгким мотыльком
В свободном, словно балахон, халате,
Приталенном коротким пояском.
Когда бинты кровавые меняла
Уверенным движеньем лёгких рук,
Казалось, боль на время отступала.
Но выдавал волнение сердца стук.

Бывало так, что с губ сухих, горящих
Из глубины бредовых тяжких снов

Срывалось вдруг: «Сестрёночка, Любаша!..»
Как вздох, как выдох первых внятных слов.

Я мог бы наблюдать за ней часами,
Прикрыв ресницами оживший блеск.
Я мысленно парил под небесами,
Пытаясь сдерживать душевный всплеск:
«Любить бы ей, рожать детей, ей-богу!
Кормить не нас, а их из ложки кашей».
Да перешла война её дорогу,
Переломала всю судьбу Любаши.

Однажды, изменив агитбригаде
С концертами для раненых людей,
Осталась Люба в этом медсанбате.
Так, видно, сердце подсказало ей.

Бывало, затихала перестрелка.
Вползал в палаты полумрак тайком.
Бойцов кормила с ложечки сиделка,
Молясь за их здоровье шепотком.
Почти не слышно становилось стонов.
Дышал прохладой свежий ветерок...
Как будто после всех ночей бессонных
Судьба дарила тихий вечерок.

И тут же чей-нибудь басок хрипящий
С мольбой, чтоб не последовал отказ,
Вдруг нарушал покой: «Сыграй, Любаша,
Порадуй музыкой, сестрёнка, нас».

Расправит девушка устало плечи,
Улыбкой скромной снимет грусть с лица.
Когда ещё такой удастся вечер,
Чтоб «музыкой порадовать» бойца?

Накидку сдвинет осторожно с крышки
(с бинтами и таблетками горой),
Замрёт, как музыку в себе услышит...
Поглаживая инструмент рукой,
Коснётся клавиши легонько белой,
Звук первый извлекает из басов...
И родилась мелодия, запела,
И зазвучала жизнь в сердцах бойцов!

Припоминают что-то дорогое:
Кто дом далёкий, школу и друзей,
Кто первый поцелуй, крыльцо родное,
Кто ласковые руки матерей...

Лирическое было ль то пиано
Или задором зажигало скерцо?..
Снимая боль и заживляя раны,
Вселялись вера и надежда в сердце!

И я пытался, да не мог забыться.
Так становилось на душе тепло...
Я видел, как вокруг светлели лица.
...Мои же мысли к девушке влекло.
Война безжалостно людей косила,
И смерть, и кровь лились одной рекой...
Откуда же бралась такая сила
В ней – в маленькой, светящейся такой?!
В жару и в холод, под дождём и в слякоть,
Вытаскивать с полей в боях упавших,
Притом не ныть, не отступить, не плакать...
Могли такие только вот Любаши!

Очнулся я.
Мелодия звучала,
Страницы жизни пролистнув назад.
Любовь судьбой моей так и не стала.

«Прости, родная! Я не виноват
В том, что остался жив среди немногих,
Что уцелел в том памятном бою...
И что тебя не встретил на дорогах,
Которыми не раз шагал в строю.
Шёл с именем твоим я до победы,
Во встречу нашу веря вновь и вновь...
Искал тебя везде, где только не был –
Любви моей мелодию –
Любовь!

Она, как заговор, во мне звучала.
От пули вражеской уберегла.
Ты многих силой духа воскрешала...
Себя сберечь от смерти не смогла».

ЗАЧЕМ?

Зачем и с кем воюем мы, народ?
Земля устала от огня и слёз.
За смерть невинных душ, в сердцах мороз...
Очнитесь! Запад держит нас за скот.

Застрял кому-то комом в глотке Крым,
И грели руки восемь лет на нём:
Нацизм, борзея, тешится огнём,
Забыв о том, как здесь почил фашизм!

Не Сирия вам здесь и не ИГИЛ¹...
Не надо в нас медведя пробуждать!
Хотите, чтоб напомнили опять?
Россию покорить не хватит сил!

Славяне, братья! Плохо ль вам жилось
Под крылышком России? Если да,
Катитесь вон в Европу, господа!
Чтоб пожалеть потом вам не пришлось...

Кто, Украина, лидер твой? Окстись!
Продавшийся нацистам наркоман,
Тупой марионеточный мужлан,
Попавший в западню трусливый лис.

Крым не был Украиной никогда,
Но жил с открытым сердцем для друзей.
Вы захлебнулись алчностью своей
С предателем Зеленским, господа!

Ну и зачем, скажите, вы сдались
Иуде, что навлёк беду на вас?
Уже пробил его предсмертный час...
Шута не стоит даже гривны жизнь!

С протянутой рукой убогий тролль...
Но иссякает помощи мошна...
Испепелит нацистов пусть война
За боль России, Украины боль!

¹ ИГИЛ (Исламское государство) – террористическая организация, запрещённая в России.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ...

*...И опять в богатырской силе
Возродишься, поднявшись с колен,
Дорогая моя Россия!*

К. Симонов «Дорогая моя Россия»

Ужель в полях траншеи заросли?
Ужель вкус крови позабыт землёй?
Ужели тучи Третьей мировой
Над Родиной сгущаются вдали?

Безмерен США накал страстей –
Фашизма дух бесследно не почил:
Беснуется исчадья ада пыл –
Пыл жажды власти над планетой всей.

Конфликты... войны...
Мерзок «жажды» план.
И Украина – факт очередной.
Ужель уроки мировой Второй
Не извлекли потомки братских стран?

Пусть происходит расстановка сил
С Востока или с Запада... России
В час роковой даются свыше силы!
Молчат об этом те, кто здесь почил.

Могли ль историю Руси забыть
Те, кто не раз грозили нам мечом?
Не сжечь им духа русского огнём
И словом злобным не испепелить!

Тревожным символом военных лет
Не меркнет Вечной Памяти огонь!
Горит напоминанием: «Не тронь!
Да будет ярк каждой жизни свет!»

СПАСИБО

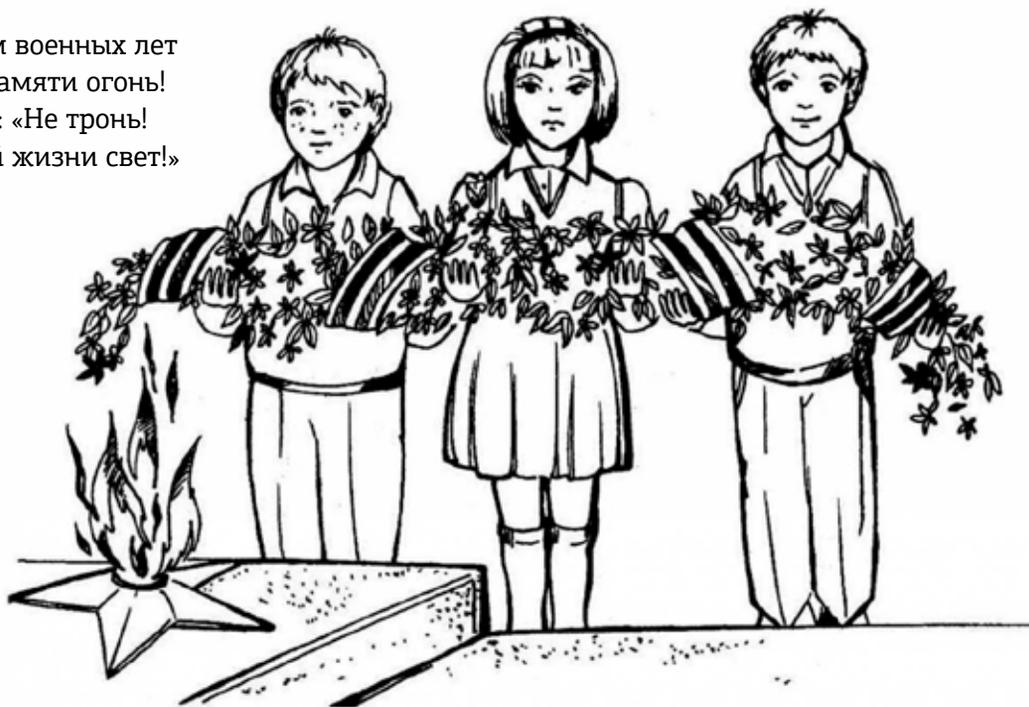
*Для детей дошкольного и младшего
школьного возраста*

Сейчас мы знаем про войну
Из фильмов и от старших.
Как Гитлер рвался к нам в страну
С мечтой на землю нашу.

Страна не дрогнула тогда,
Народ наш духом сильный,
Кровь проливал за города,
Чтоб защитить Россию!

Четыре года шла война.
Фашист врагом был лютым...
Пришла Победа! И страна
Рыдала под салюты...

Теперь для нас Победы День –
Сороковых наследство!
Мы говорим «спасибо!» тем,
Кто подарил нам детство.

Синдром детей войны

Людмила РАДУЛ

Война уже гремела далеко на западе. Наш папа воевал в Европе и присылал треугольные письма, в которых последней строчкой было: «Война скоро закончится. Победа будет за нами!»

Мы с братом и мамой жили в украинском селе в недостроенном доме. Выживали за счёт огорода, на котором самыми главными были просо и картошка. Рано утром мама уходила на работу в молочноарнию, куда селяне приносили молоко. Мама с помощью сепаратора перегоняла его на сливки и обрат. Сливки отправляли на маслозавод, а оттуда масло посылали на фронт. Брат начал ходить в школу, а я, шестилетняя, целый день сидела дома одна. Недавно в селе организовали детский сад для детей, у которых погиб отец. Но мне его не дали. А однажды мне разрешили походить в сад несколько дней, не помню почему. Я пошла в сад сама. Няня посадила всех ребят за большой стол и положила на него что-то круглое и тёмное. Она разрешила это ножом на тонкие ломтики, и с двух сторон остались два полукруглых кусочка. Я громко спросила:

– А что это такое?

– Хле-е-е-еб, – хором крикнули дети.

Это слово я слышала впервые, а няня сказала детям:

– А давайте дадим горбушку новенькой девочке Люде?

Я смотрела с удивлением на эту горбушку на своей ладошке, она источала необыкновенно вкусный запах. Детям раздали по одному ломтику на целый день. Некоторые стали есть сразу, смакуя и причмокивая. Другие оставили его на обед. А я бережно спрятала свою горбушку в карман. Тогда я услышала ещё одно новое слово – «буханка», оно мне почему-то казалось смешным.

Вечером мы сели за стол с мамой и братом, и я торжественно вынула из кармана свой подарок. Брат радостно воскликнул:

– О! Хлеб! – Он был старше меня на 2,5 года и, видно, помнил довоенный хлеб.

Мама хотела разрезать горбушку пополам, но я попросила разрезать её на три части, и маме тоже достался тоненький ломтик. Мы откусывали по маленькому кусочку, и ничего более вкусного я тогда не знала. Когда война кончилась, вернулся с фронта папа, и в доме появился хлеб. Мы так бережно к нему относились, что и до сих пор у меня не поднимается рука выбросить в мусор остаток хлеба. Об этом говорят и мои сверстники. Кто-то умный назвал наше поведение синдромом детей войны.

СЛОВО «ХЛЕБ»

Песня

Опять пришла весенняя пора.
В песочнице играет детвора.
А вместе с ними – внученька моя.
Когда-то, как она, была и я.

Четвёртый год, я помню, шла война.
Теперь была на западе она.
И папа наш в Европе воевал.
И письма шли оттуда, где бывал.

Я помню, среди множества невзгод
От голода страдал простой народ.
А слова «хлеб» тогда не знала я.
Казалось, что забыла и семья.

Когда вернулся папа наш с войны,
Тотчас пошёл трудиться для страны.
И много лет востребованным был,
Чтоб слово «хлеб» никто не позабыл.

Людмила СИЗОВА

*Посвящается отцу – инвалиду Великой
Отечественной войны II группы
Кинебасу Константину Павловичу*

ПРОЩАНИЕ ПОД ВОЕННЫЙ МАРШ

Военный духовой оркестр играл,
В осеннем парке трубы зазвучали,
И каждый в своём сердце вспоминал
Войны тревоги, горести, печали.

Прощальный вальс на школьном
выпускном,
Как мы его с любовью танцевали.
Июньским утром горн трубил подъём –
Нас эшелоны на войну призвали.

В ночь, в холод, в темноту они везли
Не только нас, но на платформах танки.
И вновь звучит из времени дали
Победы марш «Прощание славянки».

В поход «Славянка» провожала
Отца и сына, брата, деда,
В бою им мужества желала.
Ковалась подвигом победа.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОГРАНОТРЯД

Летом, в июле, тридцатого дня,
Шёл сорок первый год,
Землю защищал от войны огня
Наш советский народ.

В первый год войны мой отец служил
В пограничных войсках,
Отечества границу сторожил
На южных рубежах.

Потом пешком из Москвы, с парада,
На фронте воевал,
После смерти искала награда –
Орден не получал.

Второй степени орден Победы
После смерти отца,
Прошёл сквозь огонь войны и беды,
Орден для храбрца.

На фронте Юго-Западном в день тот
Войска окружены,
Кинологи прикрыть в бою свой взвод,
Армий прорыв должны.

Но враги так никогда не бились,
Подобных контратак
Не знали, в шею врагам вцепились
Сто пятьдесят собак.

Остры овчарок белые клыки,
Их хватка, как капкан,
Хрустят под ними немцев кадыки,
Пришедших с дальних стран.

Псы, погибая, врагов кусали,
В страхе те бежали.
Градом пуль овчарок убивали.
Танки всё ж прислали.

На поле боя пал погранотряд,
В нём – все пятьсот солдат,
И большинство погибло там собак,
И у павших сидят.

Овчаркам не уйти в вечерней мгле,
Долг надо исполнять.
Собаки падали к родной земле –
Враги стали стрелять.

Из окружения не вышел он,
А дальше – ночь и мрак,
Ведёт в бессмертье погранбатальон
Сто пятьдесят собак.

Взывает к людям надпись в наши дни:
«Путник, остановись,
С пролитой кровью полегли они,
Земле той поклонись».

Здесь смертью храбрых пал погранотряд,
Звезда – советских знак.
На бой вели пятьсот бойцов-солдат
Сто пятьдесят собак».

ПУТЬ НА ПАРАД 1941 ГОДА

В лихолетья времени дали
Вдруг границу курды перешли
До войны, в году сороковом,
Покидая свой родимый дом.

И не нужны им были ружья,
Новый вид биооружия,
Болезнь малярию, занесли
На острова, в плавни, в заросли.

Из тропиков форму не могли
Вылечить врачи нашей земли.
Пошли в то время на огород
Через реку Днепр мать с сыном вброд.

Им перед водой неведом страх,
Коромысла несли на плечах.
На них пара вёдер помидор.
Комар уже пролетел простор.

Но жизнь отца была б не длинной.
Внутри плазмодий малярийный
Произвел бы в теле много бед.
Не спасти ни мозг, ни интеллект.

Чтобы мозг отца не заболел,
Надо температуры предел –
Сыпать горчицу в танковый шлем.
На призыв не пришёл он совсем.

Родину защищать стремиться,
В учебке танковой учиться
Призывались Отчизны сыны,
Все погибли в начале войны.

Мятеж на Кавказе, в гор глуши,
Подняли чечено-ингуши.
План чечено-ингушей суров –
Встретить дивизию врагов.

Сам с Кавказа, но смотрел вперёд,
Не стал Сталин уничтожать народ.
Сам Джугашвили был с тех мест,
Не смог всех отправить под арест.

Решил людей вождь выселять.
Долг-приказ отец стал исполнять.
В годах тридцатых перед войной
Увлекались все люди стрельбой.

И каждый второй носил значок –
Надпись «Ворошиловский стрелок».
И ещё финнов урок суров,
А мой отец был среди стрелков –

Капитан команды областной.
Очень эффективен этот бой.
Осенью коммунисты фронтов
Создали движение снайперов,

Истреблявших фашистских солдат,
Наступлению их пришёл закат.
В учебку снайперов настал отбор.
Командир сказал отцу: «Позор!

Насмотрелся вестернов, солдат».
Но отец сказал: «Не виноват,
То заело просто автомат,
И по мишеням, что стояли в ряд,

Не смог одиночными стрелять,
Очередью пришлось попадать,
Девять мишеней поражены.
Командир направил в дни войны

Аж в Среднюю Азию стрелять,
Арыки от врагов охранять.
Когда арыки он охранял,
Там отец на звук шагов стрелял

И в темноте между глаз попал.
Тревога! Мёртвый ишак лежал.
Шёл крестьянин в штаб издалека:
«Красная армия, ишака, –

Кричал, – верни, ведь он весь был мой».
Затем шкуру уволок домой.
Сталин Калининский фронт создал,
А Конев на нём был командарм.

Отец в Ставку входы сторожил,
Снайпером-запевалой служил.

Все прибыли грузовиками,
В полевой форме, с вещмешками

И с подсумками патронными,
И с лопатками сапёрными
Снег шёл всю ночь. Вот, а в восемь утра –
Парад. Троекратное: «Ура!».

На ГУМе – вождей портреты.
Принял Будённый их заветы,
Он с праздником поздравил войска.
Вождь сказал, что победа близка.

"Видел мир – строили коммунизм,
Вы – сила, что победит фашизм.
Будьте достойны миссии той,
Вам сделать свободным шар земной.

Подвиг предков пусть вас вдохновит».
На параде – танков грозный вид,
Вот идёт бог войны – артиллерия,
За ним мчится вскачь кавалерия

И царица полей – пехота –
На параде шла за ротой рота,
Чтоб представили всех к награде.
Оружие – фильм о параде.

На север от парада шли
Не дать врагу ни пяди земли.
Дальше путь на запад, на Торжок,
Не дать врагу рваться на восток.

От Старицы до Великих Лук
Бойцы не боятся смертных мук.
С парада отправились полки.
В трепете агрессоры-волки.

Они Москву своей считали.
Знамена путь нам указали.
Назад ни шагу – вперёд идти,
Другого не было нам пути.

К победам боевых баталей,
Как указал товарищ Сталин.
К черте пришёл – нужно дать ответ:
«Носил до смерти партбилет?»

Убеждений в жизни не менял,
Всю жизнь с собою партбилет держал,
На службу партии ставил дом,
Был парторгом в центре областном.

ПТАХИНА ВЫСОТА

Внезапно стихли звуки канонады,
Отца накрыло снеговым крылом.
В окопах воевал не для награды,
Он защищал родную землю, дом.

Вот сковал мороз поверхность
слоем льда,
Пёс-санитар среди сугробов лез,
Но псу-санитару не страшна вода.
Толпу людей привёл он в зимний лес.

Так благодарен был своей удаче,
Пусть от контузий инвалидом стал,
Всю жизнь, чтобы кормить собак
бродячих,
В карманах корки хлеба он держал.

Года, как птицы, улетят куда-то.
Победой стала папина мечта.
Как памятник советского солдата,
Стоит в лесу, как прежде, высота.

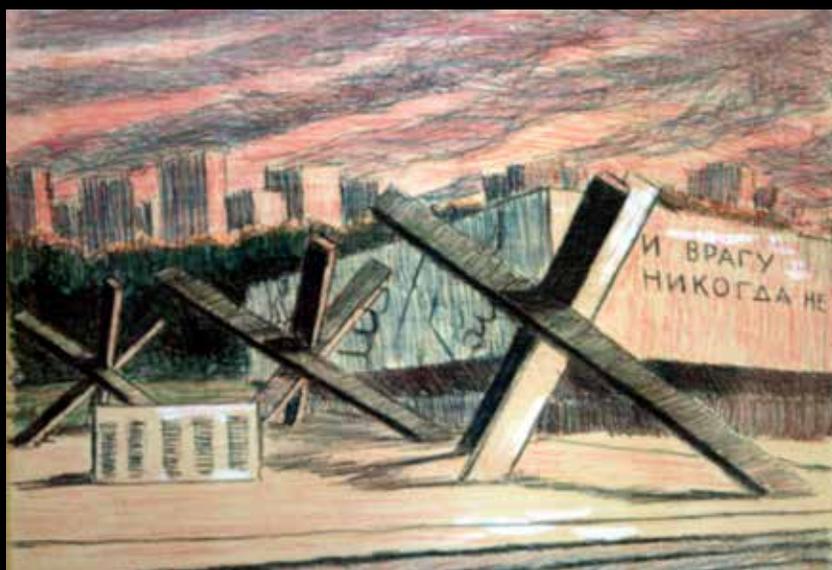
Пётр Фролов. В лесу прифронтовом.

*Аркадий Платицин.
На привале*

Сергей Фёдоров. Дубосеково.
Незабываемый подвиг
28 героев-панфиловцев

Сергей Фёдоров. Дальше враг
не прошёл. Монумент «Ежи»

Сергей Фёдоров. Брестская
крепость. Главный мемориал

Пантикапей

ТАВРИКА ТИХОНА СИНИЦЫНА. СЕВАСТОПОЛЬ

Тихон СИНИЦЫН

Родился в 1984 году в Севастополе. Учился в Ялте и Севастополе на художника. Окончил аспирантуру в Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (Ялта) по специальности «социальная философия».

Поэт, художник-график. Публиковался в различных журналах. Член Союза писателей России. Живёт в Севастополе.

ПАНТИКАПЕЙ

В незримый дворец у вершины горы
 Однажды вернут барельеф Персефоны.
 Припомнят торжественный гул агоры
 Свирепые львы и ручные грифоны.
 Искатели древностей смогут найти
 В бесцветной пыли золотую каменю...
 Какие секреты на «рыбном пути»
 Откроют нам улочки Пантикапея?
 Представилась хриплая речь гончаров;
 Меня восхищали труды камнетёсов,
 Когда я пришёл из старинных дворов
 И степь созерцал с митридатских утёсов.
 ...Рождается в море суровый циклон –
 В акрополе ветрено и сиротливо.
 Незыблемы контуры строгих колонн.
 Боспорский форпост – на холме у пролива.

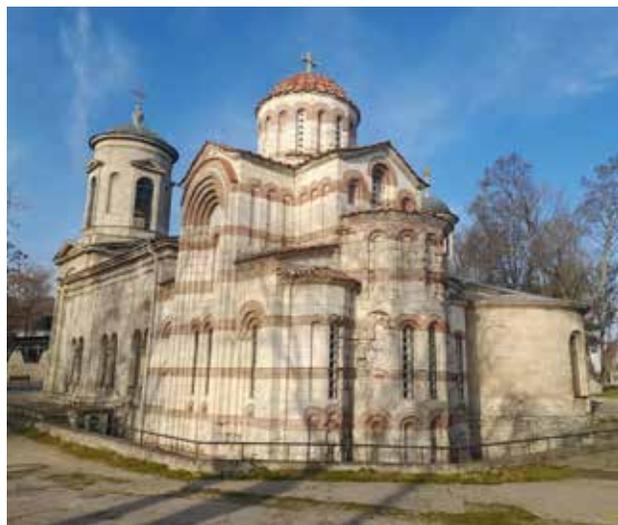
Тиритака

ТИРИТАКА

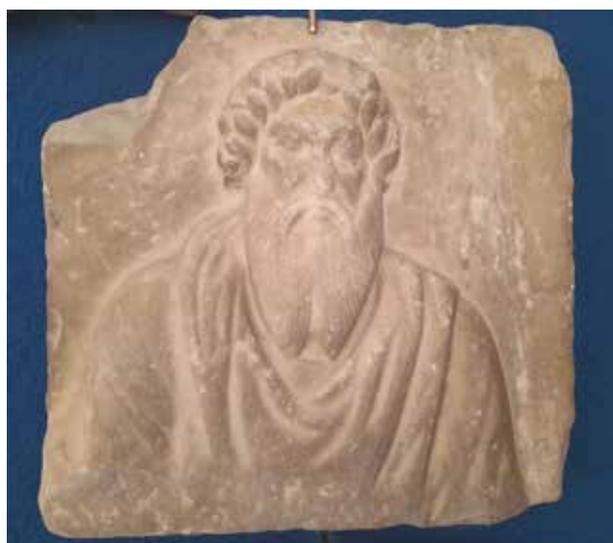
Вдали от солнечной Итаки,
В степи, где знаменитый вал, –
Руины храма Тиритаки
Похожи стали на портал,
На дверь, на мост через эпохи,
На приглашение войти,
Минувшего усвоить крохи,
Узнать о Шёлковом пути...
Я видел рыбные цистерны,
Обломки бежевых колонн;
Про местный виноград, наверно,
Упоминал ещё Страбон.
Молчат безводные колодцы.
Не слышно звяканья монет.
Калкан теперь не продаётся,
Базаров рыбных больше нет.

АПОСТОЛ АНДРЕЙ В БОСПОРЕ

Облака укутали Китей,
Возле порта – торжище и хора...
Первозванный ученик Андрей
Шествует по улочкам Боспора.
Он сумеет воспорян крестить,
Неразумных тавров пожалеет.
В домиках у бедняков гостить
Будет рыболов из Галилеи.
А потом направится к горам,
В Херсонес и к дельте Борисфена...
Греки создадут изящный храм
С красочными фресками на стенах.
Жизнь начнётся с чистого листа.

Православный средневековый храм
Иоанна Предтечи в Керчи

Средневековый рельеф святого.
Предположительно, это изображён Андрей
Первозванный. Керченский лапидарий

Культ Деметры вскоре станет мифом.
Ведь апостол вести про Христа
Донесёт и эллинам, и скифам.

ПОРТ ДВУХ МОРЕЙ

Среди раскопок царства Митридата
На каменистых склонах лабиринт...
Холодных туч небесная регата
Воспоминанья странствия хранит.
Грифон слегка приоткрывает крылья,

Ключ от Боспора держит на весу.
Ступеньки пахнут дождевою пылью.
Пора ловить азовскую хамсу.

Бездомный кот на пирсе как матросик –
Улыбчив, наблюдателен, хитёр!
Ему с утра приснился жирный глоссик,
Он к набережной обращает взор,
Где неприметно мелкий дождик косит,
Листву акаций в лужу прихватив...
В порт двух морей заглядывает осень,
Штормит студёный Керченский пролив.

ЭЛЕФТЕРИЯ¹

На западе, за киммерийским Боспором,
В прибрежных оврагах разбросана хора.
И грубый дорический ордер колонн
Уходит надменно в степной небосклон.
Рукою подать до азовского штиля,
Баркасы заброшены на берегу.
Я помню восторг от звериного стиля.
И мрачные склепы забыть не могу.
В холодной пыли ювелирные геммы.
Как провинциальны ромейские фемы!
Вдоль трассы – тростник и сухой солончак.
Кустарник острей, чем лихой акинак;
От мая, от марева на волоске...
Горячую шкару несут рыболовы.
Пишу «Элефтерия» я на песке,
Пишу для тебя это южное слово!

Мирмекий. Фото: Леонид Матвеев

ОТДЫХ ГЕРАКЛА

ЗИМНИЕ СКАЗКИ ГЕРОЯ

С каменистых холмов открываются виды
На равнину, которую скрyli снега...
– Посмотри, скачет хрупкая лань Артемиды!
Чётко вижу вдали золотые рога!
Зябнут эллины долгой зимой у залива.
Снова шторм. Кристаллический спит Херсонес.
Вспомнив хрупкие ветки дунайской оливы,
О походах своих говорит Геркулес:
Про кошмарную Гидру и злобного ветря.
Дети с трепетом слышат рассказ у костра.
Улыбаются греки, рассказам не веря...
Разве может судьба быть настолько пестра?

СНЫ ГЕРАКЛА

Отложен поход за бесценным руном.
От лвиных когтей зарубцуются шрамы.
Легки мои амфоры с местным вином.
В честь Девы на скалах – забытые храмы.
Из Гипербореи нахлынул циклон.
Засыпаны снегом прибрежные клеры.
Приятель признался: угрюмый Циклоп
Скрывает овечек под сводом пещеры.
Из лука стимфальских я птиц пристрелил
И лютого пса придушил в преисподней.
Друзья, мне скучны прорицанья сивилл,
Мне склоны Олимпа приснились сегодня!

ШУМ ШТОРМОВЫХ КОПЫТ

Грохочут копыта коней Диомеда.
Геракл, изматывая хищных коней!
Хватай их за гривы. Борись до победы.
Ты после сражения станешь сильнее.
Скрываются в Чёрное море мустанги.
Табун к горизонту уносит Борей...
Свистят буревестники, как бумеранги,
Вдали буруны inferнальных коней!

¹ Элефтерия – «свобода» (греч.).

* * *

Досмотри терракотовый сон,
Где лучи проникают сквозь воду
И кобылки звенят в унисон,
Оживляя скупую природу;
Там южак облака распластал
Над застывшей фигурой Геракла.
За спиной вулканических скал
Алыча на деревьях размякла.
Ежевика не страшен укол.
Слышен хруст можжевельных игл.
И на ветке сухой богомол
Застывает от ветра, как идол.

НИМФЕЙ

Туманный пустырь под гипнозом Морфея,
Разбитой керамики дробный узор.
Давай же пройдем в переулки Нимфея,
Где в буйном бурьяне теряется взор.
Разбойницы чайки мурлычат тоскливо
Над скрытым надолго святилищем нимф.
С кургана доносится эпос пролива,
Боспорские тучи несутся над ним.
Забыты заветы Морского союза,
В театре не слышно античных стихов.
Теперь на песке лишь синеют медузы...
Тропинка скрывается в бездне веков.

МИРМЕКИЙ

Гаснет ослепительное лето:
Солнце словно золотой браслет;
Эллины раскрыли переметы...
Для печальных мыслей места нет.
В поле резкий аромат полыни.
Вдалеке чернеют островки;
Барабулька ловится поныне,
И мелькают в гавани мальки.
Полис ремесла и виноделья,
Муравейник возле острых скал –
Рыбаков бесстрашные артели,
Загорелых путников встречал.
Городок Мирмекий славят греки,
Но недолговечна кутерьма...
Под землей останутся навеки
Многие боспорские дома.
Мраморную тайну саркофага
Позже истолкуют знатоки.
А былую смелость и отвагу
Воспоют пронзительно сверчки.

Николай ИЛЬЧЕНКО

Член Союза писателей России, поэт. Родился на ст. Россошь Воронежской области. Стихи пишет со школьных лет. Первая публикация – в заводской многотиражке, г. Севастополь, 1974–1975 год. Печатался в газетах, журналах, сборниках. Всего у автора вышло семь авторских книг, его произведения также публиковались в бесчисленном множестве коллективных сборников и журналов. Лауреат премии Л. Н. Толстого, победитель международного конкурса им. Г. А. Потёмкина. Диплом Сретенского фестиваля духовной поэзии – 1-е место, Гран-при «Пристань менестрелей», «Вишнёвый сад» – 1-е место. Награждён медалью Н. М. Рубцова.

* * *

Сэлинджеру

Желают все однажды
Познать движенья суть.
Из нас когда-то каждый
Свой выбирает путь.

Ты вставил ногу в стремя
И мчишься в кураже,
А кто-то в это время
Дежурит на меже.

Когда тебя бросает
В крутые виражи –
Есть тот, кто всех спасает
Над пропастью во ржи.

Всё в мире – повторенье.
В рутине ремесла
И ты не исключенье
Из общего числа.

Не первый загорисься
Мечтой о мираже
И во весь дух стремишься
К неведомой меже.

Пусть кто-то и осудит,
Ты бег свой придержи –
Вдруг никого не будет
Над пропастью во ржи.

ОСЕННИЙ ФУТБОЛ

Багряно-жёлтым потрясеньем,
Надеждам призрачным исток,
Висит на дереве осеннем
Неоторвавшийся листок.

Судьбой своею он доволен.
Прозрачный воздух между тем
Напоен звоном колоколен
И ароматом хризантем.

Летят другие прочь умело,
А он висит, хотя пора
И вертят, вертят очумело
Его осенние ветра.

В душе таится опасенье –
И мною вертят, как хотят.
Вся жизнь моя – футбол осенний,
Который скоро прекратят.

Не нарушая правил вовсе,
В игре я, как и все, дерзал,
Но карточку, что цветом в осень,
Судья давно мне показал.

Ведь я пока ещё не болен,
Не собираюсь на покой,
Но тренер мною недоволен
И на меня махнул рукой.

Ещё играю, интригую,
Иду в обход и напролом,
Но скоро жёлтую вторую
Покажут мне, и поделом.

Арбитр подзовёт свистком...
Ну а пока одно спасенье:
Висеть на дереве осеннем
Неоторвавшимся листком.

БЕССОННИЦА

Прошедший день не повторится,
И, видно, в этом жизни суть.
Кричит в ночи шальная птица
И не даёт никак уснуть.

Как экипаж подводной лодки
Под неумолчный шум турбин,
Мои уходят одногодки
Во тьму неведомых глубин.

Друзья уходят в ночь. Я запер
Дверь и спокоен потому,
А где-то притаился снайпер
Их выбивать по одному.

Луна застыла, карауля
Всех в ночь идущих семена,
И где-то вылетела пуля,
Которой попадать в меня.

Порою сны ещё мне снятся,
Лишь в них я всё ещё гроза,
И там, в душе моей, теснятся
И образы, и образа.

Нет, счастье не даётся даром.
Ушедших дней не повторить.
Бреду в ночи и жду удара,
И не с кем мне поговорить.

И вновь в душе разлад творится,
Не спится снова до зари.
Кричи, кричи, ночная птица,
Хоть ты со мной поговори.

СЕДЫЕ МАЛЬЧИКИ ВОЙНЫ

Георгию Задорожникову

Скатилось солнце, словно мячик,
В тугую тёплую волну.
Стоит у моря старый мальчик,
Который видел ту войну;

Кому игрушкой были пули,
А жизнь в осаде как вина.
Плетётся тенью на Примбуле
За севастопольцем война.

А в снах всё продолжают падать
Бойцы в морские буруны.
Вы наша правда, наша память –
Седые мальчики войны.

В волнах ныряет лунный зайчик,
И время никого не ждёт.
Идёт вдоль моря старый мальчик,
Из той войны ещё идёт.

И пусть порой в груди одышка,
Глаза глядят сквозь пелену,
Он – севастопольский мальчишка,
Который помнит ту войну.

Стоят в почётном карауле
Все обелиски всей страны,
Пока гуляют на Примбуле
Седые мальчики войны.

* * *

Я поначалу не умел летать,
А вот теперь совсем другое дело:
Не только ум, душа, но даже тело
Летит в ночи украдкой, словно тать.

Да, я летаю только по ночам,
Хотя теперь, бывает, днём всё чаще.
Я с высоты машу толпе кричащей
И строю нос следящим палачам.

От бед меня спасает амулет:
Седой рассвет и солнца луч колючий,
Но ночью мне летается сподручней –
Меня зовёт и манит лунный свет.

Снимает небо ночи паранджу,
Пора на землю, в шумных буден скрежет,
И, так как мне летается всё реже,
Я каждую минутой дорожу.

Пытаюсь ею радоваться всласть.
Кружу над нашим двориком зелёным,
А ты стоишь и смотришь удивлённо,
И я стараюсь с неба не упасть.

Стараюсь улыбаться по весне.
Смотрю на мир сквозь переплёт оконный.
Но, несмотря на возраст мой преклонный,
Мне всё ещё летается во сне.

ОПЬЯНЁННЫЙ КРАСОТОЙ

А. И. Фатьянову

Он родился в день красивый
В деревеньке небольшой,
Человек былинной силы
С соловьиною душой.

Пел он песни для народа,
Бросив сердце на весы, –
Как ждала его природа
Среднерусской полосы!

А теперь – живёт в народе
И забудется едва ль.
Ведь недаром же проходит
Ежегодный фестиваль.

Эти праздники, как вязь, нам
Создают в душе уют:
Это Вязники и Клязьма
До сих пор о нём поют.

Он влюблён был в эти рощи,
В эту речку и дома –
Человек былинной мощи
И тончайшего ума.

И ушёл во мрак кромешный,
Опьянённый красотой:
Человек простой и грешный.
И великий! И святой!

* * *

Всё ниспосланное Богом приемлю.
Испытанья не даёт он без меры.
Я влюбился в эту крымскую землю,
В этот город русской славы и веры.

Эту землю рвали острые траки,
И снаряды били в цель без промашек.
Севастополь – это красные маки.
Севастополь – это море ромашек.

Это ласковое тёплое море,
Белый город, купола золотые.
Севастополь – это вечно в дозоре
Равелины и молитвы святые.

Севастополь – неsgiбаемый воин.
Кровью камни здесь не раз оросили.
Этот город поклоненья достоин.
Севастополь – это гордость России.

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

*Родилась и проживает в г. Симферополе.
Финалист Национальной литературной премии «Слово».*

БОГ ДАЛ НАМ ВРЕМЯ

Бог дал нам время, и с тех пор,
Как день становится вчерашним,
Рука, создавшая топор,
Века возделывает пашни.

Седой старик на небесах
От глаз людских надёжно спрятан.
Сверкает Божия роса
Слезой на пугале распятом.

Крестом ворон и воробьёв
Пугать. А Бог во гневе страшен.
Он градом, как камнями, бьёт
По выгнувшимся спинам пашен.

Пасись, смиренная овца.
Пусть это странно и нелепо,
Мужик попросит у Отца
Всевышнего дождя для хлеба.

На хорды пашен упадёт
С небес прозрачная прохлада.
Блажен, кто воду с жаждой ждёт,
И тот, кому дождя не надо.

Живи во лжи, паши, дрожи
И верой дорожи, как хлебом,
Не поле перейти – прожить
Жизнь лишь благодаря плацебо!

НА СМЕНУ ДНЮ ЗАСТУПИТ НОЧЬ

Рассвет проснётся, дуралей,
Сорвёт тумана покрывало
И обнажит тела полей,
Чтоб солнце их поцеловало.

Господь так будет поражён,
Как мир прекрасно им украшен,
Что скажет: «Это хорошо».
Но красота рождает кражи...

На смену дню заступит ночь,
Закат закроет веки Богу,
И месяц высветит одно –
Вдаль уходящую дорогу.

ТВОИ ПЕРЕЛЁТНЫЕ РУКИ

Твои перелётные руки
За шею других обнимали.
Как больно, поймёшь ты едва ли,
Как тяжко мне было в разлуке.
Взлетает последняя стая,
Лишь ворон сидит одиноко,
И листьев страницы сметает
Дыханием ветра дорога.

НАШ ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Наш первый поцелуй тебе не повторить,
Хотя для виду было их, может, даже три.
Потом прошло три года, но вдоль упругих вен
Моих, твоих и наших ещё течёт глинтвейн.
Что хочешь говори, кому угодно ври –
Я знаю, как болит Вселенная внутри.
Зависимость, абьюз – вот так сошёлся пазл.
Я то в тебе люблю, чего не видит глаз.
Ты будешь вспоминать сегодня до утра

Касанье голых душ, двух равно рваных ран.
 Ты всё ещё следишь, о чём мои стихи,
 И хочешь повторить слияние стихий.
 Но этот поцелуй не сможешь повторить,
 Пока ещё болит Вселенная внутри.
 Любой из тех поймёт, кто раньше видел нас,
 Что ты ещё не всё, а я, как видно, пас.
 Покуда разводи святую простоту.
 Когда ещё к тебе я пьяная приду?
 Люби мозги сестре, впивайся в «Хванчкару»
 И губы береги, целуясь на ветру.

ТРИЛЛЕР

Я не знаю, милый, чем тебе помочь.
 На тебе навечно чёрное клеймо.
 Хоть меняй ты лица, хоть меняй тела –
 Не судьба отмыться, милый, добела.

Амплуа такое у тебя, родной.
 Будешь только жёстко ты играть со мной,
 Сам себе не верить и не верить мне,
 Будешь по колено, по уши в дерьме.

Ты желал увидеть пострашней сюжет?
 Для тебя я триллер создала уже.
 Под тебя писала этот сериал,
 Чтобы в главной роли ты со мной играл.

Я снимаю фильмы только про любовь,
 Но как я снимаю – снимет не любой.
 Я пишу про жи́зу, про бабло и кровь
 И всегда довольна лишь своей игрой.

Как тебе синопсис? Оценил финал?
 То, что он открытый, – не твоя вина.
 Если ты захочешь поиграть ещё,
 Значит, снимем сиквел. Знаю, дёрнет чёрт.

Я пишу сценарий. Я – твой режиссёр.
 Мы с тобой отсняли далеко не всё.
 Нет пока бюджета. Можешь дать взаймы?
 Никуда не деться от такой зимы...

МАЗУТ В ЧЁРНОМ МОРЕ

Раздвигает Бог с утра облака,
 И на Землю смотрит он свысока:
 Что сорока принесла на хвосте?
 Нефть течёт уже из всех новостей!

Кто приказывал использовать хлам,
 Развалившийся в воде пополам,
 Тот, кому давно готова статья, –
 Он найдёт и мальчика для битья.
 Лишь бы дело было возбуждено,
 Ну а нефть пусть уберёт водяной.
 А не верящий давно в чудеса
 Человек – он разгребается сам!

Нам, привыкшим копошиться в *овне́,
 Выпал шанс помочь любимой стране.
 Бог даёт нам позабыть про войну
 Сотней птиц, уже ушедших ко дну.
 Тот, кто чувствовать и думать отвык,
 Понимает, что дельфины мертвы,
 Что токсичные отходы на дне
 Разлагаться будут тысячи дней.

Пострадавших птиц в коробках везут.
 Бог скупую льёт мужскую слезу.
 Он даёт нам в Новый год не грустить:
 Нефть лопатой, как мечтали, грести.
 А про плот споёт нам Юрий Лоза.
 Бог на беды закрывает глаза,
 Так как знает: никогда и нигде
 Не бывает равнодушных людей!

Соберут мазут в мешки, ну и что?
 Всё насмарку – если близится шторм.
 Одеялом нефть укроет песок –
 И продолжит жизнь крутить колесо.
 Задыхаясь от токсичных частиц,
 Волонтёр, отмывший множество птиц,
 Будет Богу благодарности слать,
 Веря в то, что их молитва спасла!

ПУШКИНУ

Жил-был поэт. Один из сотни многих.
Он ел и пил, как и любой из нас.
Погиб поэт. И кланяется в ноги
Ему страна. Моя страна.

Он «наше всё». Он избран был народом,
Историей – во тьме веков сиять.
В Европу Пётр – окно, а он – ворота.
Так мыслю я. Не только я.

Нет, он не мёртв! Он памятником замер,
И время для себя остановил,
И показал своими мне глазами
Диван в крови, в его крови.

Диван что гроб, где он смежил ресницы
В глубоком сне, в последнем сне.
Он стал ценней Туринской плащаницы
Не только мне.

16 СТРОК

Что я могу вместить в шестнадцать строк?
Бутылку пива, плавленый сырок,
Свист ветра, пуль и пыль ночных дорог,
Арест, статью, СИЗО, условный срок,

Из фильма саундтрек – тяжёлый рок,
Собаку, мирно спящую у ног,
Врагов моих прогнившее нутро,
Потерянный жетончик на метро.

Певца Петлюру с песней про УГРО,
Давно в стволе заждавшийся патрон,
В затор попавший где-то в венах тромб,
Вонючее помойное ведро.

Прекрасный сон, гаданье на таро,
Невкусный обезжиренный творог,
«Металлика», «Би-2», роман «Игрок» –
Вместилось всё в мои шестнадцать строк.

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ РАССТРЕЛЬНЫЙ РОВ

Явилась мне как-то еврейка во сне:
Хотела, чтоб я разузнала о ней.
Она, видно, чудом осталась в живых,
Но немцы детей не щадили, увы.
Два маленьких трупа она обняла,
Взбираясь из ямы по мёртвым телам.
В село за спасеньем брела по тропе,
Пока на рассвете петух не пропел.
Возможно ли вынести это? Уму
Никак, хоть убей, не понять моему.

Когда приближаюсь к расстрельному рву,
Всегда от обиды и боли реву.
Мне кажется, вижу сейчас наяву,
Как руки кровавые трут о траву
Фашисты, захватчики крымской земли,
И замертво падает солнце вдали.
Как быстро телами наполнился ров,
Как вывернул выстрел ребёнка нутро...
Вы изверги, нелюди, звери! Вы где
Учились других ненавидеть людей?

Ответьте, нацисты, вам было легко
Евреев, цыган убивать, крымчаков,
А с ними и пленных советских солдат?
Мы этого вам не простим никогда!
Скажите же, чьи здесь погибли отцы?
Будь проклят во веки веков геноцид!
За дьявольский этот садистский расстрел
Гореть вам, иуды, в геенны костре!

Но память народа о мёртвых жива –
Мы вновь собрались у расстрельного рва.
По кочкам идём, по событиям диким,
Чтоб брызнули кровью живые гвоздики.

Из «Крымского альбома»

Марина ОРЛОВА

Марина Оливеровна Орлова – поэт, прозаик, сценарист, журналист-культуролог, автор ряда книг, литературно-художественных программ и фильмов. Родилась в г. Саратове. Член Союза писателей России, Ассоциации русских верлибристов (1992). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Гумилёва. Лауреат интернет-издания «Российский писатель» (2023). В Москве работала главным редактором общественной редакции молодёжных литературно-художественных программ телеканала «Столица». С 2014 по 2021 год жила и работала в Донецке. С 2021 года – соруководитель съёмочной группы проекта «Литературное ТВ СевСПР». С 2013 года по настоящий момент работает онлайн-сценаристом в АО «ТЕЛЕКОМ», Москва – Крым. Живёт в Севастополе.

* * *

Всё решено. Опять бокалы об пол,
Опять дорога, снова на постой.
Горят станицы. Едет в Севастополь
Пока что подпоручик Лев Толстой.

Земля дрожит. Всё громче гул орудий,
Повсюду гарь – куда ни кинешь взгляд...
Он видел, как ложились в землю люди,
Как пил из кружки раненый солдат...

И быт, пропахший старыми бинтами,
И звуки – вровень с полковой трубой –
Всё это стало болью и словами,
Точнее – Словом. А ещё – Судьбой.

* * *

В прошлом остались балы и хмельные
пирушки,
Мирно в чулане дуэльные спят пистолеты,
Едет домой Александр Сергеевич Пушкин –
В дом, где живут-поживают большие поэты.

Годы мелькают, как вёрсты, – уже два
столетья...
Что-то уходит, а что-то приходит, наверное,
Может, об этом поёт полустаночный ветер,
Может, об этом писалось в романах
Жюль Верна...

Все мы в дороге. Пора бы присесть на дорожку,
Долго ли, коротко... Ты не смотри с укоризной...
Трётся у ног что-то мягкое... Может быть,
кошка?

Кошки, конечно... они понимают о жизни.

Помнится: в воздухе стилом холодная крошка...
Притормозить бы, свернуть, и возможно –
осечка!

Время пошло, беговые заложены дрожки,
И за пригорком заснеженным – Чёрная речка...

Пушкин смеётся и машет рукою беспечно:
– Всё это временно, что нам времён
скоротечность!

Рано ли, поздно ли, все умирают, конечно,
Только потом начинается спелая вечность.

Вот он и дома. Перо на столе и бумага,
Рядом на блюде – любимая с детства
морошка,
В тонких морщинках у глаз незаметная влага...
Трётся у ног кто-то тёплый – наверное, кошка...

ГУМИЛЁВ

Над мятущуюся страну
Всё слышнее протяжный лай,
Между Питером и Москвою
Заблудился его трамвай...
Темнота, коридоры, плаха,
Подступающая гроза,
Так белеет его рубаха,
Что от света болят глаза.
Опускает веки – и снова
Неба чистого синева,
На руках его не оковы,
А брабантские кружева...
Солнце, Крым и повсюду море,
А у моря утёс как страж,
Будто стёрли беду и горе
Рукавом рубахи апаш...
Только где-то саднит – так странно,
Будто горла коснулся дым –
Анна, Анна и снова Анна,
Это имя повсюду с ним...

Этот горький и високосный
Год растает под слоем слов...
Впереди – лишь простор да космос
Под названием Гумилёв.

БАЛАКЛАВСКАЯ БУРЯ¹

У берегов чужой для них земли,
В сиянье молний, как в лучах радара,
Взлетали ввысь и гибли корабли –
Как щепки разлетаясь от удара!

Нет ничего опаснее морей,
Ревущих так, что камни гребни скалят, –
Уже фрегат сорвался с якорей,
Руля лишился и пошёл на скалы...

Кипела пеной тёмная вода,
Вздымая в воздух чёрный ил придонный,
В пучине исчезала навсегда
Победная добыча Посейдона.

И волны хмуρο приняла дары...
Кто к нам пришёл с мечом – позор и горе!
И бочки, как крикетные шары,
Катились вниз в разбуженное море...

Когда врагов помножили на ноль
И флаг поник – английский ли, французский,
В нас нет злорадства, есть одна лишь боль,
Поскольку так заведено по-русски...

Опять гроза – уже который год,
Опять война. Пора припомнить, видно,
Стихию, утопившую весь флот
У берегов разгневанной Тавриды.

¹ Легендарный шторм 14 ноября 1854 года утопил у берегов Крыма (в Балаклавской бухте) более 53 вражеских кораблей.

Сергей ТЕСЛА

Поэт, прозаик, сценарист, режиссёр, автор ряда литературно-художественных фильмов и телевизионных программ. Родился 27 марта 1965 года в Донецке. Руководитель съёмочной группы проекта «Литературное ТВ СевСПР». Член Союза писателей России.

СЛОИСТОЕ ВРЕМЯ

Эти горы и море, слоистое время и небо...
Бухта с загадочным именем Символон.
Что-то из древних времён – ровесников Гебы:
Геракл, Артемида, летящий домой Аполлон...

Былинной Тавриды гулкие полые склоны,
Глубины, впитавшие бездну просторных небес,
Древние стены, алтарь, ковчег и колонны
Города с терпким названием Херсонес.

В этой земле слоями уложены тайны,
В местных пещерах мудрых кентавров
встречали,
А встречи на этих просторах совсем
не случайны,
Но камни седые об этом веками молчали.

Они и сегодня пароли открыть не склонны,
Разве что явятся эти пароли во сне,
А может, их шепчут солёные травы на склонах
Или рисует стрекозий полёт по весне...

Что-то за бортом щебечут дельфины
с улыбкой,
Русалки мерещатся в волнах, ласкающих
скалы,
Мерещится парус в картине закатной и зыбкой,
Мерещится ищущий взгляд над небесным
штурвалом,

Мерещится, что дирижабль парит над горою
И лодка подводная входит в тело горы,
Мерещатся складки времён рассветной порою,
Да только непросто дожидаться заветной поры...

Тут рыбаков встречают ватаги кошачьи,
И у причала Куприн ищет верное слово,
И мы в сотый раз подбираем пароль наудачу,
А узкая бухта зовёт к себе снова и снова...

ПОВЗРОСЛЕВШИЕ СКАЗКИ

Шум новогодний за стенами утром стихает.
Детство на цыпочках тихо выходит под ёлку.
Не за подарками, что притаились в иголках,
А за мечтой, говорящей с тобою стихами...

Тут на зеркальных изгибах играющий свет
Не мишурой и шарами представится взгляду,
А чудесами, неслышно парящими рядом,
Сказочной тайной, далёким мерцаньем
планет...

Взгляд понесётся следом за светом
волшебным,
Время седое над этим полётом не властно,
Годы бегут увлекательно и опасно,
А детство всё грезит, полное силы целебной...

Мы вырастаем. Игрушки становятся старше.
Яростней взмахи у нашей жизни-качелей.
Мы замечаем, что сказки уже повзрослели,
Взгляды, мечты и улыбки обветрив на марше.

Путь не из лёгких достался нам нынче
в наследство.
И на пути не по-детски трясёт и бросает,
Но все эти годы нас неизменно спасает
С нами в дороге уже повзрослевшее детство...

ДЕТСТВО

Нам так хотелось скорее сбежать из детства
И так безумно хотелось взрослой свободы,
Мы сочиняли для этого странные средства,
Всё торопили беспечно текущие годы...
Тем временем детство нас мастерило умело,
Во снах беспокойных нам дерзкие крылья
растило,

В блаженном порыве всё время куда-то летело
И что-то бесценное бог знает где находило...
А звёздная пыль оседала на крыльях узором,
Пыль суеты непрерывно копила годы,
И всё плотней обволакивал быт, в котором
Было всё меньше когда-то желанной свободы...
И только под Новый год, стряхнув суету,
На чердаке укромного детского сна
Мы вновь находим живую ещё мечту,
Одежда которой звёздной пыльцы полна...

* * *

Нас норовят закошмарить навязчивым страхом,
В этом дыму всё сложнее различимы дороги,
Лица у здешних детей не по возрасту строги –
Даже с улыбкою над новогодней рубахой...
Праздники наши шумны, многолюдны, пестры.
Эти салюты собой заслоняют обстрелы.
Первые тосты: «Пусть наши останутся целы,
Пусть новогодними будут в окопах костры...»
С чашкой горячего кофе иль крепкого чая
Мы чаяньем нашим дружно вприкуску хрустим.
Верим, мечтаем, надеемся, помним, грустим,
Ещё один год, сквозь войну приходящий,
встречая.

СНЫ ДОНЕЦКОГО ФРОНТА

снова ночь,
снова давешний сон,
этот сон умеет летать,
так упруго пульсирует он,
что смерти в нём нас не достать...
кто посмел в глаза ей взглянуть,
видел в них только боль и страх,
а за ними бескрайний путь
и уверенных крыльев взмах...
пляска ветра,
дыханье степного костра,
надёжные лица и крепкие плечи –
кто-то прибыл сегодня с утра,
нынче выпили с ними за встречу,
за горечь утраченных лет,
за то, что бились отважно,
за то, что прорвались
сквозь темень на свет,
а на тот или этот –
не так уже важно...
братство тех,
кто шагнул в рассвет,
испокон хранит эти степи,
и крепче под небом нет
их веками проверенной крепки,
особый пульс у этого сна,
он ритмичен и очень упруг,
могучие взгляды эта война
собирает в танцующий круг,
пляшет в этом кругу костёр
свой древний танец жар-птицы,
и взгляд у глядящих остёр,
обветрены вечностью лица...
всё парит мой крылатый сон
в танце этом жестоком,
внимательно слушает он –
не забыт ли кто ненароком...

СЛОВО ПОБЕДЫ

Александр БАЛТИН

1

...Маленькому что ж плакать?

Ведь не ранен – просто убит, просто и страшно, включается будто видимость запредельности, вовлекающая в бушующую бездну кошмара, включается просто и страшно, бередя души читательских поколений:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони ты, мой маленький.
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай-ка лучше сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

Советские военные проза и поэзия обширны чрезвычайно, но краткое восьмистишие Иона Дегена столь сгущено, так сильно бьёт в бубен сознания, что остаётся удивляться невероятной силе чувств, заложенной в кратком выстреле строк.

Из «Окопов Сталинграда» выходили другие представители военного литературного поколения, познавшие то, что последующим узнать, только читая (и слава Богу); «Окопы» Некрасова сложились необыкновенной речевой ясностью, сухой деловитостью военных будней и... своеобразным романтизмом – не войны, конечно, но нам надо выжить!

Не просто выжить – победить, тогда мы станем бессмертны...

Взлетала красная ракеты Окуджавы, и солдаты, вставшие в окопы, воспринимались... почти сакральной правдой.

Красная ракета взлетала, а много лет спустя Юрий Левитанский, выдохнув: «Я не участвую в войне, война участвует во мне...» – словно выразил общий градус мировосприятия ветеранов, выразил с такой мощью, которая не опровергнется никакими временами.

...Страх ломался, страх давился, как негодная эмоция, которую нельзя допустить в сердце, иначе...

И били в колокол необыкновенные строки Друниной, будто и героизма никакого не было, была его повседневность:

*Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Пехота Михаила Кульчицкого, чёрная от пота, скользила так, что альфа войны раскрывалась метафизически:

*Война совсем не фейерверк,
а просто трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.*

«Горячий снег» Бондарева зажигался кровью и преодолением себя, всегда, каждый день: выживешь – значит, вырастешь духовно, любые известия дальше сможешь принимать с усмешкой: мол, всё не беда...

У Василя Быкова выбор, делаясь основой повестей, становился и чудовищной эсхатологической альфой военного пути; и «Сотников» жёстко, наждачно обрабатывал сознания читающего, самому читателю предлагая понять, где свет...

...Рвались, но и представляли гармоничными ритмы Николая Старшинова...

Твёрдая правда Твардовского достигла солевой кульминации в образе Тёркина; и солдаты, учившие куски из поэмы наизусть, проживали такой же жизнью, ходя рядом со смертью, постоянно уча её трактаты и... выживая, выживая...

Вспыхивали болью пройденного дороги Смоленщины...

Необъятна она – литература о Великой войне, тут не континент даже – космос, и величие его лучами входит в наши дни, омрачённое предельными эгоизмом и прагматизмом, входит, осветляя реальность памятью, какая не даёт окончательно пасть в бездны пустого потребления...

2

Разные Гамлеты были обрушены в мир, начиная от классического бесконечно умирающего и воскресающего принца до бессчётных истолкований образа ононого; в военном стихотворении Евгения Винокурова сходятся своеобразно Гамлет подмостков, война, заставляющая ежедневно делать жёсткий выбор, игра в Гамлета; они сходятся в сложном космосе, представленном предельно просто:

*Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.*

*А в жизни, помню, отзывался ротный
О нём как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощёкий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.*

Сквозной лирический напор, присущий поэтической манере Винокурова, словно прокалывает воздух тот, военный, ради тайны вечного, когда и на фронте, среди увеличенного ежедневного присутствия смерти, нужда в Гамлете не уменьшается...

Как интересно совмещает поэт предметность мира, ставя существительные с такой точностью, что можно взять в руку предмет, – и ощущения, кострами прожигаящие душу:

*Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех – и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы и мокли
И запросто сидели у костра.*

Гамлет со сцены сходит в жизнь, продолжать войну...

Вспыхивает своеобразие свечи – образ будущего огня, синевато-прозрачными смыслами духовного воздуха прорастает сквозь книжные страницы, поглощаемые... представителями русских мальчиков, от которых не осталось теперь ничего:

*Где книжные манящие развалы,
где в тесноте лишь боком можно стать,
мы, книжники,
юнцы,
провинциалы,
поэмы будем выпрени читать.*

Речь – и прекраснотуши; а ныне отмахнулись от прекрасных душ – и сама-то не пойми, что такое...

Но Винокуров жил во времена, когда поэзия воспринималась... чуть ли не сакральным явлением яви: ведь Советский Союз был вполне религиозной страной, просто с иным вектором веры-горения.

...Страшно грохнет военный взрыв, и станет жутко – гирлянды лет спустя, когда соприкоснёшься с космосом такого стихотворения:

*Взрыв. И наземь. Навзничь. Руки врозь. И
Он привстал на колени, губы грызя.
И размазал по лицу не слёзы,
А вытекшие глаза.*

*Стало страшно. Согнувшийся вполювину,
Я его взвалил на бок.
Я его, выпачканного в глине,
До деревни едва доволок.*

Вектор правды чрезвычайный – как опыт войны, с ветеранами уходящий всё дальше и дальше в бездны колышущегося времени.

...Винокуров мастерски писал людей, черпая образы из плазмы бытия:

*Две грузчицы уселись в перерыв.
Глядят друг в друга, упершись локтями,
Консервов банку не спеша открыв,
Батон нарезав толстыми ломтями.*

Нежная напевная печаль порой перевивает строки:

*Дым в окно врывается
Хлопьями белёсыми,
Поезд в ночь врзается
Острыми колёсами.*

*Буфера качаются,
Звонко бьются блюдами...
Милая, печальная,
Где ты? Не вернуться ли?*

Многое вмещал из разнообразных ворохов мира в пределы собственной поэзии Винокуров, многое...

И вновь и вновь выходил на импровизированную сцену ефрейтор, играющий Гамлета, чтобы, произнеся знаменитые монологи и оставшись во вполне антологическом стихотворении, сойти с неё и вновь воевать...

3

...Реальность дана тонко: в колебании и твёрдости многообразия всего, и поэт, своеобразный сейсмограф бытия, видя особенно детали мира, вправляет их в строку, созидая ювелирные стихи:

*Чуть колеблются листья клёна,
Липы высятся над домами.
И растерянно-удивлённо
Пароходик кричит в тумане.*

Действительность, представленная Константином Ваншенкиным, очень живая, вся пронизанная токами плазмы естества и согретая необыкновенной любовью, недаром Ваншенкину принадлежит мощное и размашистое признание: «Я люблю тебя, жизнь...»

Она – как объект... Как прекрасная, всеобъемлющая и всех обнимающая женщина...

Музыка индивидуальности тонко вьётся меж строк, нежно мерцая плотной предметностью мира:

*Блеск моря, и скрипы причала,
И пляжей дневных теснота –
Всё это внезапно пропало,
И сразу пришла темнота.*

*Исчезли цветы и тропинки,
Лишь только огни да прибой...
Как будто умело картинки
Одну заменили другой.*

Он составлял стихами огромный реестр жизни, фиксируя весь пантеон подробностей, собирая в ёмкости и пределы стихотворений всё, чем одаривала или казнила жизнь:

*Сижу утрами с чашкой синей
И носом чуть клюю.
Промчались праздники. Отныне
Жизнь входит в колею.*

*Ложимся рано, словно дети.
Глядит звезда в окно.
И завтракаем мы при свете –
За окнами темно.*

Казалось, практически в окно каждого стихотворения поэта заглядывала звезда...

...Многие стихи Ваншенкина логично ложились на музыку – логично, легко, ибо она жила в суммах строк, просто надо было слышать.

...Много городов, неповторимостью пейзажей создающих особую линию в поэзии Ваншенкина:

*Знаменит городок
Бесконечной стрелой бульвара,
Целой уймой садов
И осенним богатством базара.*

Стих внешне прост, никаких завихрений, никаких усложнённых придаточных, внешне прост и... нежен, строг в исполнении, тщательно отделан, столь тщательно, что отделка не ощущается, она будто естественное следствие поэтического дыхания.

...И о войне Ваншенкин писал неожиданно, выбирая сложные ракурсы, исследуя психоло-

гические феномены людей, ввергнутых в бездну ратного труда:

*Трус притворился храбрым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.*

*Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбёжку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.*

Поэт создал обширный свод, и лучей светового накала много исходит от него – для чутких душ.

4

...Неваляшка не упадёт, Василия Тёркина с ног не собьёшь.

То есть сбить можно, но поднимется, и не поздоровится обидчику, и внутренняя стойкость эта, метафизический алмазный стержень, связана в немалой степени с юмором:

*Вот под первую бомбёжкой
Полежишь с охоты в лёжку,
Жив остался – не горюй:
Это – малый сабантуй.*

Опытно – знали многие – сформулировал Твардовский, отчасти используя частушечный лад.

Смерти улыбнуться в лицо. Трагедию воспринимать с усмешкой, мол, приходи – не возмёшь.

И никакой гордости: просто вершит свою работу Тёркин, хотя и... медаль бы можно было:

*– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.*

Плазма солдатская густа: забывается, что каждый – бездна, мир глобальной неповторимости, масса сливается в огне и смерти, чтобы выжившие восторжествовали дыханием победы.

...Много слов не требуется, чтобы показать обнажённо суть войны, её нервы, проходящие через бездны сознания:

*Воздух вздрогнул.
Выстрел.
Дым.
На старых деревьях обрублены сучья.
А я ещё жив.
А я невредим.
Случай?*

Деген писал сгустками шероховатой, наждачной, земляной правды, и его война была столь стереоскопически выпукла, что, и не участвуя, участвуешь как будто...

И гремели, плыли над миром восемь смертельных строк, пропущенных через все военные антологии...

7

Жёсткая жуть войны, рассекающая сознание ветерана, приходит, наваливается, и оттого, что происходит всё это в мозгу, действительность не меняется:

*Я не участвую в войне,
война участвует во мне.
И пламя вечного огня
горит на скулах у меня.*

Жёсткой выделки стих Левитанского, бьющий в бубен читательского сознания, и блик огня, будто переходящий в сердце читателя...

Трагичная мелодия, раскрывающаяся бездной сгоревших, победных, великих лет:

*Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от тех снегов, от той зимы.*

Ленты стихов Левитанского красиво развеваются на эсхатологическом ветру бытия...

Соль стоицизма сверкает в созвучиях:

*Снегом времени нас заносит – всё больше
белеем.*

*Многих и вовсе в этом снегу погребли.
Один за другим приближаемся к своим
юбилеям,*

*белые, словно парусные корабли.
И не трубы, не марши, не речи,
не почести пышные.*

*И не флаги расцвечиванья, не фейерверки
вслед.*

*Пятидесяти орудий залпы неслышные.
Пятидесяти невидимых молний свет.*

Белый цвет прекрасен, седина мудрости и терпения играет решающую роль в ходах жизненных шахмат.

...Нами снимают кино, только режиссёр неизвестен, поэтому «Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!»

Чёрно-белое чётче – мысль не распыляется на цвет и его оттенки, фокусируясь на основном.

А что основной делается безответность, не вина человека, тем более – поэта:

*Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!
Кем написан был сценарий? Что
за странный фантазёр
этот равно гениальный и безумный
режиссёр?*

*Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!*

Не узнаем режиссёра, не выясним, какой у него нрав, только догадки остаются.

И бьёт в колокол война, встывает в сознании, трепещет височной жилкой...

8

Вероятно, ставшее стихом осознание мелькнуло жёстко и резко, расколело ум молнией предчувствия:

*Видно, я умру в своей постели,
сердце остановится во сне,
потому что мимо пролетели
пули, предназначенные мне.*

Стих Александра Ревича мускулист, подборист, сильной солевой выделки...

Ведь сколько раз могли убить! Ведь сколько раз должны были убить! Но... оставшийся в живых, проживший долгий век, погружается в видения возможного:

*Мог бы я лежать с виском пробитым,
на винтовку уронив ладонь,
равнодушный к славе и обидам,
незапятнанный и молодой,
собственную кровью орошённый,
ненавистью первой обожжённый,
подсечённый первую бедой.*

Зафиксированное «20 июня 1941 года» будет предложено мирным движением поезда, людская начинка которого ещё не подозревает об уже почти заварившейся катастрофе:

*В окно вагона ветер резкий
влетал, вздувая занавески,
равнина, оттеснив леса,
вращалась вроде колеса,
звенели ложечки в стаканах,
и слышались соседей пьяных
из коридора голоса,
стучали невпопад колёса,
им подпевал хриплоголосо
нестройный хор о том, как «спят
курганы тёмные», а следом –
«шумел камыш», и с этим бредом –
опять колёса невпопад.*

Ревич внимателен к деталям, перебирает их, словно смакуя миги жизни...

Миги... детали... из них и состоит круто и кем-то слепленное бытие.

...Поэма «Начало» развернётся как будто против воли автора, ибо:

*Всё это было так, и ни слова вычеркнуть
не могу...*

*Я не хотел о войне,
я совсем не хотел о войне,
я хотел о весне,
а начал о раннем лете,*

*о сведённых бровях девятнадцати лет,
когда свисает с ремня пистолет,
когда в петлицах по кубарю,
когда в кармане бесплатный билет
в неизвестное
(я говорю
о билете,
проколотом безо всяких okazji
в воинской каске).
Я не хотел о войне.*

Вьются верёвочно закрученные строки, живописуется жизнь, та жизнь, когда феномен молодости подъедаем стремительным огнём, выплеснувшимся в девятнадцать авторских лет...

Так хотелось просто жить и не хотелось – уже ветерану – о войне, но встаёт она в сердце, опалает седую голову метафизическим огнём, вновь и вновь собирает строки – о себе, кошмарной, преодоленной, победной...

9

Его скользкая по пахоте пехота – словно альфа войны, с постижением корней оной, если уж пришлось постигать, и мера поэтической силы, заложенная в стихотворении, вспыхивает пороховым зарядом:

*Война совсем не фейерверк,
а просто трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.*

В поэзии Михаила Кульчицкого пульсировали изначальные, давшие новую эру поэтического слова молнии Маяковского, но, пропущенные через фильтры и призмы дара поэта, обращались в ни на кого не похожие, сильные, страстные стихи:

*И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промёрзших ног
наворачивается на чёботы
весом хлеба в месячный паёк.*

*На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжёлых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино.*

Пафос ярок и уместен, рифма свежа и необычна.

...Он был советским романтиком, мечтателем, фантазёром, он верил в порывы советского ветра, способного разметать старое – ради чудеснейшего нового:

*Далёкий друг! Года и вёрсты,
И стены книг библиотек
Нас разделяют. Шашкой Щорса
Врубиться в твой далёкий век
Хочу. Чтоб, раскроивши череп
Врагу последнему и через
Него перешагнув, рубя,
Стать первым другом для тебя.*

Стихи его порой отливали синевато-прозрачной сталью словесного великолепия.

Прекрасного нового ему не суждено было увидеть – погибшему молодому на войне, успешному высказаться, давшему точную формулу солдатской работы...

10

Бой был короткий...

Жизнь оказалась немногим длиннее: сильно окрашенная, воплотившаяся в слове жизнь Семёна Гудзенко, выхлестнувшаяся стихами о войне такой мощи, что будут всегда заворачивать:

*Бой был короткий.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.*

Та проза войны, что показана в стихах, предельно мускулистых и ёмких, как послесловие

к Апокалипсису, начинает военную поэзию Гудзенко с избытком.

Силовые поля вибрируют, завораживая.
...Резкий портрет «Победителя», будто молниями строк прорезавший реальность:

*Мускулистый, плечистый,
стоит над ручьём.
И светило восходит
за правым плечом.*

*И солдатских погон
малиновый цвет
повторяет торжественно
майский рассвет.*

*Он стоит у вербы
на родном берегу,
трёхлинейку привычно
прижав к сапогу.*

Точный портрет поколения, хоть убирается возможная жалость, но солдат Великой войны и не должен особенно обладать подобным чувством – возможно, увы, тем не менее портрет предельно точен, выверен до деталей, сверкает сталью честности:

*Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б
не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред
господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины
шинели,
На могилах у мёртвых расцвели
голубые цветы.*

Поэт пережил войну, продолжая писать, расшифровывая собственную душу, раскрывая собственное сердце; он предчувствовал явление собственной смерти, бодро предсказав:

*Мы не от старости умрём –
от старых ран умрём.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!*

Почему-то думается, она не страшила поэта, столько раз встречавшегося с ней, менявшей обличия, в недрах войны и так живописавшего эти чёрные недра.

11

Ждать – как тяжёлый труд, как бытийная необходимость, как мощь душевного устройства, ибо, если ожидание будет магнетично – вернётся боец, живым вернётся:

*Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Волшебный заговор Симонова, обладающий невероятной задушевностью и почти магической силой.

Вспыхивали пороховым огнём правды дороги Смоленщины, отражались они в сердцах читателей поколений; и снова необыкновенная задушевность согрела устройство стихов, изъятых из жизни настолько, будто и писала их сама жизнь:

*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,*

*Как слёзы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: – Господь вас спаси! –
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.*

...И возникал образ Руси: пространно-великий, осиянный тайным светом, не предназначенный для вражеской победы.

И сильно была в сердце «Смерть друга», сильно, со скрытым христианским мотивом:

*Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьёт.*

*В землянке, занесён метелью,
Застольной не поёт с тобой
И рядом, под одной шинелью,
Не спит у печки жестяной.*

...В будущее развеваются ленты прекрасных военных стихов Симонова.

12

Убитый обретает речь, чтобы, впечатанный в смерть в болоте, свидетельствовать поколению о себе и – через себя – о бессчётных безымянных, выполнивших предельно свою работу:

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налёте.*

От него ничего не останется, чтобы осталось всё – сиять поэзией пронзительной высоты и чистоты, поэзией, словно утверждающей: безымянных нет, и всё человечество – единый организм – хотя... не почувствовать это, тем более во время войны; тем не менее от обретшего голос убитого не осталось ничего, чтобы... осталось всё:

*И во всём этом мире
До конца его дней –
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастёрки моей.*

И он, выполнивший солдатскую работу до конца, растворился в самом составе жизни, в химии её и в таинственном свете, определяющем рост корней:

*Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облаком пыли
Ходит рожь на холме.*

*Я – где крик петушиный
На заре по росе;*

*Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе.*

Тут метафизика высокого корня – всё во всём:
отражается, растворяется, живёт.

Стихотворение речёт и о вечности жизни
тоже. ...Горько звонит колокол произведения:

*Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам всё это, живые.
Нам – отрада одна,*

*Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,
Вы должны его знать.*

Тени рекут, вечно живые рекут, не видевшие
победы тоже соединились с ней.

...И рвётся в небеса плач-крик-призыв хре-
стоматийного стихотворения; рвётся на таком
сгустке силы, что сколько ни пройдёт времён,
будет действовать на душу.

13

Конкретика войны – с расхлябанными доро-
гами и ежедневным вглядыванием в очи смерти –
не исключает песни, напротив, она необходима
как внутренний стимул, как звук светлой вести:

*Я был когда-то ротным запевалой,
В давным-давно миновавшие года...
Вот мы с ученья топчем, бывало,
А с неба хлещет ведрами вода.*

*И нет конца раздрызганной дороге.
Густую глину месят сапоги.
И кажется – свинцом налиты ноги,
Отяжелели руки и мозги.*

Странно, но Николай Старшинов оставлял
определённую нежность и в военных ритмах сво-
их стихов, полных плазмой жизни...

...Даже здесь, в миге от смерти, сквозит неж-
ное имя – Россия:

*Когда, нарушив забытьё,
Орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..»
А шли и гибли
За неё.*

Гибли, мостя собой тропы победы. Гибли,
недокрикнув «Ура»...

Поэт выжил, чтобы сказать за них – лириче-
ским натяжением-напряжением строк, поющих
жизнь, несмотря ни на что...

И война, остающаяся навсегда, владеет
сердцем, и сон может мерцать именно такой –
с лежащим в сердце свинцом, который не пре-
одолеть... хотя и окажется всё сном, обращённым
в прекрасные поэтические разводы:

*Одолела меня бессонница,
Доконали кошмары-сны.
То мне снится, что мчится конница
С неприятельской стороны.*

*Оглушаемый канонадою,
Я, безусый ещё юнец,
Улыбаясь, на землю падаю –
В самом сердце лежит свинец.*

Тихая музыка поэзии Старшинова сильно вхо-
дила в реальность – чтобы остаться в ней навсегда.

14

Четырёх строчек достаточно, строчек, рав-
ных выстрелу: они поражают, они вмещаются
в сознание не воевавшего с такой силой, что
не возразишь собственным ощущениям:

*Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

...Ей логичнее писать о любви – молодой,
в облаке сияющих волос, победительно-красивой...

Её военные стихи словно иной полюс темы
любви, будто своеобразная изнанка оной – чёрная,

Николай МАКАРОВ

Мичуринск, Тула

24 апреля 2024 года я с младшей сестрой Ольгой волей случая (случая ли?) оказались в школе № 18 Мичуринска, которую 21 июня 1941 года окончил наш отец – Алексей Дмитриевич Макаров.

В комнате боевой славы среди множества фотографий – во втором ряду сверху, крайняя справа – фотография отца.

Сестра рыдала, у меня на глазах – слёзы...

...Директору школы Ирине Александровне Тимошкиной мы подарили книгу про отца, которую издали в 2015 году в Туле, «Пока я ходить умею...».

На второй день по приезде в Тулу получаю по электронке письмо из Мичуринска.

«Спасибо большое Вам, Богу и судьбе за встречу. Такое просто так не происходит. Начали читать книгу: сначала по диагонали, потом перечитали и... не могли остановиться. Педагоги в очередь встают самим почитать, поделиться с детьми на классных часах. Всё живое, настоящее, чувство любви, ценности семьи очень чувствуются в каждом слове. Ощущение, что это наше, родное, школьное. Низкий поклон от всего коллектива школы.

С уважением, МБОУ СОШ № 18
имени Э. Д. Потапова»

ЛЮБОВЬ – ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

Читаешь иногда о том, что такие-то и такие-то молодые люди, поженившись по любви, прожив несколько месяцев, расходятся, или о том, как в результате вмешательства родных и близких он женится на другой, она выходит замуж за другого. Обидно становится за таких людей. Не было у них любви. А если и была,

то не умеют они дорожить этим прекрасным, священным чувством, не хотят бороться за настоящую, чистую, верную любовь.

Мне хочется рассказать о своей жене – человеке большого, благородного сердца. Не удивляйтесь. Может, кто и подумает: каждый, мол, муж хвалит свою жену. Нет, вы послушайте, что я расскажу, и, надеюсь, вы согласитесь со мной.

Прежде – о себе. Я окончил десять классов, когда началась война с фашистскими захватчиками. Как и многие юноши, я ушёл добровольцем на фронт, был разведчиком, бывал в тылу у немцев с заданиями командования фронта. 18 февраля 1942 года был тяжело ранен, лишился обеих ног. В это время мне было 18 лет! Признаюсь, тяжело было, очень тяжело. Что буду делать? Кому я нужен? Жить на иждивении матери? Получать инвалидскую пенсию? Это в 18-то лет! Лёжа в госпитале, читал и перечитывал «Как закалялась сталь».

Ну да речь не обо мне.

...Домой приехал с костылями, с кожаными ногами, с морщинами на лбу, с седой прядьёю в волосах. Настроение ужасное. Помню, встретил девчат, с которыми учился в десятилетке, приглашают: «Заходи к нам, патефон послушаем, станцуем...» – и осекаются, глядя на мои ноги. А у меня слёзы на глазах.

Опять не о том начал.

В 1943 году я поступил в учительский институт, на первый курс. Там-то и встретил в двадцать пятую годовщину комсомола, 29 октября, свою будущую жену, студентку второго курса Таню Петрову.

Забегу вперёд: этот день – день годовщины комсомола и день нашей первой встречи – мы ежегодно торжественно отмечаем.

Конечно, тогда я и не думал, что Таня станет моей женой, что она полюбит меня, калеку, как я, скрепя сердце, называл себя. Вообще насчёт любви к себе я был настроен пессимистически, не верил я в хорошую, чистую, искреннюю любовь; да, по правде сказать, и не знал я этой любви. Помните, были в это время и такие девушки, да и сейчас ещё попадаются, для которых нужен был не человек, а звёздочки на погонах. Это – не в укор офицерам, нет! Но известны были случаи,

Алексей Макаров

(04.01.2024, Мичуринск – 02.03.1989, Тула)

когда какая-нибудь 18–20-летняя девица выходила за 45–50-летнего папашу со звёздочками, как и сейчас иногда бывает: выходят замуж за квартиру, за большой оклад. Очень здорово наши карикатуристы разделявают таких молодожёнов.

Опять отвлёкся.

Я считал, что меня никто полюбить не сможет, не отважится на такой подвиг.

Да, я считаю это подвигом!

Я видел, как мать, глядя на меня, утирала слёзы, скрывая их от меня. Видел и слышал, как многие женщины горестно вздыхали, видя молоденького солдата с костылями. Во многих у нас книгах очень хорошо написано, очень правильно о том, как жёны с любовью встречают искалеченного мужа-героя. Спасибо! Большое спасибо таким женщинам. Но они знали своих мужей ещё до войны, здоровыми, ловкими, красивыми. А моя Таня не знала меня таким, хотя и жили мы

в одном городе, но на противоположных концах его, учились в разных школах, к тому же я на два года старше её.

...В тот день – 29 октября – мы вместе с группой студентов были в театре на торжественном вечере: разговоры, смех, шутки. Какие бывают разговоры у молодёжи, о чём? Обо всём, конечно: о дружбе, о любви. Я любовь высмеивать начал, хотя мало что смыслил в ней. Так и прошёл этот вечер.

Потом вместе с товарищем, тоже инвалидом, стали участвовать в институтской художественной самодеятельности (пели), участвовала и Таня. Она сразу (ещё в тот, первый вечер) обратила на себя моё внимание. Не похожа она на других: скромная, серьёзная, если веселится, то веселится от души, рассуждения всегда умные, ни разу я не слышал от неё неправды, пошлости. Ко мне она относилась не так, как другие. Иногда эти «другие», желая пошутить надо мной и моим товарищем, спрашивали у нас: «Когда вы женитесь?» Мы обычно на такие вопросы отвечали: «Хоть сейчас, пойдём в ЗАГС». Конечно, никто из этих «шутниц» в ЗАГС с нами идти не собирался. Таня таких вопросов никогда не задавала, но частенько спорила со мной, разбивая мой пессимизм, моё тяжёлое настроение. Смеёшься, бывало, с девчатами, а у самого на сердце кошки скребут: «Вам хорошо, а каково мне, девятнадцатилетнему инвалиду?»

Споры, совместные посещения кино, участие в художественной самодеятельности, бережное, нежное, чуткое отношение ко мне со стороны Тани всё больше и больше влекло меня к ней. И я должен был признаться самому себе, что я полюбил, что я люблю эту чудесную девушку-блондинку. Глаза мои всегда искали её, слух мой из массы голосов всегда выделял её голос, сердце моё всегда замирало, когда она подходила ко мне, говорила со мной.

А я? Я боялся сказать ей о своём чувстве, хотя видел, что и я ей становлюсь небезразличен. Несколько раз я ходил её провожать, далеко мы жили друг от друга, хотя и тяжеловаты для меня были такие прогулки, но я любил её. Да и время такое: война, город затемнён, небезопасно идти девушке одной, но она не боялась, ходила. Как-то

у меня сломался протез, и я «отходился», пришлось сесть на первую завалинку, а она побежала ко мне домой за костылями и потом, проводив меня до дома, одна пошла через весь город.

Мать моя как-то смеялась: «Девчата научили тебя хорошо и помногу ходить». Отчасти это правда. Первое время, помню, вернувшись из госпиталя, я после двухсот метров садился отдыхать, а если и пройдёшь за день километр, то неделю сидишь дома. Став студентом, ни одного дня не пропустил: ходил в любую погоду, в любое время, костыли бросил, стал ходить с одной тросточкой, танцевать научился.

В один, как говорят, прекрасный февральский вечер – вечер был действительно прекрасным: лёгкий морозец, медленно-медленно падающие снежинки и мы с Таней идём из кино – я решился (будь что будет) сказать ей о своей любви. Таня – человек правдивый, она сразу скажет, как воспримет моё признание. Боялся, что услышу в ответ: «Хватит и этой дружбы». Нет, ответ её потряс меня.

– Это серьёзно? Ведь любовь – это на всю жизнь, я только так могу любить.

Так состоялось наше взаимное объяснение в любви. Простояли у её дома до утра. Как я был счастлив, это всякий, кто по-настоящему любил и любит, поймёт. Я даже за этим счастьем забыл, что у моей подруги ноги не деревянные, как у меня, что она в туфлях, что на дворе февраль. Позже, вспоминая этот дивный вечер, она говорила, что ноги её замёрзли до предела, но сердце горело и не хотелось уходить.

Встречались мы после того вечера каждый день. Как это – прожить целый день и не видеть друг друга?! Познакомились с матерями: она – с моей, я – с её. С Таней решили: как закончу институт, так и поженимся. Таня окончила институт на год раньше меня, и её, как отличницу, оставили работать в городе; к тому же в семье она была старшая, кроме неё было ещё четверо. Отец умер, старший брат погиб на фронте, старшая сестра умерла совсем недавно.

...По окончании института по распоряжению Наркомпроса я, как инвалид первой группы, тоже был оставлен работать в городе. Каждый день мы только и говорили о том, что скоро нам

придётся произносить слово «надо». Это слово произносили тогда, когда уходить по домам действительно надо было. Надо... надо... надо... До десяти раз произносили, пока наконец не простились до завтра.

Однажды, в отнюдь не прекрасный сентябрьский вечер – хотя и в сентябре бывают прекрасные вечера, – Таня мне говорит, что сегодня к ним мне лучше не заходить в дом. Почему? Банально: её тётушки, бабушки, знакомые, родные и неродные, узнав, что Таня собралась выходить замуж за безногого калеку, начали атаковать Танину мать, будущую, но пока несостоявшуюся тещу, убеждая в бесперспективности такого брака. Нашли даже альтернативного богатого жениха – бухгалтера какого-то завода. И мать её, моя будущая, но пока несостоявшаяся теща, заявила категорически, чтобы я больше к ним не ходил, что она не даст своего разрешения на нашу свадьбу, что спустит всех своих и соседских собак, приблизься я к их дому ближе чем на семнадцать с половиной метров.

Что было всем этим сватьям бабам Баба-рихам до любви, до нашей любви?

Хотя... прав я был, что не имею никаких прав – во, каламбур! – на её любовь. Моя любовь может принести ей только несчастье.

Таня, словно угадав мои мысли, моё смятение, успокаивала, лила бальзам на мою истерзанную душу:

– Ни за кого другого я замуж не пойду. Ты помнишь: любовь – это на всю жизнь, я только так могу любить. – И потом: – Подождём немного, меня они не переломят, но пока не ходи, не хочу обижать мать.

Так мы виделись каждый день целый год, третий год со дня нашей первой встречи.

Как-то после окончания учебного года она говорит:

– Знаешь, мне не хочется обижать мать, которая против тебя, и тебя я вижу каждый день и люблю по-прежнему. Но давай всё-таки проверим нашу любовь: поезжай куда-нибудь работать. Посмотрим, настоящая ли наша любовь. Если да – то я ни на что не посмотрю, брошу всё и приеду к тебе.

Я так и поступил. Я верил, как и она, в нашу любовь. Я уехал работать в село 15 августа 1946 года.

Писали письма друг другу каждый день. 21 сентября я приехал в Мичуринск, и Таня стала моей женой, а через неделю приехала ко мне в село Ново-Тарбеево, где мы до сих пор и живём.

Трудным, тяжёлым оказался для нас этот первый год нашей семейной жизни.

Вы помните осень 46-го и первую половину 47-го, когда из-за засухи с питанием было катастрофически плохо, тем более – в селе?

Это сейчас, когда наше сельское хозяйство благодаря заботам партии и правительства идёт в гору, жизнь села немногим отличается от городской. А тогда было очень трудно. Но мы любили друг друга, мы работали много, очень много. Правда, здоровье моё покачнулось, сказывалось недоедание, приходилось иногда вновь прибегать к костылям.

Но Таня была со мной, она не давала мне впасть в уныние, хотя ей было не легче.

В зимние каникулы отпросились мы у директора школы и решили съездить в город, к родным.

Не забуду – 4 января 1947 года. До железнодорожной станции от Ново-Тарбеево – 12 километров. Зима, снег, мороз. Машины тогда у нас ещё не ходили, лошади в школе не было. Решили идти до станции пешком. Дошли. Но ноги, мои ноги были разбиты до крови. Сели на вокзале в ожидании поезда, но встать и идти садиться в вагон я не смог: кровь запеклась, присохла. Ощущение, будто в ноги воткнуты мириады иголок и вдобавок кто-то стучит по ним молотком. Шагнуть невозможно: искры со слезами из глаз. Кое-как сели в вагон, приехали в Мичуринск, зашли в зал ожидания вокзала, и я повалился на деревянный диванчик. Идти категорически не могу. Что делать? Такси – какое такси? – тогда в городе не было.

Таня! Как же ей, наверное, тяжело было: и самой, и меня боялась обидеть. Я остался сидеть, а она пошла домой за санками. От дома до вокзала и, естественно, от вокзала до дома – километра три. Сел я в санки (это – в 23 года-то!), и повезла она меня домой к своей матери. Сжал я

зубы, напруг все нервы и вошёл в дом «на своих ногах», ощущая не иголки, а раскалённые иглы в них.

Наутро я встать не мог: ноги опухли. Лежу день, лежу другой, легче становится. На третий слышу: в соседней комнате мать плачет и причитает Тане: «Говорили тебе, не такой тебе муж нужен». Таня вбегает ко мне в комнату, обнимает, целует, шепчет: «Не слушай её, не слушай, я люблю тебя, тебя одного. Можешь встать, идти? Пойдём домой».

Встал я, оделся, и пошли мы. Позвонили в сельсовет, выслали нам на станцию лошадь, и мы – дома.

Прошёл учебный год. Легче стало и жить, с питанием дело наладилось, работой мы были довольны, и нами в школе были довольны. Окреп и я, костыли опять на чердаке покрылись пылью. Летом восстановил свою «главучесть» – переглыбал запросто Воронеж туда и обратно. И с тёщей наладилось: часто она у нас гостила и мы у неё.

Через год поступил учиться заочно в Тамбовский пединститут.

Таня, иногда вспоминая мой давнишний пессимизм, смеётся:

– Ты говорил, что тебя любить нельзя. О нашей счастливой жизни даже дни рождения наших детей говорят.

И то правда: Николай – 11 декабря, Татьяна – 11 мая, Ольга – 11 апреля.

Для кого это рассказал?

Прежде всего для тех, кто не умеет любить по-настоящему, кто не борется за свою любовь, кто не бережёт свою любовь.

Есть старое-старое выражение «медовый месяц». При настоящей любви не только месяц бывает медовый, но и вся жизнь «медовая».

«Любовь – это на всю жизнь. Я только так могу любить!» – вот что должен помнить каждый, прежде чем сказать, что любишь кого-то.

Берегите любовь!..

Алексей МАКАРОВ
22 декабря 1958 года,
с. Ново-Тарбеево, Мичуринского района
Тамбовской области

Анатолий ГАГАРИН

Родился на Чукотке, в г. Анадыре Магаданской области. Живёт в Екатеринбурге. Член Союза писателей России с 2012 года. Автор шести поэтических сборников. Кинопродюсер, кинокритик. Директор творческого объединения «Кинофабрика». Доктор философских наук. Профессор Уральского федерального университета, руководитель Экспертно-аналитического центра УрФУ. Генеральный директор Института системных политических исследований и гуманитарных проектов.

* * *

Звон и трепет травы, прорастающей в снег,
В мозг зимы, в её плоть, обращённую в лёд.
Заполoshный озноб принимаю за бег.
Крошки льда в полынье застывают, как мёд.
Кто их здесь набросал, приманив, как на хлеб,
Птиц ночных, ледяных, порождённых зимой?
Вот зрачок полыньи побелел и ослеп,
Мир язык отморозил и стонет, немой.

Лёд седыми иголками шьётся легко,
Стоит птицам махнуть оловянным крылом.
Ошарашится божьим, простым пустяком
Вся округа, где завтра махнут помелом,
И откроется линза в сиреневом льду,
Чтобы пялилась сверху кривая луна,
А из глубкости сквозь серебрянку-слюду
Глянет рыба с крылами, почти не видна.

Утром хруст рассыпается снежным хлыстом,
Гулом кровьим, похмельным откликнется лес.
И вороны, исполнены вечным постом,
Переключку затеют до самых небес.

* * *

Оцепенелым цеппелином
В морозном воздухе плыву,
Тулуп мой пахнет нафталином,
Я буйну потерял главу
В том вечно длящемся вчера,
Где поджидает детвора,
И просветлённая пора
Сулит открытия с утра.

И очарован я кулисой,
Что снежно падает с небес,
Меня укрыв ворсистым плисом.
И я, законченный бельмес,
Плыву, навеки очарован,
Шмелями снега зацелован,
Морозом весь перетолкован,
К былому прикомандирован.

Кроит отвесом Мастер кладку
Хоромам зимним в серебре.
Не разгадать его загадку,
Сколько ни ройся в словаре.
С утра с дружкой, как два титана,
Мастырим лаз внутри кургана,
И роем мы согласно плану
Ту крепость, что давно желанна.

В неё забившись, ждём атаки...
Но нет врагов, и мы в подлодке,
Плывём теперь вдвоём к Итаке.
Сюжет игры пречудно соткан,
И мы, уже два капитана,
Два Одиссея, неустанно
Плывём к брегам обетованным,
Два Немо, принцы безымянны.

Сквозь толщу снега-океана
Нам слышен неумолчный гул,
Там пляшут тени непрестанно,
Видать, Платон не обманул.
От них сбежали в мир фантазий,
Где вымысел разнообразней,
«Авось» сильней любых оказий,
И нам хватает ипостасей.

Снег засыпает всё в округе,
И в детство не отыщешь вход.
Спасибо памяти-поруче,
Она желанней всех свобод.

* * *

Сквозит черёмуховый смех
Над робкою мечтой о лете.
И мнится, это – грех нас всех,
Мы всё равно за всё в ответе.
Всё это флагелланта блажь,
Отринем самобичеванье.
Аккорд небесный и пассаж
Нам свыше дан во испытанье
Любви к неперемене мест
И уз тугих – Земли и Духа.
Их потяни – и благовест
Прольётся тихо снежным пухом.

* * *

Зачем салютами хлопочет небо?
Чтоб пылью звёздной наглотаться в дым?
«Где ты летишь, моя звезда Плацебо?» –
Шепчу я в полдень небесам пустым...

И тополя топорщат пальцы Вяя,
Всё силятся поймать за хвост звезду.
Никто в абсурде этом не повинен,
Нельзя на пустоту надеть узду.

Но верится, что мысль рождает веру.
Хотя, пожалуй, всё наоборот...
А ночь салютами взрывает меру,
Звездой-пустышкой веселя народ.

* * *

Мои стопы истёрлись в костяные салазки,
Первый шаг обжигает, а другой – холодит.
И ступаю с утра я с тоскливой опаской,
Снега жду, по нему каждый лихо скользит.

Пацанам – баловство, старикам – избавленье.
Зацепился клюкой за большой грузовик.
И уехал туда, где спасает прощенье
И прощания нет, и так тянется миг...

* * *

Застыла в ожиданье ель,
Когда ей снежную постель
Зима вокруг неё расстелет.
И Врубель или Брейгель, может,
Напишет ель на снежном ложе.
А время дышит еле-еле...

А рядом золушка-сосна,
Не зная роздыха и сна,
Вдаль смотрит, словно с марса мачты,
Лесной матрос вечносмотрящий,
Упорно мысленно просящий
Художника: «Ну, замаячь ты!

Спешу, творец, в лесные дали,
Таких здесь волки не едали
(Мы на Урале так шуткуем) –
А посему иди, не бойся,
И волку я сказала: «Скройся!»
Ждём. Всей тайгою очаруем».

* * *

Рдеющая медь сосновых пяльцев
Вяжет зеленеющую шаль.
Укрывает от орла-скитальца,
Что нацелил клюв, неся печаль,
Тех, кто пробирается под сенью
Медных веток и хвои густой,
Тех, кто не накрыт орлиной тенью
И спешит устало на покой.

Хвойной шали, верил я, под силу
Всех сберечь, бредущих ввечеру.
И богов лесных помочь просил им...
Вот и сам я до утра замру.

Анна ЛЕНГЛЕ

Родилась и живёт в Екатеринбурге. Окончила Уральский государственный университет, факультет искусствоведения и культурологии. Медиаменеджер, редактор, журналист, заместитель руководителя Экспертного клуба Свердловской области. Работает в Институте системных политических исследований и гуманитарных проектов.

Стихи автора публиковались в ежегодном сборнике «Поэтический марафон».

* * *

Развенчанная тишина
Твоим дыханием раздета.
Звучит, как рваная струна,
Как муза, свергшая поэта.

В ней слово выстрелу подобно.
И под ногами бьётся лёд.
Сыграть Офелию взахлёб
Сейчас не будет ли удобно?

Как будто с нетерпеньем ждёт
Природа от меня движений.
И снегом укрывает брод
Мне в довершение сомнений.

Нам одиночества удел
Едва ли слаще капли яда.
И отражает миг разлада
Шекспира с Гамлетом дуэль.

* * *

Прочертили циркулем вороны
На распаханном поле лжи,
Словно руны, свежие борозды,
Защищая свои рубежи.

И совали свежие колосы
По карманам, истёртым в пыль,
Сорванцы... поправляя волосы,
Отбелённые, словно ковыль.

Неприметные, неприглядные
Там искали свои семена,
Словно рыцари-травоядные,
Упуская ногой стремена.

Но в шершавых ладонях времени
Только плевел, и тот истлел.
Потому что по виду семени
Не узнаешь его удел.

Остаётся крутиться до осени...
Когда семя приносит плод
И межа, убелённая проседью,
Ждёт закат, чтоб встретить восход.

* * *

Когда рассеется туман,
То я увижу твоё тело,
Что ночи напролёт так грело,
Уберегая от смертельных ран,

Держало, и была не в силах взять
Та яма, из которой нет дороги.
И ты изрезал себе ноги,
Чтобы мои не потерять...

Когда рассвет весь лес спалит,
Тогда увижу твоё тело.
Оно за нас двоих болело,
Теперь мне жить за нас двоих.

* * *

Мало сделано, пройдено, выжато,
Только выжжено всё внутри,
Что летало – уже обездвижено
И оставлено на полпути.

Не зажило, а может, не прожито
То, что послано нам с небес.
На потом наша жизнь отложена,
И объявлен негласный протест.

Но восстание нашей жалости
Не сулит триумфа любви.
Здесь юнцы достигают старости
Чуть быстрее, чем пуля груди.

Здесь борьба против всей материи –
Необдуманный пафосный жест
Гладиаторов Римской империи,
Приближающих свой конец.

Остаётся ловить мгновения
Тёплых губ на белом плече.
И жестоко топить сомнения –
В тёплом воске на жёлтой свече.

И в абсурде борьбы со временем
Не сдавать меча,
Даже если от всей империи
Остаётся мечта.

* * *

Твоё плечо, не устающее в бою,
Твои глаза, в которых растворяюсь.
Нет, я просто в них живу,
И венами в тебе я проростаю.

На сердце выбит шифр имён.
Двух жизней воссоединенье,
Как средокрестие времён,
Как двух родных людей сцепленье.

Ты моя гавань, моя твердь.
Я твой огонь – звезда на небосклоне.
Я ключ, открывший эту дверь
В то царство, где сидишь на троне.

Я та корона у тебя на голове.
Я твоё слово, что законом называют.
Ты моё сердце, бьющееся вне,
То сердце, что за всё прощает.

ПУТЬ В ГЛУБИНЫ

Вячеслав ПРЫТКОВ

Рабочий день начальника Минных офицерских классов в Кронштадте капитана 1-го ранга В. П. Верховского был напряжённым. Настоящей головной болью стали участвовавшие доклады об утерянных и затонувших во время практических занятий на Транзундском рейде¹ минах Уайтхеда. Каждая такая потеря обходилась флоту в копеечку – около 4000 рублей. Необходимость поиска и подъёма мин становилась поэтому первоочередной задачей, а без помощи опытных водолазов её не решить.

Владимир Павлович Верховский с особым вниманием прислушивался к тому, что скажут на этот счёт прибывшие к нему два молодых офицера – А. Кононов и доктор Н. Есипов.

– Если я вас правильно понял, то создание офицерских водолазных классов, подобных уже имеющимся Минным и Артиллерийским, вполне возможно.

¹ Транзундский рейд назван по проливу Транзунд, сам рейд находится в 10 км от Выборга.

– Так точно, Владимир Павлович, – чётко отвечал лейтенант А. Кононов, – я полностью беру на себя организацию таких классов, а чтобы поставить всё дело на научную основу, уже выписал из-за границы всю имеющуюся литературу по водолазному делу. В вопросах медицины мне будет помогать доктор Есипов.

– Ну что же, прекрасно. Я верю в вас, держайте, – с облегчением произнёс капитан 1-го ранга.

Владимир Павлович знал, что желающих пройти водолазную подготовку будет немало – это Р. Вирен, И. Бострем, М. Иванов и другие молодые офицеры.

Вскоре на столе начальника Минных классов лежал готовый проект создания Водолазной школы, тщательно проработанный лейтенантом Анатолием Александровичем Кононовым, предусмотревшим необходимость проведения летних практических занятий вблизи острова Биорке (Койвисто)². Благодаря настойчи-

² Биорке (шведск. björko – «берёзовый»), или Койвисто (финск. keivu – «берёза»), – остров у северо-восточного берега Финского залива, близ входа в Кронштадтскую бухту.

вности, стараниям и хлопотам капитана 1-го ранга В. П. Верховского Главный морской штаб в Петербурге выделил штаты и средства на превращение в жизнь этого проекта, а для будущей Водолазной школы были получены помещение на Якорном дворе, около Артиллерийских офицерских классов, и блокшив¹ «Самоед» для проведения летних практических занятий.

В 1895 году лейтенанту А. Кононову присвоили звание капитана 2-го ранга и назначили начальником Водолазной школы.

Энергия и решительность, с которыми взялся за создание Водолазной школы молодой офицер А. Кононов, достойны восхищения. Он стремился поставить её на уровень Минных и Артиллерийских классов, и ему это удалось. Главный морской штаб разрешил поступление в школу строевым офицерам флота. Она получила вместо блокшива учебное судно 2-го ранга «Опричник» и миноносец № 77. Сам Кононов подготовил чертежи, по которым построили 28 морских водолазных ботов. Таким образом, в распоряжении будущих водолазов оказался целый отряд судов для практических занятий.

Однако техническое снаряжение водолазов того времени (1896 г.) позволяло им погружаться только на малые глубины, порядка 10–12 сажен². Неутомимый А. Кононов изобрёл совершенно новый водолазный костюм и помпу для спуска под воду на глубину до 36 сажен, с возможностью связи с поверхностью по телефону.

В 1896 году А. Кононов составил учебник по водолазному делу, он был переведён на ряд иностранных языков и явился серьёзным руководством для водолазов других флотов.

Первой ответственной и трудной работой для водолазов школы А. Кононова стало снятие с мели Кронштадтского рейда зимой 1896–1897 годов крейсера «Россия», который ещё осенью, разворачиваясь во время шторма и снежной бури, сел на грунт, и никакими усилиями буксиров снять его не удалось. Водолазы, работая подо льдом, в прорубях, вызволили крейсер.

¹ Блокшив – старое судно, оставленное в гавани в качестве помещения или казармы.

² Сажень – старорусская единица измерения, соответствующая 213,36 см.

Не менее трудным явилось снятие с камней острова Гогланд³ в Финском заливе эскадренного броненосца «Генерал-адмирал Апраксин», пришлось даже взрывать камни у днища корабля. За эти вызволения кораблей А. Кононов получил высочайшую благодарность.

Транзундский рейд, где обычно проходили учебную подготовку корабли Балтийского флота, имел хорошее укрытие от ветров, но с увеличением размеров и осадки крейсеров и броненосцев грозил новым кораблям мелями и подводными камнями, хотя и отличался большими глубинами.

В 1897 году на рейде затонул броненосец «Гангут». Водолазам А. Кононова была поставлена задача поднять его. Водолазный бот прибыл в предполагаемое место гибели корабля. Глубины там оказались значительными, и подчинённые А. Кононова, переговариваясь между собой, сочли, что на дне, где лежит «Гангут», очень большое давление, способное раздавить спускаемого водолаза.

– Ну что, братцы, есть желающие пойти на поиск? – спросил Кононов окруживших его водолазов.

– Вы считаете, большое давление на дне? Тогда одевайте меня. Сам пойду. Посмотрим! – с готовностью произнёс Анатолий Алексеевич и уже задумал, как развеять сомнения и страхи подчинённых.

Он спустился на дно, обнаружил «Гангут», лежащий на правом борту, осмотрел его. Затем вынул нож, предварительно подав знак поднимать себя, перерезал воздушный шланг, телефонные провода и подъёмный конец. Все решили, что произошла страшная катастрофа, когда вместо своего начальника наверх вытащили обрезанные концы и шланг. Поднять тело Анатолия Алексеевича уже вызвались некоторые водолазы-смельчаки, но тут, ко всеобщему удивлению, на поверхность всплыл сам Кононов.

Этот смелый поступок, скорее опасный опыт начальника над самим собой, окончатель-

³ Гогланд – остров в восточной части Финского залива.

но развеял все слухи о верной смерти на глубине 20–22 сажень.

На очередной Всероссийской ярмарке в Нижнем Новгороде А. Кононов оборудовал специальный водолазный павильон с большим баком глубиной четыре сажени для показательных погружений водолазов, а публике читались лекции о водолазном деле. Здесь иностранцы могли познакомиться с тем, как Россия штурмует морские глубины.

В 1899 году А. Кононов создал в Морском музее Петербурга водолазный отдел.

Наверное, надо было очень любить дело, которому всецело посвятил себя: Анатолий Алексеевич не останавливался на достигнутом. Ещё в 1890 году он сконструировал подводную лодку и сам лично испытал её в Биорке. Она имела привод типа велосипедного и двигалась с помощью мускульной силы шести матросов. Сам Кононов, стоя в рубке, управлял горизонтальными и вертикальными рулями.

Думы и мечты о подводном плавании легли в основу подробного доклада, представленного в Управление Морского министерства. Он ходатайствовал о создании специального отряда подводного плавания и водолазно-спасательной партии, прообраза ЭПРОНа.

К сожалению, Анатолию Алексеевичу не удалось полностью посвятить себя подводному плаванию и дальнейшему развитию водолазного дела. Наступило время, когда пришли новые назначения – командовать кораблями, занимать другие важные должности. Анатолий Алексеевич Кононов дослужился до контр-адмирала, но вклад, который он внёс в становление и развитие водолазного дела в России, трудно переоценить, ведь он, по сути, проложил русский путь в глубины морские!

Р. С. А. Кононов – один из создателей «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона».

ТОРПИЛЬЕРЫ И. ВИНОГРАДСКОГО

*Море грохочет и бьётся о борт.
Отряд миноносок уходит в поход.
Флагман ведёт за собой корабли,
И берег родной остался вдали.*

К началу Русско-японской войны 1904–1905 годов корабли Сибирской флотилии обеспечивали выполнение задач по морской обороне Владивостока. Владивостокский отряд миноносцев совершал смелые рейды с целью нарушения морских перевозок у берегов Японии. За время с начала войны до Цусимского сражения миноносцы Сибирской флотилии захватили и уничтожили до сорока японских торговых и рыболовецких судов. Эти потери явились весьма ощутимыми для каботажного флота Японии, вызывая раздражение и головную боль у морского министерства.

Ранним туманным утром японская рыболовная шхуна наконец достигла родных берегов, проведя двое беспокойных суток в напряжённом рискованном плавании к острову Хоккайдо. Находившиеся на её борту рыбаки всё ещё испытывали нервное потрясение после встречи с неизвестным русским миноносцем, который уже потопил две японские шхуны, экипаж ещё одной – большой «Орангута Мару» – был пересажен на пришедшее сейчас в порт Хакодате отпущенное русскими судно.

Японский унтер-офицер запаса Китахара, разделивший с рыбаками этот печальный рейс, ступив на берег, срочно направился в форт Горикаку крепости Хакодате. Прослуживший в армии не один год, он с присущей японским офицерам дисциплинированностью спешил исполнить просьбу командира русского миноносца – передать небольшой конвент коменданту крепости генералу Марумацу.

Вот вдали показались мощные укрепления форта в виде пятиконечной звезды, его орудия прикрывали город Хакодате – морские ворота Японии. Город располагался на юго-западной оконечности острова, южнее находился Сангарский залив (Цугару), а на востоке – Тихий океан.

Проведя несколько томительных минут в ожидании коменданта крепости и предполагая, что содержимое передаваемого конверта сулит одни неприятности, Китахара усилием воли подготовил себя к этой встрече.

– Господин Марумацу-доно¹, мне веле-но передать вам это, – бывший унтер-офицер склонил голову и передал генералу конверт.

Марумацу брезгливо взял его и с удивлением посмотрел на Китахару. Уже по форме обращения к нему генерал понял, что этот запасник хочет сообщить плохие новости.

В конверте оказалась только небольшая визитка с вензелями, изготовленная из хорошей плотной бумаги, а на ней красивой славянской вязью было написано:

*Капитан 2-го ранга Виноградский
Илья Александрович
Командир отряда миноносцев
Сибирской флотилии*

– Что это такое, чёрт побери?! Откуда? – содрогнулся от ярости генерал Марумацу.

Переждав немного, когда комендант успокоится, Китахара, стараясь говорить спокойно, начал свой рассказ:

– Мы шли без груза из порта Онисика в Сасебо, как вдруг были остановлены внезапно появившимся русским миноносцем. Миноносец буксировал другую большую шхуну, насколько я помню, «Орангута Мару», очевидно, захваченную ранее. Нам приказали принять на борт весь её экипаж и следовать дальше. Командир русского эсминца, узнав, что я бывший офицер, вручил мне этот конверт и наказал передать его вам.

– Это возмутительно! Что делает наш блистательный Императорский флот, позволяя русским свободно совершать рейдерские захваты у наших берегов? Адмирал Камимура, наверное, забыл о храбрости полководца Кимуры Сигэнари², он должен наказать наглых русских! – снова повысил свой голос комендант.

Несколько ранее, загрузившись углём в бухте Ольга, преодолев морскую непогоду с прибрежными туманами, частыми в этих краях в летнее время, возвратился во Владивосток флагманский миноносец № 203 под командой капитана 2-го ранга И. Виноградского, буксируя захваченный в ходе рейда знатный «приз»³ – большую шхуну «Орангута Мару». Другие миноносцы, № 205 и № 206, совершавшие вместе с флагманом 15 июня 1904 года поход к берегам Японии, благополучно вернулись на базу.

Собрав командиров двух других миноносцев, капитан 2-го ранга И. Виноградский обратился к ним:

– Ну что, господа! Благодарю вас за успешный поход, принёсший нам ещё и добычу. Помимо рыбьего жира, риса и рыбы у нас сейчас есть хорошая шхуна, которая пойдёт, я уверяю вас, по немалой цене. Как деньги будем делить? А, командиры? Не кажется ли вам, это напоминает далёкие пиратские времена? Наши успешные набеги произвели настоящий переполох у японских каботажников, отрадно, господа! Если дело пойдёт так и дальше, оставим без снабжения всё западное побережье Японии.

Эти слова, произнесённые командиром отряда миноносцев не без бравады, действительно отражали сложившуюся ситуацию, хотя основные битвы Русско-японской войны были ещё впереди.

Каждый выход миноносцев, называемых торпильерами (от фр. torpilleur – «миноносец», поскольку строились они во Франции ещё

² Кимура Сигэнари – военачальник, отличившийся легендарной храбростью.

³ У офицеров и команд минных отрядов существовало «призовое правило» – захваченные японские суда продавались, и большая часть денег распределялась между всеми.

¹ Суффикс «доно» используется в японском языке при обращении к офицеру, а также при сообщении плохих новостей.

в 1886 году по чертежам известного французского кораблестроителя Огюста Нормана¹) и имевших слабое вооружение – торпедные аппараты и 47-мм пушку Гочкиса, мог стать роковым в случае встречи с более сильным противником. Матросы, служившие на них, называли эти корабли «собачками». Трудно было справляться торпильерам с высокой океанской волной, хотя при спокойной воде они развивали приличную скорость. Одно хорошее свойство у миноносцев всё-таки нашлось – особо прочный корпус: подобно ледоколу могли колоть лёд, а при таране – разрезать пополам вражеское судно (транспорт либо другое), соизмеримое по величине.

Ходить в море на таких кораблях – дело опасное и рискованное, недаром офицеры торпильеров постоянно носили на руке браслеты с надписью «Минный отряд. Погибаю, но не сдаюсь!».

Мужества капитану 2-го ранга Илье Александровичу Виноградскому было не занимать. На Дальний Восток его перевели с Балтийского флота в связи со сложной обстановкой перед началом Русско-японской войны. Он успел уже поучаствовать в китайских событиях 1900–1901 годов, за что получил золотую саблю «За храбрость» и медаль. В сентябре 1904 года отличился в Корейском заливе, сражаясь с японцами, награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1909 году произведён в капитаны 1-го ранга. Однако жизнь этого мужественного морского офицера оказалась слишком короткой: ещё на службе он тяжело заболел и вскоре умер (1910). Многочисленные награды смельчака (а среди них – кавалерский крест ордена Почётного легиона, японский орден Восходящего солнца и другие ордена и медали), возможно, сохранили его бессарабские потомки, но уже навечно именем офицера назван мыс в устье Уссурийского залива.

¹ Во Владивостокский отряд входили также миноносцы и другой постройки.

ПОД ФЛАГОМ БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА

*Не плачь о нас, Святая Русь!
Не надо слёз! Не надо!
Молись о мёртвых и живых –
Молитва – нам отрада!
Вперёд же, братья, на врага!
Вперёд, полки лихие!
ГОСПОДЬ ЗА НАС, МЫ ПОБЕДИМ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОССИЯ!*

Е. Тарусский

Пустыне, пересечённой невысокими холмами, нет конца. Солнце печёт нестерпимо, а под ногами – раскалённый песок, но верблюды уверенно переступают ногами, высоко неся свои головы. Вот впереди показалось сухое русло реки, на дне его лежат источенные временем, песком и ветром стволы деревьев. Колонна войск Ахалтекинской экспедиции под предводительством героя русско-турецкой войны генерал-адъютанта М. Д. Скобелева пересекает пески Средней Азии, двигаясь в направлении земляной крепости воинственных текинцев¹ Геок-Тепе. Её-то и предстоит взять штурмом. Несколько необычно среди бескрайних песков выглядят в составе пехотинцев военные моряки, отправленные для поддержки основных сил по инициативе тогда ещё молодого капитана 2-го ранга С. О. Макарова.

Этой флотским отрядом, называемым батареей морских картечниц², командует лей-

¹ Текинцы – свободные воинственные туркменские племена, занимающиеся разбоем и грабежами.

² Картечница (митральеза) – оружие, прообраз будущего пулемёта, разработанное Де Виттом Клинтонем Фаррингтоном в г. Лоуэлл, штат Массачусетс. Имела четыре ствола, делала 400 выстрелов в минуту. Россия была единственной страной, принявшей эту пушку на вооружение. В 1878 году приобрела 20 картечниц, а Ахалтекинская экспедиция – единственный случай их применения.

тенант Николай Николаевич Шеман вместе со своим помощником гардемаринном Каспийской флотилии Александром Александровичем Майером. Добровольцы для неё отбирались лично Шеманом, и каждый вооружён палашом и револьвером, а строевые чины – ещё и винтовкой Бердана, но основное оружие этого особого морского отряда – четырёхствольные картечницы и скоростные пушки Энгстрема. Морское вооружение пришлось по душе самому М. Скобелеву, и теперь пушки, бережно укутанные парусиновыми чехлами с дула до казны, на десантных лафетах с ящиками для патронов и снарядов, зашитых в войлок и накрытых брезентом, совершают длительный переход.

Время от времени, потягивая воду из баклагов, обшитых кошмой, моряки в пути ведут неторопливый разговор. Вот один из комендоров обращается к другому:

– Послушай, Петюня, я вот узнал, что вороги наши, текинцы, – народ храбрый и жестокий до безумия, прозываемый «львами пустыни», любящий внезапные ночные конные набеги, предпочитает холодное оружие – шашки и пики.

– Да, точно это. А ещё наездники они лихие, и лошади у них – загляденье, скакуны, выносливые: за сутки могут свободно пробежать вёрст 150. Говорят, эти кони обучены драться

копытами, бросаться на врага и хватать его зубами. Да что там гутарить, противник сурьёзный.

К ним присоединяется другой:

– Недаром предыдущее выступление войск генерала Н. Ломакина в 1879 году закончилось поражением, и Геок-Тепе тогда не взяли. Не дрейфь, братва, теперь с нами сам генерал Скобелев, «доблестью Суворову равный», да и картечницы чего стоят! Нашего Макарова со Скобелевым связывает старая дружба времён турецкой войны.

Переход к Геок-Тепе был трудным, но благодаря тщательной к нему подготовке прошёл всё-таки благополучно, правда, некоторые его участники страдали от лихорадки – так, гардемарин Майер, несмотря на её приступы, оставался в строю, ничем не выказывая своей слабости.

Моряки батареи морских картечниц действовали всякий раз успешно, как в отражении ночных атак врагов, нападающих на лагерь войск Скобелева, так и при разведке укреплений крепости Геок-Тепе. Бой при Геок-Тепе продолжался в течение трёх недель. Закладка трёхпудровой мины под крепостной стеной гардемаринном Майером и последовавший от этого

взрыв способствовали успеху штурма 12 января 1881 года. Огромную поддержку штурмующим крепость оказал уничтожающий огонь картечных и скорострельных пушек. Он буквально сметал непрерывные конные атаки текинской кавалерии, поражая своей эффективностью. Текинцы вынуждены были сдаться, понеся большие потери. 18 января русские войска овладели селением Асхабад.

Так в успех Ахалтекинской военной экспедиции внесли свой вклад моряки капитана 2-го ранга С. Макарова. Их блистательный вклад был высоко оценён генерал-адъютантом М. Скобелевым, который ходатайствовал о представлении лейтенанта Н. Шемана¹ к следующему чину, а гардемарин Майер², боцманмат Стафеев, артиллерийский унтер-офицер Давыдов и комендор Щелканов получили за храбрость знаки отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени.

Ещё одна кампания русских войск после окончания русско-турецкой войны завершилась успешно, моряки гордо пронесли свой Андреевский флаг, развевавшийся вместе с победным флагом белого генерала М. Скобелева в сухопутных сражениях в центре Азии.

¹ Н. Н. Шеман был шведом, финляндским гражданином, дослужился до генерал-майора флота, занимая должность начальника Финляндского лоцманского ведомства.

² А. А. Майер закончил службу мичманом, оставшись на всю жизнь калекой от взрыва во время штурма Геок-Тепе.

ПОЧЁТНАЯ САБЛЯ ЛИНКОРА

Командир дивизиона миноносцев Черноморского флота Владимир Васильевич Трубецкой 29 марта 1915 года был назначен командиром на новый линейный корабль «Императрица Мария». Известие это не очень-то обрадовало капитана 1-го ранга: жаль было расставаться с боевыми друзьями по дивизиону, с которыми он смело ходил в море, совершал захваты и уничтожение турецких транспортов, став в скором времени настоящей легендой среди врагов и сослуживцев. Управление лёгкими и маневренными миноносцами больше прельщало душу Владимира Васильевича, чем командование новым тяжёлым линкором, хотя и носил он то же название, что и синопский корабль-флагман адмирала П. Нахимова. С грустью вспоминал Трубецкой, как тепло прощался с друзьями, отчаливая на вельботе, гребцами которого, в знак особого к нему уважения, вызвались быть только офицеры.

Новый линкор стал первым в серии из трёх новейших кораблей – за ним последовали «Императрица Екатерина» и «Александр III». Перед мощью и величиной «Императрицы Марии» старые линкоры Черноморского флота: «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон» – казались ветхими и неказистыми коробками.

От залпа орудий «Марии» деформировалось даже тонкое железо надстроек, содрогались, сгибаясь, коечные стойки в кубриках. Линкор не раз выходил к Босфору, испытывал всю мощь своей артиллерии, гонял немецкий крейсер «Бреслау», но ни разу не встретил в открытом бою флагман немецко-турецкого флота «Гебен».

Разговор Трубецкого со старшим офицером линкора капитаном 2-го ранга А. В. Городыским тоже не добавил оптимизма:

– Вот, только посмотрите, Владимир Васильевич, у меня на столе уже несколько рапортов молодых офицеров о переводе на миноносцы, в авиацию, в подводники. Куда угодно. Не по нраву нашей молодёжи монотонность походов корабля, отсутствие достойного врага, однообразие службы, им подавай приключения, опасности, их влечёт жажда кипучей деятельности и веселья, – жаловался Городыцкий.

– Да, действительно, это вполне серьёзно и требует обоснованного решения, которое должно заинтересовать молодых офицеров линкора, – отвечал Трубецкой. – Я подумаю.

– Вот останутся на новом линкоре только такие, как зачисленный недавно в штат корабля герой Синопа – 90-летний матрос 2-й статьи Александр Марков Абакумов¹, который ещё с адмиралом П. Нахимовым на старой «Марии» ходил, тогда что делать будем? – шутливо произнёс кавторанг.

– Да, но этот старикан – настоящий службист, настырный такой. Он, кажется, проверяющим на сходне. Осматривает всех с пристрастием и дотошно. Молодец!

Как и чем заинтересовать молодёжь остаться служить на линкоре? Эта мысль не давала покоя новому командиру. И тут его осенило: стимулом может послужить специально изготовленная для этой цели почётная сабля, выдаваемая каждому офицеру, прослужившему на корабле без перерыва, например, двухлетний срок. Это будет включено в специальное положение о ней.

¹ Синопский герой, соплаватель П. Нахимова матрос 2-й статьи А. М. Абакумов в возрасте 90 лет действительно служил на новом линейном корабле «Императрица Мария». Во время знаменательного смотра государь произвёл его в кондукторы.

Свою мысль Трубецкой высказал старшему офицеру, тот поддержал её.

Решено было срочно изготовить саблю. Это был прекрасный клинок работы златоустовских мастеров, на одной стороне лезвия которого гравировалось имя того, кому она предназначена, на другой – надпись «Линкор «Императрица Мария»». Эфес украшала миниатюра с образом Николая Чудотворца (копия с образа нахимовской «Марии»). Для начала, чтобы утвердить положение о сабле, придумали на предстоящем смотре вручить её самому государю, если он примет почётную саблю, значит, и положение утвердится.

Торжественный смотр состоялся 12 мая 1916 года. На мачте линкора взвился государев штандарт. Фалрепные² выстроились по всему правому трапу. Государь и свита поднялись на палубу. После осмотра корабля наступил долгожданный момент, когда почётную саблю поднесли государю. Он сказал:

– Но ведь я не плавал два года на «Марии»!

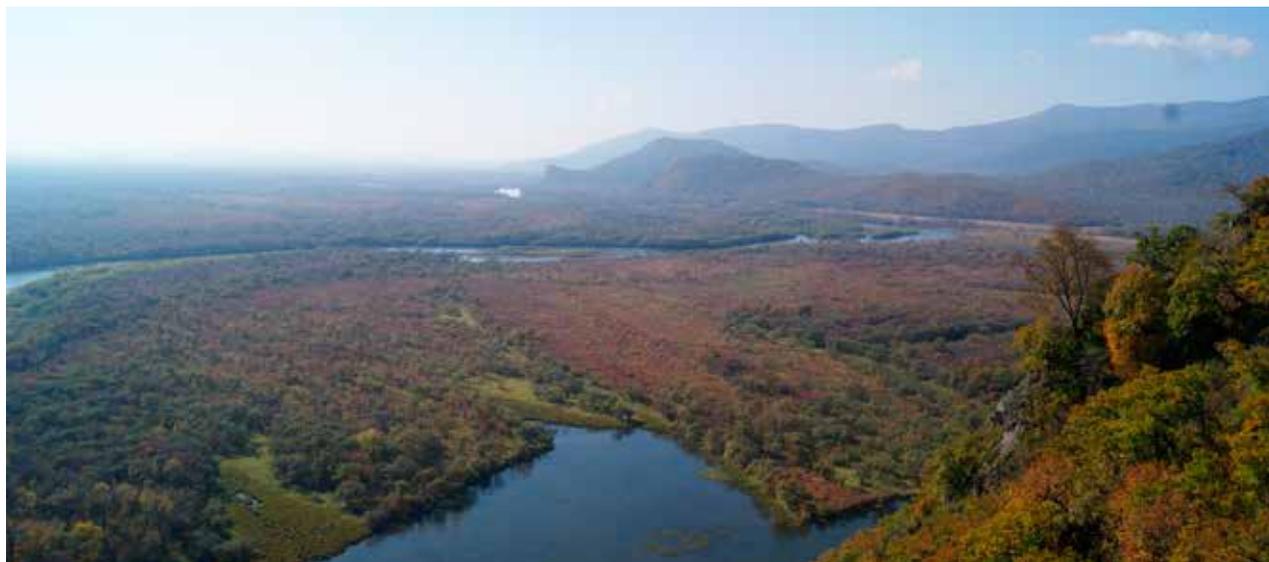
– Ваше императорское величество, для вас это не обязательно.

– Тогда с большим удовольствием! – государь взял саблю и передал дежурному флигель-адъютанту. Все облегчённо вздохнули.

В. Трубецкой прослужил на «Императрице Марии» недолго: уже в августе 1916 года он был назначен наминбригом (начальником минной бригады), а линкор принял капитан 1-го ранга И. С. Кузнецов. Однако за столь короткий срок Владимир Васильевич проявил себя как думающий и заботящийся о корабле командир.

Только вот почётную саблю, кроме государя, больше никто не получил. 6 октября 1916 года «Императрица Мария» вышла в море в последний раз, а 7 октября погибла на рейде Севастополя от мощных взрывов.

² Фалрепные – матросы, вызываемые к трапу при отъезде или приезде офицера или кого-нибудь из начальствующих лиц; их обязанность – помочь при посадке в шлюпку или выходе из неё. Для обер-офицера вызываются два фалрепных, которые становятся у входа на трап лицом друг к другу, для штаб-офицера – четыре; для лиц императорской фамилии фалрепными становятся молодые офицеры, по двое на каждую ступеньку трапа.

Сибирь-матушка¹

Виктор УСОВ

Сторонний наблюдатель, если бы ему случилось увидеть полуденное чаепитие охотников-рыболовов, не поверил бы своим глазам. С вершины защитной дамбы видимость отменная. Всё просматривается до чёрных хребтов Маньчжурских гор², к которым простирается нарезанная чересполосицей рисовых чеков Уссури-Ханкайская равнина³. Отражаясь в паутине водных рукавов, с небес ярится жгучее солнце. И посередине одного рукотворного канала по грудь в жёлтом поливочном растворе удобрений сидят промысловики. Рядом с сидельцами плавают парящий горячим чаем котелок и надувная резиновая подушка с кульком сушек и картонкой сахара-рафинада. Ни духота дня, ни прогретая до неприличия тягучая вода не мешают собравшимся наслаждаться благами жизни. Ватага блаженных знай налегает на горячий чай. Да так усердно, что багровые

лица вкушающих полезный настой блестят от пота. Двое из чаёвничающих, те, что помолже, открывши рты внемлют третьему собрату. Рассказчик далеко не молод, однако его виски и жёсткая, типично сибирская чернявая шевелюра всё ещё не тронуты сединой.

– В прежние времена в деревенских лавках торговали плиточным чаем и обливными конусами сахарных головок. Наколешь льдистый сахарок кусками – и облизывай в своё удовольствие. Конфетами нас родители не баловали, – делится детскими воспоминаниями пожилой оратор. Своим слушателям: молодцу, которому едва минуло двадцать лет, и вовсе безусому, сопливому пареньку – говорящий известен как дядя Гена. – Старики говаривали, лучше плиточного чая, заваренного в жёлтой иртышской воде, напитка нет. Приедешь к родне, заведут в юрту и сразу чай в пиале подают. Подпустят туда молока, а если повезёт – бараньего жира. Вкуснотища! – умиляясь приятным воспоминаниям, дядя Гена прикрыл глаза.

Сказанное заинтересовало парня постарше:

– Какие такие родственники у вас, Геннадий Иванович, чай с жиром пили? – Весьма

¹ История-быль из сборника «Сказки старого Хай Дун шэн-го».

² Восточно-Маньчжурские горы отделяют Россию от КНР.

³ Уссури-Ханкайская (Приханкайская) низменность – расположенная на юге равнинная территория, занимающая 20% площади гористого Приморского края.

ехидный вопрос. Володьке – сомневавшегося в правдивости охотничьих баек звали Владимиром – ввиду младости лет была присуща недоверчивость.

– Какие? Обычные! Которые в юртах живут. – Каков вопрос, таков и ответ. Бывалый промысловик, словно от надоедливо нудящей над ухом мухи, отбрехался от молокососа. – У меня, мил человек, вся родня с выворотом. Одни на деревьях умерших хоронят, другие усаживают покойников под деревьями. Кто живёт в тайге и тундре, кто в Золотых да Чёрных горах¹, которые нынче Алтайскими и Саянскими прозываются, а кто и в голой степи чувствует себя неплохо. Тебе, Володимир², про каковских больше нравится слушать?

– Дядя Гена, не отвлекайтесь, – потребовал затесавшийся во взрослую компанию подросток (юноша откликнулся на имя Роман), – рассказывайте! Интересно обо всех послушать!

– Ладушки! К бабушке я тогда ездил. Учился в Томском лесотехническом техникуме³. Давно это было, други мои. До моего призыва на флот. Мне едва исполнилось лет семнадцать. Направили в Казахстан, на производственную практику. Высаживать заградительные лесные полосы. Тогда о целине и о «большом хлебе» все заговорили. Мечтала огромная страна наесться от пуза. Ну, заскочил перед практикой домой, в Усть-Ишим. Всё одно мне по пути встало. Всех расцеловать. Отец ещё жив был. В госпиталь⁴ собирался. Он в Томске располагался, и отец по полгода обретался в нём. Фронтные раны давали о себе знать. Но сейчас не о том! Гульнули мы хорошо! Меня дед Тихон поддержал,

¹ Цзин-шань (кит.) – «Золотые горы», или Алтай; Тань-мань (кит.) – «Чёрные горы», или Дин-лин (кит.) – горы, принявшие название от племён ди-ли, сегодня это Саяны. Тюрки их называли Когмен – «Небесные преграды», или Кок-мон – «Небесные горы».

² Володимир – старорусское, языческое имя, которым долгое время нарекались князья дети.

³ Томский лесотехнический вместе с горным, металлургическим, промышленно-экономическим и сельскохозяйственным техникумами образован в 1930 году на базе расформированного Первого Сибирского политехнического техникума (1917–1930). Лесотехнический подчинялся Министерству лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

⁴ В 1920 году в освобождённом от Колчака городе Томске был организован 334-й военный госпиталь.

известной в тех местах фамилии Голубевых был человек. Самому двух лет не хватало до ровного счёта – сотни, а, сивый мерин, самогон стаканами кушал. Чем больше пил, тем моложе становился. Хмельной егозил, бороться вызывал. Ему в колхозе на телеге всякую мелочь возить доверяли, так он всё приглашал кататься на коняшках. Вот в подпитии дед и удивил меня тем, что наша родня и в степях корни пустила. В стародавние времена в район солёных озёр, что в Диком поле, команды мимо нас проплывали за солью. В ту пору служил в Ишимском остроге⁵ кто-то из моих пращуров, и отрядили его с прочими служивыми людьми в охрану каравана. На соляных заготовках приметил себе казак жену из ближайшего кочевья. С бабами в нашем краю всегда туго было. Не достать. Набеги всяких инородцев на нашу сторону не только за барахлом, но и за бабами устраивались. Вот дед Тихон и поделился со мной фамильной притчей: «Как тому молодцу удалось уговорить басурманскую родню, чем платил или так свёл девку с отчего двора, про то врать не буду. Того не ведаю! – дед любил пересказывать преданья. – А только с тех пор завелась у нас среди степняков родня!»

Сказитель мне и адресок сообщил, где искать нежданно-негаданно обрётённую бабушку. А что мне – мне интересно! Съездил, навестил! Погостил, наговорился. Сама чернявая бабуля, по-русски ни бельмеса не разумела. Ну а дети и внуки старушки балакали внятно. Много от них узнал. Баранины наелся. Кумыса из бурдюка с белыми червями пробовать не доводилось? – попытал старший товарищ Володю с Романом.

Те дружно замотали головой:

– Нет!

– А я вот отведал. Бодрит! – подводя итог сказанному, дядя Гена смочил пересохшее горло глотком остывшего чая. Он был ему по вкусу. – Рома, плесни ещё! – протягивая кружку, попросил юнца сибиряк.

– А дальше? – затеребил рассказчика Володя.

⁵ В 1629 году для защиты от калмыков на левом берегу Иртыша, при впадении в него реки Ишим, заложен Ишимский острог.

– Что дальше? Дальше некуда. Связь с ними я потерял. Деду было сто лет, когда меня служить забирали. Радовался, что внука на Тихий океан посылают. Всё, пьяненький, лопотал: «Сколько лет назад деда пришли с Ливонской войны¹ Сибирь воевать². Первое наше прозвище было Волянин. Так звали казака, то ли из пленных поляков, а может, каких литвинов³. Забылось уже. Отвоевали землю. Вроде живи себе, наслаждайся. Так нет! Не вдруг выясняется: баб нема! В спешке из России забыли захватить».

Внучок столетнего старца пояснил смысл им поведенного:

– Дело в том, хлопцы, что побасёнки моей фамилии разнятся в части приобретения за козу фамильной прародительницы. Не в вопросе, сколько плачено. Коза – красная цена любой бабы! Возникает серьёзный спор: у кого решившие жениться предки её купили?

Одна родня утверждала: «Пришлось на поклон в стойбище к остякам, подвластным князю Игичею, сыну Алачеву⁴, ехать!» Другая горой стояла за мусульман вогулов с Тобола. Тех, что из улусов князя Суклема⁵.

В общем, запутанная история тёмных времён. Опять же, если взглянуть с другой стороны, козы жалко. Подумавши, молодцы из экономии, ну и от вождения, конечно, могли у какой раззявы в дикой степи девку умыкнуть. Ну это дела прошлые. А тут дед подо всю историю соответствующую платформу подвёл: «Всё,

¹ Ливонская война 1558–1583 годов велась за контроль над Старой Ливонией (нынешние территории Эстонии и Латвии) с её портовыми городами Балтийского моря.

² Поход Ермака в Сибирь 1581–1585 годов.

³ Литвины – с XVI века название населения Великого княжества Литовского, одного из самых влиятельных государств Восточной Европы XIV–XVI веков. В него входили, какими территориями полностью, а какими областями отдельно, земли Польши, Беларуси, Украины, Молдовы, Литвы, Латвии, Эстонии, России. Спустя год, в 1585 году, царь отправил к Ермаку подспорье, воеводу И. А. Мансурова со стрелецким войском. В месте слияния Оби и Иртыша стрельцы zaloжили Обский городок (ныне это место именуется «Митькин лог»). В составе войска Мансурова числились казаки и крещённая в православие литва (литвины).

⁴ Алачевы – княжеский род (ханты) Российской империи. Род князей Кодского княжества ведёт начало от князя Алача, сподвижника хана Кучума в борьбе с Ермаком. У князя Алача было три сына: Игичей, Онжа и Палтыш.

⁵ Князь Суклем в 1581 году присягнул Ермаку на верность российскому государю.

внучок, снесли твои прародители! Все беды пережили и таки вышли к Восточному океану. С тобой, молодец, сквозь Сибирь прошли! – говорит. – Порадовал старика Гена. Ноне и моя кровь в тебе океанского рассолу отведаёт!»

Через пять лет, когда я уже демобилизовался, женился и остался век вековать на морском берегу, мать, Лукерья Тихоновна, из дома отписала: «Выхлестал дед полную чарку самогону, взгромоздился на телегу и дунул по деревне. Не удержался, старый хрыч, сверзился с грядки⁶, расшиб голову, полежал в избе дня три да на том и помер!»

Дядя Гена вздохнул:

– Таких мужиков, ребятки, нынче не делают!

– Интересно, должно быть, в тех краях? – мечтательно заявил Володька. – Тайга, да и прочие развлечения.

– Какие развлечения?! Тайга – кормилица! Она сибирская или дальневосточная, другой не бывает. Якуты её так называли. По-ихнему – «хвойный лес»! Развлеченья им... Ишь ты! Вам, ребяташки, в нынешнее время чего не жить? Всего в достатке! Знай работай. Нам, детям войны, досталось одно горе. Отец Родину защищает. Мать нянькается с пятерыми ртами. Голодали. Даже берёзовые почки ели, хотя в колхозе работали все на равных. Грибы жарили... Я, малой, их мясом называл. Кричу: «Ма! Где моё мясо?» Жуть! Мы с одноклассником приловчились возле свинарника из мелкашек крыс отстреливать. Заляжем и высматриваем голохвостых. Серые к живности в корыто лезут. Свиной попробуй не корми. Сдохнут. Не люди же. Так вот. Крысы к корыту, а мы их из засады щёлк, щёлк...

– Зачем вам крысы понадобились?

– Слушай, парень, и не перебивай! Обдерём тушки и деревянными шипами шкурки на стене сарая растнём. Они высушатся, мы их заготовителям за мелкую монету и сбавим. Война, Ромка. Всё для фронта, всё для победы!

Непонятно к чему крысиные шкурки, да ещё за деньги, заготовливать, но, кажется,

⁶ Грядки – две продольные жерди, сверху и снизу, образующие боковые края тележного кузова.

дядя Гена сам не знал дальнейшую судьбу сдаваемых им на нужды фронта мехов.

– Если бы не тайга, перемёрли! А так ягоды, грибы, почки, зелень разная. Мать даже корешки собирала. Ну и охота кормила. Нынче разве охота! Ещё в пятидесятые через нас птица пёрла на зимовку и обратно, неба было не видно. А сейчас смотрите, – тычет вверх пальцем, – пусто! День постреляешь, она вся по полям попрячется. Мы же с дедом обычно грузим фузею в плоскодонку и выгребаем по тёмному времени на середину водоёма. С рассветом начинается тяга. Табун за табунном кружатся над нами. Дед засыплет грамм сто пятьдесят дрови в свою утятницу, упрёт в сошки и выщелкнет сразу полкосяка. Так-то вот! Только успевай собирать. Я приловчился и с братьями Мишкой и Юркой из шалаша стал охотиться. Они пугнут утку, стая начнёт сниматься с воды на крыло, тут и накроешь всех. До полусотни зараз выходило.

Поджавши узкие губы, Геннадий Иванович умолк. Задумался:

– Сибирь – место рождения многих великих народов. Хотя бы тех же турок. Когда-то вышли от нас дикими тюрками. Погляди теперь! У них целая империя на тёплых морях образовалась. Слово «красивый» на их языке¹, возможно, и послужило основой нынешнего названия наших мест. Красивше земли не найти. Весной-летом всё разноцветное. Словно радуга на землю свои краски выплеснула. Зимой снега белее белого укутают нашу сторонушку. Порой как заметёт позёмка. Следом вьюга разгуляется. По несколько дней света белого не видно. Снежная круговерть мрак принесла. У соседей по деревне², с её татарской половины, схожее слово имеется: «сибирмак». Переводится – «очищать». Похоже? – спросил дядя Гена. И, не выслушав ответа, продолжил свои речи: – Метель метёт – всё вычищает! Но мне лично нравится монгольский вариант – «шибир». Так степняки болотистую лесную чащу прозывают. Логично!

¹ Сибир (тюрк.) – «красивый».

² Село Петропавловское Тевризского района Омской области делилось на две половины: русскую и татарскую. Даже колхозы для двух наций были разные.

Якуты о лесе, и монголы о лесе. Сибирь – это прежде всего лесное море. Хотя сибирские морозы не менее знамениты.

Раньше Сибирью пугали. А чего её бояться? Древнейшая земля. Обжитая. Города стояли ещё за восемь столетий до новой эры. Когда против набегов татар с калмыками ниже устья Ишима, на берегу Иртыша, Ишимский острог возвели, напротив новой крепостицки остатки древнего городища холмами виднелись. «Красный город», или Кызыл-Тура³, то поселение называлось. Об чём рядиться! На том берегу шестьсот лет назад пришлые арабы учинили с остяками и вогулами «битву за веру»⁴. В бою охотники убили почти всех шейхов. Пришли проповедовать триста шестьдесят шесть суфиев, осталось в живых шестьдесят шесть. Неплохо мои деды поохотились!

Затем в тех местах Сибирское ханство образовалось. Местные народы татарами называть начали. Татары до сих пор мусульмане. В одном посёлке два колхоза. Наш и татарский. Смешно, но правда. Остяки и вогулы спокойно до Петра веровали, хотя во многом по-своему, в учение Магомеда. Даже кличи, подобия минаретов, среди юрт наличествовали. Но когда в пушном ясаке нужда пропала, стали обращать всех лесовиков под гребёнку в православие. Ханством правили Шибаниды⁵ из числа родственников Батыя. Ну того, что Русь порушил. Царь Кучум из их рода-племени. Я рассказывал, мой предок пришёл с казаками в государеву казну ханство воевать. Сам Ермак не единожды мимо развалин Кызыл-Туры проплывал. На берегу бился с местным князем. Мы пацанами грибы собирали, так соседский Митька в траве обломок кривого меча нашёл. Показали деду, а тот сказал, что

³ Кызыл-Тура (тюрк.) – город, разрушенный отрядами Ермака.

⁴ В 1394 году в Сибирь вторглись всадники хана Шибана, потомка старшего сына Чингисхана, хана Джучи. 1700 воинов сопровождали 366 суфиев братства (тариката) Накшбандия (суфийский тарикат, названный в честь шейха Бахауддина Накшбанди из Бухары. Шейх умер в 1389 году). В начале сражения стороны договорились: побеждённые примут веру победителей. Мусульмане победили.

⁵ Пятый сын хана Джучи, хан Шибан (прародитель правителя Сибири хана Шибана – хан Кучум его потомок), был младшим братом Бату-хана.

где-то в тех местах, под холмом, пятеро погибших в том бою казаков похоронены.

– Земля с историей, – откликнулся на рассказ старины Роман, – а нам в школе всё больше про сибирские руды да разные полезные ископаемые бубнили. Мне казалось, хан Кучум жил в чуме и правил дикарями в звериных шкурах.

Речистый «хронограф» хохотнул:

– Понимаете, друзья, я люблю науку о прошлом – но я не историк! Могу соврать или приукрасить, а то и напутать чего на раз. Всё, о чём я берусь рассуждать, – плоды моих размышлений. Обратите внимание – осмысливание исторических фактов, происходящее в моей собственной голове. Читая книги, даю пищу уму. На вычитанную информацию накладываю доверенные мне воспоминания разных умудрённых жизнью людей. Их было и, надеюсь, будет ещё немало, добрых, умных, внимательных прохожих, подсевших к моему костру. Личные наблюдения и события, в которых принимали участие мои собеседники, истории их семейств и услышанные ими от других побасёнки – настоящий кладёзь для ума страждущего попытаться до сути вещей. Я вам рассказываю собственные сказки. Не детские потешки, а повести минувших лет. Те, что звучны со словом «сказ». Изустного народного творчества. Своего рода былины. Вам понятно?

Молодёжь закивала:

– Да!

Довольный сказочник улыбается понятливым слушателям:

– Былина, быть, а говорит о богатырях. Кто сможет доказать, что их не существовало? То-то же! Касательно твоих сомнений, Рома, в расхождении наших посиделок со школьной программой. Заверяю тебя – многолюдные города по всей Сибири стояли. Золото в древнюю Грецию из рудников Алтая везли. Рудники тогда минами обзывались. Скифские «звериные» поделки из того же огненного металла. Скифы сами жили на этой земле. Могучий народ. Было дело, Македонскому¹ лапты завернули.

¹ В 329 году Александр Македонский на реке Сырдарья сошёлся в бою со скифами. Сражение походило на Бородину. Каждая сторона считала себя победителем. Александру осталось поле битвы, а скифам – возможность завести его

А какие нации взрастили сибирские края! Отголоски скифов – сарматы, двинувшись от предгорий Урала, достигли римских границ. Гунны, спалившие Европу и разрушившие Рим, тоже парни отсюда. Про турок упоминал. Венгры, финны мне, правнуку хантов и манси, люди не чужие. Финно-угорские народы с общими корнями языка. Между прочим, языка хантов. Да и сюда, на Дальний Восток, «Золотую империю»² воевать что, одни монголы пришли? Сколько тех монголов было в природе? Так – пшик! Татары! Сотни тысяч татар. Так чохом все сибирские народы прозывались, что в услужение к Чингизу попали. Он всех способных держать копьё³ – на коня и в набеги. Вымерли в результате такой политики многие племена. Плодиться не с кем стало. Мужички в нескончаемых походах, да и мёрли в те времена пачками.

Пересказ событий былых времён прервался. Сказитель пьёт чай. Глохнет, а у самого закрытые глаза бегают, только веки ходуном ходят. Слово всматривается в невидимые прочей компании картинки из прошлого.

Дяде Гене действительно блазнится иное время.

Кажется ему, он в походе. Проснулась кровь дедов-кочевников. День на коне – вечером барана острым арабским кинжалом зарезал, долю Алаз-хану⁴ в его огненную пасть бросил. Остальное мясо съел. Жир с лезвия малого ножа о голенище зелёных сафьяновых сапог вытер. Чтобы не промокали. Руки, как положено, отёр о парчовую полу шитого златом-серебром халата. Традиция, однако! Да и лишней воды в походе взять негде. Обьедки кинул в кожаный мешок. Поклажу к вьюку на запасной лошади приторочил. Ночь понежился на потнике⁵, утром, только глаза продрал, отправился в путь.

армию в пустынные земли и истребить. Александр предпочёл продолжению губительной войны со скифами поход в Индию.

² Государство Цзинь (кит.), «Золотое» (1115–1234), заняло территории государства Ляо (кит.) – «Железного» (907–1125). Ранее империя Ляо покорила царство Бохай-го – «Приморское государство» (698–926).

³ С III века до н.э., со времён степной империи сюнну (хунну, гунны), все последующие кочевые племена придерживались их традиций. Мужчины в возрасте до 66 лет должны были ходить в набеги.

⁴ Алаз-хан (тюрк.) – божество огня у сибирских тюрков.

⁵ Потник – войлочная подстилка под седло.

Вечером в казане вода закипела, огрызки прежнего ужина туда. Бульон попить с устатку и погрызть есть чего. Опять объедки в мешок, и так раз за разом, покуда мослы не выварятся в труху. А там и добыча молодца поджидает. Богатые купцы на водном пути толкутся. Был бы конь верный да сабля вострая, с ними крепкая кольчуга поверх красного шёлка рубахи, а чего носить – да есть, кругом навалом. Само в руки просится.

Сказитель, приспавший посередь водных струй, вздрогнул. Подымая донную муть, ворохнул затёкшими ногами. Зачерпнув пригоршню тёпленькой водицы, омыл вспотевшее лицо. Однако глаз не открыл. Любопытство, чем окончится сновидение, не отпускаяло его внимания.

А может, ему мнилось, он в остроге на стене? На голове красный сермяжный колпак с меховой шайкой¹. На плечах серый длиннопольный походный кафтан из армячины², вместо бубенчиков поперёк груди «берендейка»³ пеналами с зарядами тренькает. Стоит стрелец, всматривается в тревожную даль. Справа налево воин перетянут через плечо портупейей с кривой арабской саблей. Длинные концы красного форменного кушака, охватившего пояс удалца, треплет иртышский ветерок. Показались степняки. Молодец поверх мягкого колпака покрывает голову начищенным до зеркального блеска железным кабассетом⁴.

Для лучшей устойчивости расставив ноги в высоких красных сапогах, стрелок степенно натягивает коричневые перчатки с крагами. Пора! Берёт стоящий у стены самопал и, натрусив в ствол заряд из отцепленного с перевязи пенальчика, шомполом досылает в него пулю.

¹ Шайка – оторочка из меха, из которой торчит тканый колпак.

² Армячина, сермяга – грубое домотканое неотбелённое сукно серого или бурого цвета из овечьей и верблюжьей шерсти.

³ Берендейка – военная амуниция европейских стрелковых полков, перевязь, носимая через левое плечо, с подвешенными принадлежностями для заряжания огнестрельного оружия.

⁴ Кабассет – придуманное в XV веке во Франции металлическое наголовье. Вначале им пользовались кавалеристы, а затем его стали носить пехотинцы всех европейских армий. Подобными шлемами со времён Ивана IV снаряжались полки нового строя – стрелцы.

Пристроив тяжёлый длинный ствол на упор бердыша, служивый сноровисто досыпает из рога порох на зарядную полку пищали. От стоящего рядом факела зажигает фитиль. Он готов! Сумка с запасными фитилями на месте. Свободно болтается сбоку. Под рукой на стене круглые ядра ручных гранат, тощим весом⁵ пять гривенок⁶, и новомодный немецкий мушкет с жагрой⁷, который нужно отпробовать в деле.

Всадники близко. Вон тот супостат, с жиденькой бородёнкой на жёлтой физиономии, поспешает впереди всех. Торопится басурманин, аж засаленные полы парчового халата трепыхаются крыльями по бокам его разгорячённого коня. Торопыге первая пуля. Свистят стрелы. Одна, громко звякнув, ударила в шлём. Предок палит в ответ из ручной пищали. Отстрелялся, берёт мушкет. Поджигает пальником затравку... Выстрел. Намеченный степняк, вскинув руки, только сабля взвилась в небо, вылетает из седла. Не будь дураком, потерявший наездника скакун несётся прочь от окутанных пороховым дымом грозных крепостных стен. Улепётывает подальше от грохота пальбы, волоча сшибленного пулей врага мордой по суровой сибирской земле. До поры, покуда от стремени не отцепится загнутый вверх носок зелёного сапога убиенного.

Стрельцу некогда любоваться делом своих рук. Обороняя от налетевших из степи ногайцев караван судов, идущих в казахские степи на солёные озёра, профессиональный воин палит в супостатов, бросает разбойникам на головы ядра ручных гранат и рубит бердышом без разбору всех недругов. Профессия передана ему по наследству многими поколениями отчаянных рубак – казаков-«годовальщиков»⁸,

⁵ Тощий в значении «пустой, полый». Вес чугунной полый оболочки гранаты без пороха.

⁶ Гривна – русская денежная и весовая единица XII–XVII веков, равная 204,75 грамма.

⁷ Жагра – пальник в виде ушастой палки для держки фитиля, воспламеняющего затравку заряда при пальбе.

⁸ В XVII веке в Сибири важную роль в обороне рубежей играла «годовальная служба» – повинность, при которой служилый люд на год из места постоянного жительства отправлялся в остроги и засеки пограничья оберегать страну от супостата. Подобная служба появилась с момента расширения Московского государства. Ею пользовались великие князья Иван III и Василий III и так далее.

как крестьянским детям досталась от их дедов пашня, а купеческим – мощна. До тысяча семьсот двадцатого года служила крепость со своим гарнизоном на благо Отечества, а затем вышла в отставку. Именным указом государя получила звание слободы. Правнуки служивого люда, не пожелавшие идти в засушливые степи отдалённых южных рубежей, став мирными землепашцами, тоже вышли в отставку.

Избавляясь от видений, Геннадий Иванович вздрогнул. Оглядел Рому с Володькой и заулыбался:

– Ну, чего загрустили? Сибиряки! Я шутил, когда про дальневосточную тайгу говорил. Всё вокруг, – он развёл в сторону одну, затем вторую руку, – на самом деле Сибирь¹. Отвечаю, Роман, ещё раз на твой вопрос о школьной программе. Хоть и поганым называли хана Кучума, а в Российской империи его дети носили титул царевичей Сибирских. Неугомонный Пётр их в князя переименовал. Но куда прикажете родовитость девать? Согласно уложению, князя Сибирские по знатности сразу за Романовыми следовали. Не было им ровни. Всех титулованных особ превосходили потомки Чингисхана. Хотя историки спорят, возможно, тюрк-сибиряк был прародитель самого Великого завоевателя. Да пребудет с ними обоими милость Номун-хана².

Всем нужна Сибирь! Только наша она. Был одно время сибирским царьком некий адмирал³. Его «омским правителем» называли. Приказал мобилизацию провести. Хотел на Москву походом идти. Отца в ту пору и забрали в Белую армию. Только планы родителя с планами Колчака не совпадали. По хозяйству нужно было что-то доделать. Папаня и сбежал до дому. Обиделся на него адмирал, велел отловить и примерно наказать негодника. Отловили, он и не прятался. Выпороли, как приказано, на совесть. У нас только палачами на совесть работают. Сидит отец, задумчиво пострадавшие

места чешет. «Чего сидишь? – ему его батя говорит. – Мы, Ванюша, вольными во все времена были! Не для того землю добывали отцы наши, чтобы всякие пришлые из Петербургов нами командовали!» И пошёл поротый в Красную армию буржуев под корень изводить да от офицера Омск избавлять.

Способности у крестьянского сына к военному делу проявились. Назначили его служить при орудии. До командира батареи дослужился Иван, заодно в партию вступил. Соображаете, какой партийный стаж у него со времён Гражданской был?

Володька с Ромой переглянулись. Догадались: большой! Но промолчали.

– Случай мне батя рассказал. Заночевали они с небольшим отрядом на выселках, у одного куркуля. Дом и хозяйство подходящие. Места всем хватило. Отец пристроился за печкой. Лавки там, правда, не было. Не барин, на куче дерюжных мешков примостился. На полу сквозило из сенных дверей, так родитель холщовыми мешками прикрылся. Русскому солдату что главное? – Слушатели поспешили открыть рты, но их ответ был не важен рассказчику. Это он так, для затравки интереса публики вопросами разбрасывается. – Правильно! Крыша над головой. А комфорт он сам себе устроит. Это американскому вояке не выдай туалетной бумаги, он и погибнуть в таких экстремальных условиях может.

Ночью зараза кулацкая привела белых. Ворвались они на двор, повязали всех и расстреляли в овраге. Отец на шум проснулся, маузер поднял, ждёт: кто полезет за ним, пулю сглотнёт. Желаящих не нашлось. Тихо пролежал до утра, выбрался на двор и в калитку нырнул. Идёт по дороге, без сапог, в нижней рубахе и галифе. На ту пору разъезд конный показался. В будёновках, синие «разговоры»⁴ на груди. Свои! Представился батя по форме, подсадили его на конский круп и рысью к хутору вернулись. На воротах повесили паршивца хозяина, дабы другим неповадно было наушничать.

¹ Автор не разделяет позиции рассказчика. В его, автора, понимании собственно Сибирь осталась на севере, за Амуром. Южней этой реки тянутся земли Маньчжурии.

² Номун-хан (монгол.) – правитель ада.

³ А. В. Колчак (1874–1920), адмирал, белогвардеец, правитель Сибири.

⁴ Цветные клапаны-застёжки на форме назывались «разговорами». Различались по цвету: пехота – малиновый, кавалерия – синий.

В середине тридцатых поехал мой старик в областной центр на партийную конференцию. Поселился, как положено, в доме колхозника, а при нём чайная была. И вот сидит он как-то, вечеряет. Чаёвничает не спеша, от души, сушку за сушкой крушит. Слышит: окликают. Поворачивается на голос. Мужик за соседним столом тарелку борща отставил и, глядя на него, лыбится. Оказалось, сослуживец из погибшего отряда. Он в ту ночь на сеновале прикорнул. Ещё затемно приспичило ему в нужник. Оттуда через сердечко в дверях и увидел страдалец врагов. Срочно «обломил», натянул портки и, выбив доску, через заднюю стенку уборной удрал огородами. Когда привёл помощь, усадьба уже догорала, а на воротах качался хозяин. Будь он, иуда, трижды проклят.

Решив для себя, что сказок на сегодня достаточно, Геннадий Иванович собрался вставать, но молодёжь хором потребовала довести рассказ о героическом отце до его последнего дня.

– Сами напросились! – скрывая за ворчаньем своё удовлетворение, бурчит старший товарищ. – Слушайте, коли желанье есть. Мне слов не жалко. Война с немцами застала батю уже в приличных годах. Здоровья немереного. У нас все жили долго. Дед, вы знаете, вообще умер в сто пять лет¹. И то через ушиб. Сибирское здоровье – как любят говорить в народе. Отец не бражничал. Как заведённый работал в колхозе и призыву не подлежал. Возраст. Но кто вынесет позор отступления? Пошёл партиец и втихую от жены записался в добровольцы.

Мать узнала – голосила на всю деревню. Женщина она была крупная, кулак с твою голову. – Рассказчик показывает на младшего из слушателей, будто у Володьки голова больше. – Но против отца не попрёшь. Он глава всему! Ему видней, как она одна пятерых детей прокормит. Собрал Иван Фёдорович сидор и с добровольческими коммунистическими полками уехал под Москву. Командуя полковыми противотанковыми орудиями (их ещё шутейно называли «Прощай, Родина»), бился

в чине старшего лейтенанта, защищая столицу. Сражался подо Ржевом. До Донбасса дошёл. В последнем бою, говорит, в полосе атакующей пехоты орудия катили. Пехота «Ура!» кричит, а из вражеских траншей в ответ орут: «Мы тоже русские! “Ура” тоже умеем кричать!» – и сошлись врукопашную.

Подумать успел: «Опять на Гражданскую попал!» – взрыва снаряда отец не слышал. Твардовский² точно описал этот момент:

*Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва...*

Откопали его (спасибо трофейной команде), засыпанного в воронке, уже после боя. Так с сорок третьего по госпиталям и маялся. Побудет чуток дома – и в офицерский госпиталь в Томск подлечиться едет. Там он и умер от ран... в пятьдесят третьем! – вспомнив скорбную дату, говоривший помрачнел лицом.

¹ Младший брат Геннадия Ивановича, Юрий, уверял, что их деду, Тимофею Голубеву, на момент смерти было 115 лет.

² А. Т. Твардовский (1910–1971) написал стихотворение «Я убит подо Ржевом» в 1946 году. Сам поэт был осенью 1942 года на фронте подо Ржевом.

ШКОЛЬНИКИ КРАСНОДОНА В МОСКВЕ

Обычно в путевых заметках я пишу о своих путешествиях, но данный случай выбивается из стандартных правил. Организация поездки юных краснодонцев в Москву далась с большим трудом и постоянно висела на волоске, а то, что всё прошло благополучно, можно объяснить только помощью Божьей и добрых русских людей.

Анатолий ТРУБА

22 марта Союз писателей России организовал приезд пятнадцати десятиклассников средней школы из города Краснодона (ЛНР). Группа детей во главе с учительницей, членом Союза писателей России Людмилой Гонтаревой посетила с экскурсией Музей космонавтики

на ВДНХ. В рамках этого мероприятия провели сеанс онлайн-связи с космонавтом, Героем России Олегом Артемьевым, который ответил на все вопросы, интересующие школьников, а сотрудники музея вручили гостям подарки, которые космонавт подготовил заранее. Людмила Гонтарева в ответ подарила музею книгу «Донбасс глазами очевидцев. 2014–2024 годы».

Большое впечатление на гостей произвело посещение планетария. Показанный фильм эмоционально обсуждался детьми.

Затем состоялась незабываемая для краснодонцев прогулка по ВДНХ с посещением павильонов союзных республик и фотосессией.

Мероприятия вызвали бурю эмоций у школьников, к тому же для большинства это стало первым посещением столицы России.

Организовал приезд секретарь Союза писателей России Анатолий Труба, а помощь в размещении и питании оказал Финансовый университет при Правительстве РФ в рамках подписанного в феврале 2025 года Соглашения о сотрудничестве с Союзом писателей России.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Воскресный день 23 марта школьники из города Краснодона (ЛНР) начали с посещения Третьяковской галереи. В 9:30 утра дети организованно шли к станции метро, заверив организаторов в том, что отдохнули от знакомства с космосом и готовы постигать мир изобразительного искусства. Достаточно знаковым стал переход от науки к живописи, а в планах на понедельник значился переход к литературе.

В картинную галерею зашли весёлые дети, а вышли с задумчивыми лицами. На закономерный вопрос, что произошло?, был получен ответ, что поразила человеческая жестокость на картинах. Особенно «ужасное положение людей на картинах из прошлого». Вот так и получается, что люди, сами пережившие не лучшие времена, всегда умеют сострадать другим.

А дальше молодые гости столицы пошли по стандартной программе: Александровский сад, Могила Неизвестного солдата, Красная площадь и вкусные советское мороженое и газировка в ГУМе, парк «Зарядье» и прекрасная фотосессия на Парящем мосту.

Вишенкой на торте стала экскурсионная прогулка на речном кораблике «Маэстро» с профессиональным экскурсоводом и чаепитием, после которой школьники ответили на все вопросы по архитектуре и истории Мо-

сквы, заявив, что увидели столицу другими глазами.

На ужин шли уже уставшие подростки. На вопрос об усталости честно ответили, что действительно очень сильно устали, но сбылись все ожидания от этой поездки.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В писательский городок Переделкино дети ехали, не особо понимая, куда и зачем их везут. Место, которое уже 90 лет принимает в свои объятия писателей разных поколений, сложно назвать всего лишь достопримечательностью. У изумительной красоты соборного храма Благоверного князя Игоря Черниговского нас встретил ответственный секретарь Союза писателей России Николай Иванов, который в своём плотном рабочем графике выделил время для встречи ребят из Донбасса.

Николай Фёдорович поприветствовал гостей, поведал интересные факты о храме и находящемся рядом Патриаршем подворье, а затем провёл на Переделкинское кладбище, ставшее воистину литературным некрополем, где нашли упокоение Корней Чуковский, Арсений Тарковский, Роберт Рождественский и другие писатели. Но особое внимание привлекла могила Бориса Пастернака, творчество которого дети как раз начинают изучать по школьной программе.

Сделав памятное фото с Н. Ф. Ивановым, мы направились на улицу Погодина, где расположен Дом творчества писателей. Отсюда началась экскурсия, посвящённая Переделкино и его знаменитым жителям. Экскурсовод Нелли была слегка взволнованна, принимая гостей из героического Краснодона, и, сделав очень верные акценты, сразу повела речь об Александре Фадееве, авторе знаменитого романа «Молодая гвардия». Дети слушали затаив дыхание. Этот день подарил им встречу с великими именами и литературными героями, они увидели дома, где жили и творили Лев Кассиль, Корней Чуковский, Борис Пастернак, Вениамин Каверин, Геннадий Шпаликов, Вера Инбер, бывший председатель СП России Валерий Ганичев...

Насладившись таинством соприкосновения с удивительным местом, наполненным сосновым ароматом и множеством легенд, наша делегация выехала в сторону Финансового университета, при поддержке которого и состоялась эта поездка в Москву. Здесь, на большой вузовской сцене, прошла презентация недавно вышедшего в свет альманаха «Духовный оплот», составителями которого стали Л. Гонтарева и А. Труба.

В мероприятии помимо самих ребят приняли участие преподаватели и студенты университета, члены СП России – поэты Любовь Берзина, Оксана Москаленко, Татьяна Селезнёва, Александр Сигида, Владимир Прокопенко-Казмин, – а также гость из Забайкалья – поэт Валерий Попов, который специально ради этой встречи на день задержался в Москве. Звучали со сцены и стихи современных поэтов-фронтовиков – Александра Марфунина и Александра Сигиды (младшего).

Но главным героем вечера, несомненно, был 10 «А» класс школы № 24 г. Краснодона. Прекрасный, замечательный 10 «А»! Дети Донбасса... Они умеют не только принимать, но и дарить... Зрителям было подарено пронзительное театральное действие, посвящённое родному городу. Это и есть наш духовный оплот. На том и стоим.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Заключительный день в Москве встретил юных краснодонцев хмурым небом и морозящим дождём. Дети неторопливо шли на завтрак. По не выспавшимся лицам было видно, что накануне они заснули довольно поздно. Несмотря на это, быстро позавтракав, все дружно зашагали к метро и через 25 минут подходили к зданию Совета Федераций.

Фойе верхней палаты Федерального Собрания РФ впечатлило краснодонцев блеском и высоким стилем. Опытный экскурсовод рассказала школьникам о государственном устройстве Российской Федерации, поведала историю парламентаризма в России, раскрыла обычаи, устоявшиеся в Совете Федерации, интересно и живописно, через геральдические особенности показала уникальность и разнообразие россий-

ских регионов. Гости столицы были накормлены вкусным обедом и получили памятные подарки, дополненные памятными фотографиями, позволяющими увековечить незабываемую экскурсию на самую вершину российской власти.

После Совета Федерации решили пройтись по центральной улице столицы. Тверская встретила гулом машин и величественными зданиями.

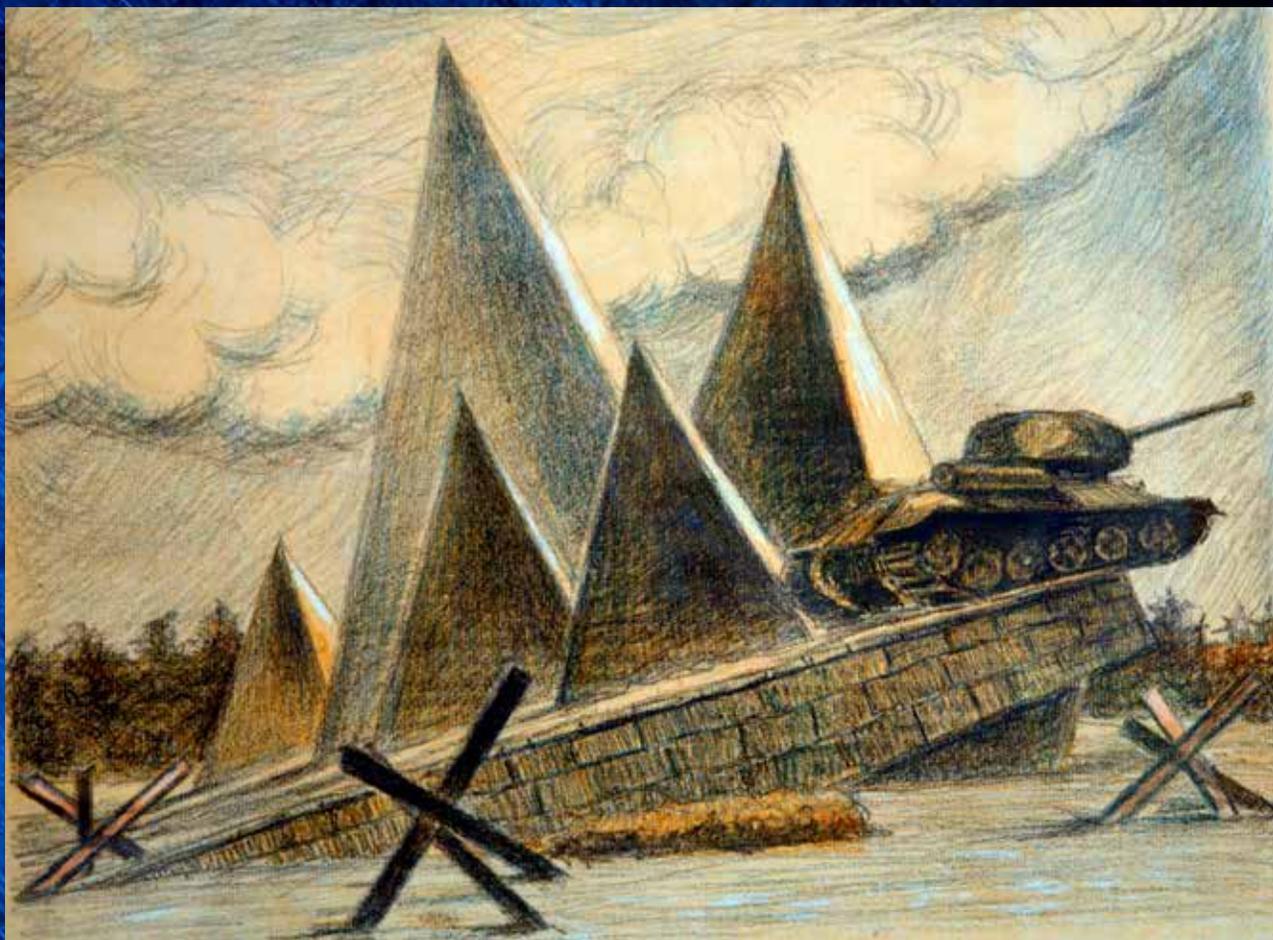
Один из главных сюрпризов был оставлен напоследок. Анатолий Труба предложил зайти в Брюсов переулок и посмотреть подарки, подготовленные народным художником Никасом Сафроновым. Подойдя ко «мхатовскому» дому, дети стали расспрашивать, смогут ли они сфотографироваться с известным художником, но немного погрустнели, узнав, что художник так рано не просыпается, так как работает по ночам. Подарки вынес помощник художника Юрий и шепнул, что, оказывается, Николай Степанович Сафронов только что вернулся из Государственной Думы и куда-то собирается. Быстро набрали номер телефона и услышали голос Никаса. Анатолий Труба попросил его спуститься вниз, и через 10 минут под восторженные вскрики детворы художник фотографировался с ребятами.

После беседы и ответов на вопросы довольные ребята зашагали к станции метро «Охотный ряд», но не успели они дойти до Тверской улицы, как раздался телефонный звонок, и взволнованный Никас Сафронов попросил вернуться назад, так как подготовил ещё подарки. Самые резвые из школьников побежали к дому, и под их восторженные крики народный художник вручил дополнительно две коробки собранных подарков.

Для вернувшихся в Финансовый университет школьников провели ещё одну интересную экскурсию по музею института, раскрывшую перед ними историю создания денежного обращения в мире.

А дальше была дорога на вокзал и организованная посадка в поезд. На вокзале школьники с надеждой заглядывали в глаза и спрашивали: «Мы вернёмся сюда?» – «Обязательно вернётесь!» – заверил Анатолий Труба. Успокоенные, счастливые, но задумчивые краснодонцы поехали на свою героическую родину.

*Сергей Фёдоров. Ленино. Снегири. Мужеству
и стойкости воинов 16-й армии*

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru